ВИТАЛИЙ ГУЗАНОВ

ЮНГИ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

ОН
ЕВ

РДЕНА «

ВИТАЛИЙ
ГУЗАНОВ

ЮНГИ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

Документальная повесть и очерки

МОСКВА
РДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1977

9(С)27
Г93

Гузанов В. Г.

Г93 Юнги Северного флота. М., ДОСААФ, 1977.
144 с.

В документальной повести и очерках рассказывается о добровольцах, воспитанниках школы юнг, которые после учебы пришли на Северный флот и героически сражались с фашистскими захватчиками на боевых кораблях.

Книга рассчитана на массового читателя и особенно на молодежь.

Г $\frac{70302-071}{072(02)-77}$ 22—77 9(С)27

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЮНОСТЬ

Матери моей, Марии Васильевне, и всем матерям друзей моих юнг флота посвящаю эту книгу

У моря есть свои законы.

Сколько бы ни ходило судно по морям и океанам, в каких далеких странах ни брало бы срочный фрахт, оно обязательно возвратится в порт приписки.

Судьбы кораблей схожи с людскими судьбами. Так и я — где бы ни отдавал якорь, сколь бы не ездил, меня постоянно тянуло туда, откуда начал свое первое плавание.

Порт моей приписки: Соловецкие острова. Школа юнг Военно-Морского Флота.

...Как медленно тянется время! Я, кажется, жалею, что не полетел самолетом. Теперь жди, когда придет рейсовый пароход. На кемском рейде тишина. Ни ветерка, ни чаек, ни всплеска волны.

Кто-то за моей спиной произнес:

— Наконец-то появился, желанный...

По совести говоря, я ждал другое судно: красивое, с богиней Никой на форштевне, с длинным стремительным корпусом и с дорогим мне именем «Краснофлотец». И разочаровался: пришел несолидный катер.

Да, видимо, теперь этого судна нет. Боюсь, что и на кладбище кораблей не найти его. Изрезали, может быть,

на металл, или, как говорят моряки, на «патефонные иголки». Судно отжило свой век. И если бы на таких кораблях, как на домах, ставших историей, вывешивались мемориальные доски: «Здесь в 18..., например, году жил (останавливался) такой-то, такой-то...» — то, думается мне, на бортах судна не хватило бы места для подобных надписей. Многие: монахи и вельможи, царские узники-бунтари и известные писатели — совершили путешествие на Соловки на пароходе «Соловецкий», он же в свое время — «Слон», он же в мои годы — «Краснофлотец».

Теперь из Кеми на Соловецкие острова ходит «Мудьюг», а до него совершал рейсы «Лермонтов» — речной катер, не очень современный и малокомфортабельный. В мало-мальски свежую погоду или легкий туман-дымок он протирал борта о причал, а туристы, положив головы на объемистые рюкзаки, «ждали у моря погоды».

Капитан сидит в рубке на круглом стульчике и скучает. Похоже, ему поднадоели и эти рейсы, и эти неорганизованные, вечно чем-то недовольные туристы.

А я стою на правом крыле мостика и думаю о своем. Не выходит до сих пор из головы моей тот августовский день. Было это более тридцати лет назад.

Море дышало, поднималось, горбилось, и ветер свистел в снастях. Берега постепенно тонули за туманной полоской горизонта.

Мы сбились кучкой у большой трубы, от которой тянуло теплом. Некоторые юнги клевали носами.

Перевалило за полночь.

К нам подошел рослый матрос и доверительно сказал:

— Спустились бы в кубрик, там и тепло, и выспаться можно.

Пароход шел лениво, с креном на правый борт. Он был старый, всего повидавший на своем веку, как я потом узнал, ему — шестьдесят с гаком, а сегодня исполнилось бы все девяносто, а назывался он по-молодому — «Краснофлотец».

Я представлял морские и океанские корабли совсем другими. Неужели после окончания школы юнг я начну службу на таком же неуклюжем и тихоходном судне? Да пропади пропадом вся морская служба! Приедешь

на побывку домой — рассказать не о чем будет. Друзья засмеют. Самотоп, а не военный корабль!

Оказывается, в ту минуту о «Краснофлотце» так думал не один я, но и многие мои новые товарищи юнги.

Кто же они — эти юнги, с которыми свела меня судьба? Наша группа — горьковчане, есть москвичи, другие из разных волжских городов, с Урала. Были среди нас и такие парни, которые испытали на себе всю тяжесть ленинградской блокады, некоторые мальчишки жили на временно оккупированной фашистами территории. Одни с трудом перешли линию фронта и оказались в детском доме, кое-кого милиция подобрала на вокзалах; другие, как я, добровольцы, мечтали во что бы то ни стало попасть на фронт, туда, где наши отцы и старшие братья. Двое мальчишек партизанили. Ордена на груди. Мы им завидовали. Они уже знали, почем фунт лиха.

В моей котомке лежал самодельный альбом, на синих листах которого были наклеены газетные вырезки. В основном из «Пионерской правды». Я часто доставал его и перелистывал, восхищаясь яркими и броскими заметками о подвигах моих сверстников. Вот на снимке Федя Поликарпов. Парнишка в матросском бушлате, на плече карабин, а под ремнем противогаза — осколочная граната. Бравый вид! Но что в первую очередь бросалось в глаза — это мягкая, по-детски добрая улыбка. Тут же статья — «Федя Поликарпов». А вот еще коротенькая заметка «Мальчик-герой». История сама по себе трагическая. Первые дни войны. Недалеко от белорусского городка Жлобина фашисты подвергли жестоким пыткам семью колхозника Тышкевича. Случайно уцелел лишь Саша — их старший, четырнадцатилетний сын. Когда гитлеровцы захватили Жлобин, Саша где-то раздобыл гранату-«лимонку» и вышел на дорогу, по которой двигались немецкие войска. Вдруг он заметил штабную машину с офицерами. Паренек подбежал и бросил гранату. Взрыв уничтожил фашистских головорезов. Погиб и юный герой. Корреспонденций сохранилось много, они написаны солдатами-фронтовиками, журналистами и писателями. И за каждой строчкой — человеческая судьба.

Так газета моего отрочества «Пионерка» стала перным другом и советчиком. Она-то и позвала меня на фронт.

...Мои детские годы прошли на стрелке, там, где Волга сливается с Окой. Да, на той самой стрелке, о которой впоследствии будет сложена популярная песня. И хотя артисты эстрады спустя некоторое время в погоне за модой забудут ее, но наши люди, мои земляки-горьковчане, по сей день не могут обойтись без нее в добрый застольный час:

На Волге широкой, на стрелке далекой,
Гудками кого-то зовет пароход...

Я любил Волгу, мечтал стать военным моряком или речником. Меня тянула к себе вода. Я мог часами смотреть на нее.

Весной на стрелке большое половодье. Особой лихостью у нас, мальчишек, считалось прыгать по льдинам, без шеста, кто быстрее доберется до середины реки.

Однажды в мокрое, серое утро сверху Волги пришла льдина, на которой лежали примерзшие немцы: офицер и два солдата. Они, надо полагать, нашли свой конец где-нибудь под Ржевом или Калинином. И тогда нам показалось, что фронт проходит где-то рядом, чуть ли не на окраине города. Как же сразу никому из нас не приходило в голову, что Волга, река нашего детства, была подпалена с двух концов: в верховьях у Селигера, и много ниже — под Сталинградом.

Война есть война, но мы жили и учились, как все нормальные мальчишки. Изредка по городу объявлялась воздушная тревога. Мы старались не бегать в укрытие, а толкались в подъезде дома и полушутя, полусерьезно поругивались с дворником.

В Канавине находился штаб зенитно-артиллерийского полка, он размещался в здании фельдшерско-акушерской школы. Весной сорок второго года на крыше нашего дома установили «огневую точку» — два крупнокалиберных пулемета ДШК. Девушек-зенитчиц расквартировали здесь же, на третьем этаже, рядом с чердачной лестницей, так что по боевой тревоге они мчались на крышу и открывали огонь.

Фашистские бомбардировщики прежде всего пытались прорваться к заводам. А когда стервятникам не удавалось сбросить бомбы, они шли вдоль Оки и метили в мост, перекинутый в самом устье реки. В каких-то сорока — пятидесяти шагах от моста находился и наш дом, живший в вечной тревоге...

Город Горький считался в тылу, поэтому, может быть, в годы Отечественной войны не писали о подвигах авиаторов и воинов ПВО. А подвиги были. Мы знали о них не из газет, а от девушек-зенитчиц, с которыми дружили; иногда они разрешали нам забираться на крышу, чтобы помочь собрать стреляные гильзы.

В нашей школе появился портрет Виктора Талалихина, совершившего первый воздушный таран под Москвой, но мы хотели, чтобы рядом с этим героем-летчиком висела фотография и лейтенанта Петра Шавурина, который таранил фашистский бомбардировщик под Горьким. Это было летом сорок второго года. За свой подвиг он был награжден орденом Ленина. Мне не известна судьба этого храброго летчика, но я до сих пор не забыл его фамилию.

Хорошо запомнился воскресный день 19 июля. Он не был похож на другие. Может быть, в каждом дне есть что-то свое. Но этот был совсем особенный. Мы сидели на крыше сарая и мастерили немудреную клетку для двух голубей, подаренных мне соседом Лешкой Лифановым, вчерашним десятиклассником, ушедшим на днях на фронт.

— Ты не представляешь, какой народ моряки,— расхваливал прелести морской службы мой приятель Толька Жаравин.— Настоящие кореша. Ленты, золотые якоря. Тельняшка. Брюки — клеш...

Я уже представлял. Моряки появились в Горьком весной сорок второго года, с первыми днями навигации на Волге. Их бронекатера и тральщики встали к дебаркадеру водной станции ДСО «Динамо». Оказывается, еще в октябре 1941 года Государственный Комитет Обороны принял решение о создании Волжской военной флотилии. Фашисты были еще далеко, а военные моряки молодой флотилии усиленно готовились к боям. Спустя год после окончания школы юнг я буду проситься на Волжскую флотилию, но пошлют не меня, а моего земляка Мишу Хорошева из города Павлова.

А сейчас я слушаю Тольку Жаравина.

— Открыли школу юнгов. С севера приехали морские командиры. Берут только добровольцев. Айда, друг?

Не пожалеешь. Мазать красками и там сможешь. Ну, лады?..

За год до начала войны я стал заниматься в кружке ИЗО при Дворце культуры имени В. И. Ленина. Учитель рисования говорил моей маме:

— Марья Васильевна, у вашего сына твердая рука, он крепко держит карандаш, его рисунок пошел в гору.

Не знаю, поняла ли мама похвалу художника, но мой рисунок действительно «пошел в гору». В ту пору мы уже рисовали углем и мелом на сером картоне. Осенью 1940 года была объявлена детская художественная олимпиада, посвященная 100-летию со дня гибели великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. По совету учителя рисования прочитал повесть «Тамань» в книге Лермонтова «Герой нашего времени». Почему «Тамань»? Не знаю, не помню.

Уже через неделю у меня созрел замысел будущей картины. Нашелся и натурщик — Толька Жаравин, он позировал, изображая Печорина.

15 июля сорок первого года жюри областной детской олимпиады вручило мне подарок — этюдник с набором красок и кистей...

Толька Жаравин, послуживший мне натурщиком, узнал от своей сестры Нади, работавшей инструктором в Сталинском райкоме комсомола, что из Архангельска приехали моряки набирать добровольцев в школу юнг Военно-Морского Флота.

...Толька ловко свернул цигарку, закурил и ждал, что я скажу. Я молчал. Приятель заметил мою нерешительность. Начал стыдить:

— Убей меня бог, не поверю, что весной собирался махнуть в партизаны... Сболтнул, значит? Голубков разводить надумал? Валяй-валяй... Вернусь с войны, руки не подам.

Мой закадычный друг вскочил, в сердцах бросил цигарку и прыгнул с крыши сарая.

— Трепач! — бросил он презрительно и валкой походкой, будто заправский моряк, ушел со двора.

С Анатолием Жаравиным мне так и не пришлось послужить. Его не взяли в школу юнг. Осенью он должен был явиться в райвоенкомат. Подходил его срок

призыва. Встретились мы с ним уже после войны. На груди у него сиял орден Славы III степени, медаль «За отвагу» и еще четыре медали. Анатолий участвовал в штурме Берлина и освобождения Праги, прошел пол-Европы.

К тому времени, как мне уйти в школу юнг ВМФ, на фронте уже был мой отец, в войсках ПВО под Москвой служила сестра Александра, а старший брат Константин находился на дальневосточной границе.

Провожали меня мама и младший брат Петя. Ему было тогда лет пять, не больше. Помню, мама побежала на базар-толкучку купить мне в дорогу краюху хлеба, а Петю, чтобы не потерялся, поставила на перевернутую бочку. Эшелон тронулся, а мамы все нет и нет. Петя горько плакал. Навзрыд. У меня от жалости к нему аж в груди захолодило. В какой-то момент я был готов выпрыгнуть на перрон и остаться...

Остаться навсегда дома. Ведь меня никто не принуждал идти на войну, никто не упрекнул бы за то, что я вернулся к одинокой матери и маленькому брату. Велик ли спрос с мальчишки, когда ему четырнадцать лет? Велик. Конечно, велик! Клятвенно готов подтвердить это. И не только я, но и все мои сверстники — бывшие юнги флота.

Об этом чувстве раннего мужания очень хорошо сказал Жюль Верн, когда с любовью отзывался о своем пятнадцатилетнем капитане, о Дике Сэнде, который «был уже взрослым, когда сверстники его оставались детьми».

Видимо, уж так устроен человек — в детстве мы торопимся стать взрослыми, торопимся поскорее расстаться с детством.

Эшелон тянулся медленно, устало, как старая, слепая лошадь, которой некуда было спешить. На каждой станции паровоз подолгу стоял, раздумывал, хрипло спрашивал:

— Ку-да-а-а-а? Ку-да-а-а-а-а?

Хотелось бежать к последнему вагону и толкать его, толкать... Пусть летел бы без оглядки, не томил душу.

Москву миновали стороной. Через Иваново и Ярославль приехали в Архангельск.

Мало кто знал что-либо об этом городе.

Скупые сведения из учебника географии: зимой здесь долгая полярная ночь, а по небу гуляют веселые сполохи Северного сияния. Летом солнце такое же, как и на Волге, теплое. Когда в половодье ломается и шумит на Северной Двине лед, сюда приходят речные пароходы.

В Архангельске впервые увидел море и морские корабли, иностранные флаги и вымпелы на мачтах торговых судов и военных кораблей, патрулирующих моряков, и озабоченные лица женщин-поморок, услышал иноземный говор матросов в порту — все это приближало меня к морю и морякам: теперь будущее становилось реальностью.

Хоть и печален север, суров, но я ждал чего-то сказочного, былинного. В одном из скверов, прямо у самого берега Северной Двины, на гранитном постаменте высится бронзовая фигура Петра Первого, с именем которого связано развитие Архангельска как торгового порта и промышленного центра. Петр присутствовал при спуске одного из первых кораблей отечественного флота — яхты «Святой Петр», а также при закладке на Северной Двине ниже Соломбалы Новодвинской крепости, чтобы «затворить от шведов» подступы к Архангельску. Здесь, в этом далеком северном городе, мне стали более понятными пушкинские слова: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек».

Во флотском полуэкипаже, который находился на Второй лесобирже, нас встретили с явным любопытством. Такого пополнения никто не ожидал. Слишком малы были аники-воины. На четверть меньше винтовки с примкнутым штыком. Нас же это не смущало. Мы готовы были доказать любой комиссии, что имеем право стать в ряды военных моряков. И скоро такая возможность представилась.

Нам приказали раздеться. Девушки-краснофлотцы, года на два-три старше нас, водили нас из кабинета в кабинет к врачам.

Строгие доктора обстукивали и прослушивали наши ребячьи грудные клетки, приговаривая:

— Ничего, моряк, на флоте откормят.

Слово «моряк» нас не обижало, каким бы тоном оно ни было сказано. Каждый из нас понимал: мы еще не моряки, а только-только салажата-первогодки. А то, что «на флоте откормят» — мы знали. В полуэкипаже только и разговоров о морском пайке: наваристом борще, макаронах по-флотски и знаменитом компоте.

Потом нас повели в другой кабинет, уже не медицинский, а более официальный: там заседала комиссия, которую все называли чужим и непонятным для нас словом «мандатная».

Подошла моя очередь, и я предстал перед морскими начальниками. На рукавах их кителей горели золотые нашивки. Глаза разбегались: на кого обратить внимание, кто из них главный? Многие из нас, будущих юнг, имели сносное представление только об армейских званиях: «кубики» носили лейтенанты и политруки, «шпалы» — капитаны, майоры и полковники, а во флотских знаках различия пока не разбирались. У самого старшего командира была на рукаве широкая и одна узкая нашивки, по теперешним временам — это контр-адмирал.

Я стоял навытяжку перед авторитетной комиссией, невольно прислушиваясь к частым ударам сердца.

— Что привело вас, молодой человек, к нам на флот? — спросил контр-адмирал, перелистывая тоненькую папку с моим личным делом. Это был, как я узнал потом, член Военного совета Беломорской флотилии контр-адмирал В. Е. Ананьич.

— Отец ваш, как вижу, в пехоте,—продолжал командир,— сестра Александра служит в войсках противовоздушной обороны... Константин — старший брат — дальневосточный пограничник... Ну, а вы?

— Я хочу быть моряком.

— А почему не танкистом?

— У меня есть еще брат... Петр. Подрастет, будет танкистом,— произнес я шепотом.

— Добро,— сказал контр-адмирал и, обратившись к членам мандатной комиссии, спросил: — Зачислим волгаря в юнги?

Я стоял не шелохнувшись, на какое-то мгновение задержал дыхание, робко ждал решения своей судьбы.

Члены комиссии согласно кивнули головами, видимо, вопрос адмирала: «Зачислим волгаря в юнги?» показался им пустой формальностью, делом конченым,

ведь за ним, адмиралом, как председателем, было последнее слово.

— Поздравляю, юнга,— сказал контр-адмирал.— Ступайте получать морскую форму.

В коридоре штаба меня окружили ребята и закидали вопросами:

— Адмирал строгий, да? — спрашивал Николай Смирнов, с которым мы познакомились в теплушке.

— Где мыс Доброй Надежды, спрашивал?

— А про бой с турками в Чесменской бухте?

— А разницу между поваром и коком?

Всем юнгам я ответил: «Нет!» — и торопливо побежал на вещевой склад, чтобы в числе первых получить обмундирование. По наивности своей подумал, грешным делом, чего доброго, и не достанется. Тогда зависть глаза выест. Мои земляки будут щеголять в морских клешах, а я — в школьных штанах-дудочках. Беспокойство мое было напрасным. Во-первых, еще не было приказа о моем зачислении, а потом на таких юных моряков, как мы, форму еще не пошили.

В этот день на вещевом складе снимали только мерки. Некоторые из нас были низкорослые. Кто мог предполагать, что на флот придут добровольцы-мальчишки? Портным полуэкипажа предстояла работенка: за неделю подогнать по нашим хилым фигурам фланелевки и брюки.

В первую ночь мне долго не спалось. Постель не выдали. Только матрацы, набитые стружкой. Жестко и высоко. Нары в три яруса. Я спустился вниз и подошел к окну. Лил дождь. Ребята спали беспокойно, кто-то вскрикивал во сне. Наверное, каждому снилось море, а может быть, мостик стремительного эсминца или рубка торпедного катера...

Утром меня разбудило солнышко и трель боцманской дудки.

Младший командир басовито скомандовал:

— Вставать, койки убирать!

За флотским полуэкипажем начинались владения морского торгового порта, а на другом берегу — Соломбала с судоверфью. Война наложила отпечаток на

Архангельск, хотя фронт находился от него за сотни километров. Через морской порт проходила значительная часть грузов из союзных нам стран антигитлеровской коалиции: Англии, США и Канады. Здесь в порту швартовались иностранные суда, загружались лесом. Штабеля досок стояли ровными рядами, словно тесовые домики, только без окон и дверей. Они тянулись вдоль очень длинного причала. У нас в Горьком, в порту на стрелке, тоже большой причал, но этот пешком не обойдешь. Грузчиков к месту работы развозил «газик».

В день нашего отъезда из Архангельска, когда мы собрались на причале, ожидая прихода судна «Краснофлотец», два иностранных моряка предложили нам закурить. Один из них спросил:

— Куда дети захотели ехать? Экскурсия, да?

Мы мяли пальцами сигареты и с нескрываемым любопытством изучали золоченую надпись. Чтобы не показаться невеждами, надо было что-то сказать американским матросам, ну, хотя бы похвалиться, что мы, мол, уже не школьники, а юнги флота. Откровенно говоря, мы как-то не сообразили, как нужно поступать воспитанным детям в таком случае. Тем более что старший лейтенант Пчелин, сопровождавший нас, строго-настрого наказал держать язык за зубами, не разглашать военную тайну: куда и на каком судне мы пойдем в море. «Вы еще не приняли присягу,— напутствовал Александр Григорьевич Пчелин,— но на вас краснофлотская форма. Зарубите себе на носу: чего не должен знать твой враг, не говори и другу».

Мой земляк Михаил Хорошев сказал иностранцам:

— Мы в деревню едем. Картошку копать.

— О, хорошо, гуд. Молодец! Помощь фронту,— и матрос, говоривший на ломаном русском языке, захлопал в ладоши.— Вэри гуд!

Как только американцы ушли, к нам подошел старший лейтенант:

— О чем разговор?

— Куда путь держим. А мы: в деревню, убирать картошку,— ответил Сергей Барабанов.

Юнги весело засмеялись. Рады, что провели американцев.

— Спасибо за находчивость, хлопцы.

...На следующий день на рассвете в розоватой дымке показались Соловецкие острова. Сначала это был контурный рисунок нескольких островов, потом мы увидели черный густой лес, скалистые низкие берега и высокую гору. На ней находился маяк, очень похожий на церковь. Юнги приникли к фальшборту, любуясь открывавшейся панорамой архипелага.

Островная гряда росла, ширилась. Более отчетливо стали видны каменистые берега с маленькими бухточками...

Маяк не мигал.

— Гора Секирная,— сказал старший лейтенант.— Недалеко от нее вы будете жить.

— А почему гора так называется? — спросил Иван Ящук, паренек из Уфы.— Секли, что ль, там или головы рубили?

— В Савватьеве, рядом с учебным корпусом, лежит камень. На нем надпись...— И Александр Григорьевич Пчелин прочитал на память соловецкую легенду пятисотлетней давности: «На Чудову гору вход женскому полу возбранен по тому случаю, когда преподобный Савватий и Герман жили на сем месте. Рыболовы, проживая летом с женами под горою, оскорбляли преподобных, чтобы изгнать их с острова. Перст божий явил чудо. Ангелы в виде двух светозарных юношей изгнали рыболова жену прутьями...»

Пчелин замолчал, видимо, посчитав неудобным забивать нам головы религиозной мутью.

— На Соловках много бытует разных легенд, хлопцы.

Соловецкие острова...

Удивительное царство зелени и камня. Щедра природа здесь. Запахи моря перемешались с запахами разнотравья. Меня уже не пугал этот далекий край своей суровостью, а, наоборот, порадовал обжитостью, поморским укладом жизни, как где-нибудь в Камском устье или в затоне имени Парижской коммуны под Горьким.

Начальство приняло решение создать два батальона в школе юнг, один должен находиться в самом Соловецком монастыре, другой — в Савватьеве. Это километров пятнадцать от штаба Учебного отряда Северного флота.

В Савватьеве имелось полуразрушенное здание церкви богородицы Одигитрии, двухэтажный каменный корпус для монахов и напротив — деревянная гостиница для приезжих богомольцев. Под самой крышей фасада каменного здания висел фанерный щит с непонятной для нас надписью: «С. Л. О. Н.».

Юнга Валентин Пикуль, с которым мы познакомились в архангельском полуэкипаже, обратился к старшему лейтенанту Пчелину:

— Скажите, что означает эта надпись: «С. Л. О. Н.»?

Александр Григорьевич обернулся к зданию с черными глазницами окон.

— Она расшифровывается очень просто: «Соловецкий лагерь особого назначения». Когда-то здесь, товарищи, была тюрьма. Рекомендую прочитать очерк Максима Горького «По Советскому Союзу». И вы не будете мне задавать таких вопросов. Договорились?

И дружным хором ответили юнги: «Так точно!»

Теперь это мрачное здание отводилось под учебный корпус, гостиницу занял штаб школы юнг. В трех небольших постройках размещались хозяйственные службы, лазарет и баня. И все. Вокруг сосновый лес и небо — крыша.

Мы разбили палатки. Зима, как говорится, на носу. Надо было строить землянки. И это должны сделать мы, четырнадцати—пятнадцатилетние мальчишки. На всю школу юнг имелся «газик» и одна лошадь по кличке Бутылка. С этой старой лошадью связана родившаяся у нас шутка.

Из леса нужно было привезти срубленную сосну. Старшина роты Котенко пошел за лошадью. «Лошади нет»,— ответил ему начхоз. «Как же быть?» — недоумевал старшина. «Как быть? Очень просто. Возьми четверых юнг и кати в лес...»

Получалось так: юнга — простая рабочая единица в четверть лошадиной силы. Четверо юнг — одна лошадь. Все точно, как по задачнику Киселева, по которому все мы учились до войны.

Шутка шуткой, а юнги становились строителями, нам приходилось копать землю, корчевать пни, ворочать камни-валуны, валить строевой лес и таскать его на своих неокрепших худых плечах.

Землянки строили у Банного озера. Каждая смена для себя. В смене — двадцать пять подростков.

Работами руководили командиры смен. Все в прошлом бывалые моряки, присланные с кораблей обучать нас флотским специальностям. Они так же, как и мы, мало что понимали в строительном деле. Сначала рыли котлованы для кубриков — так мы называли землянки. Лопатой землю не возьмешь. Она мерзлая, твердая. А на что лом? Долбим этой железякой, а земля по-прежнему не поддается. Под слежавшейся листвой и мхом — камень-валун. Огромный, неподвижный, как старый морж. Одним словом — глыба.

Командир нашей смены Скурихин говорит:

— Надо разжечь костер.

Мы разбредаемся по лесу за хворостом, потом наваливаем на гладкие и скользкие бока валунов сучья. Костер разгорается не сразу: сперва дымит листва, отчего слезятся глаза, но мы не сдаемся, продолжаем раздувать пламя бескозырками и полами шинелей. Минут тридцать — сорок стоим, греем руки у огня.

Подходит Скурихин.

— Согрелись, наверное. Поработаем, ребята!—И, показывая нам пример, берет большой лом.

— Раз-з-з, два-а-а, ра-з!

И мы снова долбим валун — кто кирками, кто ломами.

Нагретый, а местами раскаленный, камень поддается, от него отваливаются с закопченными боками куски.

Юнги как-то разом развеселились.

— Навались! Эх, дубинушка, сама пойдет!..

В такие минуты всегда остряк найдется.

— Пупок перевяжи, а то надорвешься,— подсказывает мне Витька Максимов, юнга-радист из соседней роты. Парень добродушный и балагур, приехал в школу из Куйбышева, можно сказать, тоже земляк, волжанин.

Работа есть работа, но главное для нас — служба, учеба. Мы за этими военными знаниями сюда приехали. В неделю раза два приходилось дневалить по роте. В караул стали посылать после того, как мы приняли военную присягу. Общеобразовательные дисциплины и морское дело по учебному расписанию приходились на утренние часы. И только суббота отводилась под авральный день. Уборка территории, которую занимала наша рота

боцманов, баня, подгонка и штопка обмундирования, стирка белья...

Однажды в субботу выстирал робу, изрядно поколотив ее деревянным вальком, чтобы она стала белее и мягче, бросил ее на кусты дикого крыжовника. Пусть сушится, пока солнце не ушло за тучи. Крыжовник рос рядом с землянкой ротного командира старшего лейтенанта Пшикова, в самом начале спуска к Банному озеру. С этого места отчетливо было видно, как на фоне заката нервно трепетали ветки деревьев, роняя последние листья. За моей спиной сердито захрустел валежник. Оглядываюсь, а рядом — начальство. Наш комбат Пчелин и незнакомый мне капитан 1 ранга с очень строгим, хмурым лицом, будто он всегда чем-то раздосадован, недоволен.

— Палаточная жизнь юнгам уже невмоготу. Осень на дворе,— продолжая прерванный на минуту разговор, сказал комбат Пчелин.

— Да, этим мальчикам в тепле бы жить, а не под открытым небом,— ответил капитан 1 ранга спокойным, пожалуй, чересчур спокойным голосом.

— По теплу не горюют, а на фронт... хоть сегодня.

У капитана 1 ранга сдвинулись у переносицы лохматые брови. Нахмурился.

— Фронт... Фронт... Кому не хочется на фронт? Давно бы выбрал якорь — и в путь-дорогу на море,— капитан 1 ранга чуть-чуть помолчал, а потом добавил: — Наш фронт теперь здесь, Александр Григорьевич.

— Я понимаю,— сказал комбат, отмахиваясь от мошкары.— А юнг, быть может, понимаю вдвойне... Взрослым людям этот гнус покоя не дает, а у ребят все руки, лица в красных волдырях... Юнга! — позвал меня Пчелин.— Подойдите.

Я сделал несколько торопливых шагов и доложил по всей уставной форме.

— Вот,— сказал комбат,— посмотрите.

Капитан 1 ранга внимательно оглядел меня, улыбнулся, его рука мягко коснулась моего плеча.

— Зловещий зверь — комар? — спросил он.

— Зануда, товарищ капитан первого ранга. Ни ветра, ни дыма не боится. А ночью над ухом, как стервятник, кружит, спать не дает,— смело ответил я.

— А служба как? Только честно?

Тут я запнулся. Сказать правду или нет? Подумал — скажу.

— Войной не пахнет... Такую работенку, как здесь, я бы у себя дома нашел... На лесоразработках всегда люди нужны.

— На фронт рвешься?

— На фронт...

Старший лейтенант Пчелин подождал чуть-чуть, надеясь, что капитан 1 ранга еще о чем-нибудь спросит меня, осторожно начал:

— Я же вам говорил, Николай Юрьевич.

— Рано юнгам спешить на войну,— сказал капитан 1 ранга и спустился по тропинке к дверям землянки.— Рано. Вы читали, что говорил адмирал Нахимов о матросе? «Матрос есть главный двигатель на военном корабле...» Главный! Так высказывался великий флотоводец. И прежде чем юнгам встать к орудию или бросаться на абордаж, если в этом будет нужда, они должны научиться морскому делу. А сегодня самая первейшая задача — строить землянки. Третьего дня я заглядывал в роту старшего лейтенанта Пшикова — котлован как был на метр вырыт, так и остался на той отметке.

У комбата были свои заботы, и он их выкладывал:

— Рук рабочих не хватает, товарищ капитан первого ранга. Сами знаете, юнги — не мастера плотничьих дел... И землекопы тоже неважные. Стараются. Не бездельничают. Посмотришь на них — аж дым валит от робы. Мне порой жалко их бывает. Дети...

— Жалостью хотите растрогать? — с укором покачал головой капитан 1 ранга.— Землянки нужны. Землянки!..

— Завтра начнем укладывать бревна.

— Торопитесь, Александр Григорьевич. Здесь осень гнилая,— на этом капитан 1 ранга поставил точку в разговоре. Не произнеся больше ни слова, он стал спускаться дальше по тропинке, к озеру, где юнги нашей роты боцманов занимались стиркой белья.

По желтой, жухлой листве ударил дождь. Зарябила и вода в Банном озере. Неведомо откуда, когда и как в небе появились темные, низкие тучи, за лесом еще горел розоватый закат, а дождь уже зашуршал, заиграл... Словно нагоняя друг дружку, раскатывались по небу разряды грома.

Вечером, рассказав ребятам о своем разговоре с не-

знакомым капитаном 1 ранга, я услышал от них, что «мне не надо было родиться лопухом и ловить ворон». Еще кое-какие слова были добавлены в мой адрес. Оказывается, я разговаривал с Авраамовым Николаем Юрьевичем, старым «морским волком», назначенным к нам начальником школы юнг.

В конце сентября в нашем первом батальоне появился офицер-фронтовик. Коренастый, малость курносый, с припухшей по-детски нижней губой. Лицо румяное, доброе, глаза без хитринки. Лет ему было около двадцати пяти, не больше. Приехал он прямо из госпиталя. На кителе два ордена Красной Звезды. Кто-то из юнг пронюхал, что получил он эти награды, командуя ротой разведчиков морской пехоты на полуострове Рыбачьем.

— Меня зовут Николай Максимович Калинин. Я капитан, замполит командира батальона, старшего лейтенанта Пчелина. Надеюсь, жить будем дружно. По всем вопросам обращайтесь ко мне.

Кто-то за моей спиной сострил:

— Приходи ко мне в полночь-за полночь. Я чай пью, и ты садись...

— Не хвастайся. Не ты один про Чапаева знаешь,— оборвал юнгу мой сосед Игорь Перетрухин.

Капитан, видимо, не слышал эту короткую перепалку, продолжал:

— Обращайтесь ко мне по званию — товарищ капитан. А теперь скажите, кто из вас умеет хорошо рисовать, играть на музыкальных инструментах или петь? Прошу выйти вперед.

Никто не вышел. Постеснялись для первого знакомства.

— Я вас понимаю,— сказал, несколько смутившись, замполит,— вы еще не определили ко мне отношение. Добро. Расходитесь по палаткам. Старшина, командуйте.

Котенко крикнул:

— Ро-ота! Слушай мою команду. Ро-о-ота, равняйсь! Ро-о-ота, смирно!.. Ра-зой-дись!..

Мы скоро поняли, что старшина нашей третьей роты Котенко не может просто скомандовать: «Разойдись!». Ему необходимо было усложнить воинский устав, дополнить лишними словами. Старшине не хотелось

обойтись, скажем, одним словом — «Смирно!» или «Вольно!», он придавал каждой команде особое значение. Не скрою, в первые дни службы это как-то действовало на нас, а потом мы привыкли и даже посмеивались над старшиной, шепотом предворяли каждое слово его команды, иногда откровенно улыбались... глазами.

— Я вам посмеюсь!.. Улыбочки в строю. Ро-о-ота!

Старшина замечал все, малейшее движение в строю не могло ускользнуть от его цепкого взгляда. В минуту запальчивости Котенко любил говорить: «Я вас вижу насквозь и даже глубже».

Нередко приходилось задумываться над странностями старшины роты. Но мы стеснялись говорить прямо. Ведь мальчишки еще. Звали старшину Котенко Евстафием, этаким старо-славянским именем, но для девушек-матросов из хозвзвода он всегда был Евгением и неотразимым кавалером. Дело прошлое, конечно, но сейчас, спустя тридцать лет, надо отметить, что старшина Котенко был талантливым строевым командиром. Если бы его не было в школе юнг, думаю, что нам чего-то не хватало бы. Да, пожалуй, не доставало бы такого одержимого, строгого и справедливого человека, который соблюдал уставные правила, как говорится, до последней запятой.

Утренний сизоватый туман быстро рассеивался над лесным бором Савватьева. Прогретые солнцем и редким в это время года южным ветром, колыхались верхушки молоденьких березок, густо росших по берегу Банного озера. Монастырскую тишину разбудили трели боцманской дудки.

— Выходи строиться!

Дима Арсенин, паренек с горьковского автозавода, чертыхается. Вчера на озере, стирая хлоркой парусиновую робу, он переусердствовал. Прожег штаны ниже поясницы. А где взять лоскуток для заплаты? Целая проблема. Обратишься к старшине — взгреет. Оставалось одно: бежать в строй, прикрывая дырку ладонью.

Смотрю на земляка — стриженый, худой и уши большие. Мы выходим на линейку, ровно выложенную по обочине камнями, лица у нас заспанные, бескозырки без ленточек, помяты, тощие животы подтянуты белым тесе-

мочным ремешком. О черных флотских ремнях с медными бляхами и о ленточках приходилось пока что мечтать.

Появился капитан Калинин. Старшина роты подает команду «Смирно!».

— Слушайте сводку Совинформбюро.— Замполит батальона читает ее громко, чуть глуховатым голосом:— На днях наши войска, расположенные на подступах к Сталинграду, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада и с юга от Сталинграда. Прорвав оборонительную линию противника протяжением 30 километров на северо-западе (в районе Серафимовичи), а на юге от Сталинграда — протяжением 20 километров, наши войска за три дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись на 60—70 километров...

Сизоватого тумана уже нет. Лучи осеннего солнца просачиваются сквозь ветви вековых сосен. Листва на березах не шумит. Опали листья. Мы молча выслушали политинформацию, а потом нас повели на камбуз. Сегодня наша смена чистит картошку. Среди нас, пожалуй, не было активно желающих отбывать наряд на камбузе. Но когда появляемся, то меряем взглядом котлы, противени, огромные дуршлаги, усмехаемся. Дома мама ложкой мешает в кастрюле, а здесь кок — веслом. Ничего себе семейка! Мы уже давно отвыкли от скудного пайка, который получали по карточкам «на гражданке». И все-таки нет-нет да и вспомним приготовленные материнскими руками щи да рассыпчатые каши.

Дима Арсенин вбирает кухонные запахи ноздрями и спрашивает:

— Что сегодня на обед? Пища перевариваемая или не перевариваемая?

Сергей Барабанов отвечает в тон ему:

— Каша перловая, весьма калорийная, но в рот не лезущая.

Садимся в кружок. Перед нами — двенадцать мешков картошки. На первый-второй, рассчитайся! Нас — двадцать пять. По два человека на мешок. Один лишний. Этим «лишним» оказывается Дима Арсенин. И все потому, что встал в хвосте строя. Дежурный по камбузу посылает его таскать воду из озера.

— Эй, приятель, не надорвись!

Арсенин просит ребят посочувствовать ему, он готов справиться с мешком картошки. Смелое заявление.

— Ладно,— соглашаются двое юнг. Один из них — Коля Бундин.

— Твой мешок, наши — ведра,— говорит он.

Сделка явно не справедливая, но все молчат, ибо никто не знает, какое количество ведер надо принести. Камбуз — это прорва. Может так статься, что до вечера будешь таскать и в самом деле пупок надорвешь.

Дима сидит рядом со мной на скамейке, небрежно строгает картофель. Я стараюсь помочь ему. Одну картошку беру из своего мешка, другую из Диминого. Мой напарник Игорь Перетрухин недовольно косится:

— Эй, малыш, бросай работать на два фронта!

К нам подходит шеф-кок старшина Московский. Фигурой своей он не уступит Санчо Пансе. Он носил бескозырку с надписью на ленточке «Тихоокеанский флот», и когда его спрашивали, почему не меняет на «Северный...», он отвечал:

— У тихоокеанцев надпись на ленточке от уха до уха, а у северян не длинней бровей.

В минуту благостного настроения кок Московский хвастался, что до войны служил в лучших московских ресторанах, готовил блюда для именитых писателей, режиссеров и артистов. Мы слушали раскрыв рты. Рассказывая байки, он наблюдал за нами.

— Ты как, салага, чистишь картошку! — гаркнул Московский над ухом Димы. Юнга вовремя пригнул голову. Тяжелая, пухлая ладонь шеф-кока загребла воздух.

— Нож! — негодовал хозяин камбуза.

Юнга Арсенин, не понимая, что от него хочет старшина, заморгал глазами.

Я подал нож Московскому.

— Смотрите все! — не сбавляя тона, ворчал шеф-кок, указательным пальцем тыкая Диме.— Показываю, как надо чистить... Берите картошку в левую руку. Чуть-чуть надрезаете... вот так. Затем, не отрывая лезвие ножа, тонко срезаете кожицу... А потом картошку крутите вокруг своей оси, будто одним росчерком рисуете на бумаге восьмерку. Видите, что получилось?

И мы увидели чудо. Картофельная кожица была переплетена. Ничего не скажешь, мастер!

Кто-то из юнг произнес:

— Гирлянда. Я такие склеивал из цветной бумаги для новогодней елки.

— Вот-вот,— удовлетворенный своим уроком, сказал Московский.— Она самая, гирлянда.

Была у шеф-кока еще одна слабость кроме хвастовства и пижонства — это умение спать на работе. Ему, довольно-таки тучному человеку, достаточно было сесть на стул, как он сразу же засыпал. Через минуту громко сопел, а в приоткрытом рте что-то булькало.

Юнги пользовались наступившим затишьем на камбузе. Проказничали словно малые дети. Мишенью для шуток оказывался, конечно, в первую очередь сам шеф-кок. Не обошлось без шалости и в этот день.

Наша работа подходила к концу. Пальцы уже задубели, не слушались. Очищенная картошка желтыми камешками-кругляшками купалась в огромных баках с водой, принесенной Колей Бундиным. Пришла пора играть Московскому побудку. Он должен был принять от нас по счету количество ножей, дюжину мешков и выполненную работу. Но тут Дима Арсенин, получивший наглядный урок, как надо чистить картошку, превзошел своего учителя. Он предложил юнгам сплести колечки-кожурки в одну большую гирлянду и повесить ее на багровую шею Московского. Эта затея понравилась всем.

На следующий день я пошел на гауптвахту, чтобы проведать Диму. Приободрить его. Он смотрел на меня через решетчатое окошечко и улыбался. Мы наскоро поговорили, пока нас не накрыл начальник караула.

— Ты знаешь, малыш,— сказал Дима,— мне все равно бы дали трое суток, дознайся старшина про дырку в штанах. Теперь у меня есть время и кусок парусины. Нитки, правда, гнилые попались, рвутся, черти!..

Каким образом капитан Калинин разведал, что Дима Арсенин и я умеем рисовать? Этот вопрос остается для меня загадкой до сих пор. Лет прошло много, теперь-то и вовсе не узнать. Да и зачем? В общем, жизнь наша с Димой изменилась круто. Нас освободили на время от всех работ и нарядов. В углу землянки командира роты старшего лейтенанта Пшикова мы оборудовали мастерскую. Надо заметить, к этому времени Арсенин

был уже в другой роте, но мы встречались по-прежнему. Юнги, которым приходилось за нас стоять в карауле или работать на том же камбузе, дулись на нас, называли интеллигентами, а иногда с их языка срывались более соленые слова.

Мы несли свой тяжкий крест без всякого угрызения совести. Недельки через две в кубриках-землянках появились портреты Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, русских флотоводцев Ушакова и Нахимова, картины исторических сражений русского военного флота при Синопе и Гангуте. Мы копировали их с репродукций, которые печатались в журналах «Огонек» и «Краснофлотец». Помню, каких мук мне стоила картина-реквием «Слава павшим героям» Федора Семеновича Богородского, известного советского живописца. Мне нравился этот художник. Я видел до этого только одну его картину в Горьковском художественном музее. И то — копию. Это была картина-портрет «Братишка». Матрос Красной Балтики — в бушлате, бескозырке, опоясанный пулеметными лентами крест-накрест. В решительном взгляде лица, одновременно смелом и доверчивом, чувствовался настоящий характер революционного матроса. В картине «Слава павшим героям» была значительная монументальность. Мать оплакивает погибшего сына. Стоят матросы-десантники, командир с обнаженной головой, преклонил колено, как бы принимая клятву верности, скорбит о боевом друге. В картине огромное, неутолимое, всенародное горе. Я не мог смотреть на это произведение без волнения.

Спустя много лет, будучи студентом ВГИКа, я рассказал об этом Федору Семеновичу, в ту пору профессору художественного факультета института, члену-корреспонденту Академии художеств СССР. Богородский — в прошлом моряк-балтиец, отзывчивый, доброй души человек, понял меня и сказал:

— Спасибо, брат, порадовал. В лесу, говоришь, в землянке, на Соловках... Ну и ну. А теперь эта картина в Третьяковке...

Судьба моя сложилась так, что я не выбрал профессию художника. Другое дело Дима Арсенин. После службы на североморском эсминце «Громкий» он поступает учиться в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, теперь Дима —

член Союза художников СССР, секретарь Горьковской организации Союза художников РСФСР. Каждый год принимает участие во Всесоюзной выставке акварелей, проводимой в Москве. Его мастерская похожа на музей. Нет, пожалуй, не на музей, потому что это понятие обычно ассоциируется с чем-то строго, раз и навсегда скомпонированным и расставленным, с предупреждающими табличками «Руками не трогать». А здесь — жизнь, праздничная ярмарка красок, торжество киновари и охры, весенние переливы света. В мастерской собрана уникальная, одна из самых интересных в стране коллекция хохломских изделий.

Дмитрий Арсенин с успехом осваивает достижения древнерусского искусства, применяя в своих работах принципы плоскостной декоративности, цветовой точности, технической завершенности формы. Прошлое и современное зримо перекликаются в его работах, позволяя ему создавать образы человека из народа, человека в народе. Таковы, например, картины, написанные темперой по левкасу, положенному на деревянную основу,— «Городецкие мастерицы», «Семья Пешковых-Кашириных», «Красная Узола». С увлечением Дима Арсенин работает и над акварельными натюрмортами, посвященными изделиям русских народных мастеров. Дима Арсенин не терпит поверхностного, легкомысленного отношения к творчеству. Его произведения неоднократно удостаивались почетных дипломов и других наград. Как бы порадовался творческим успехам Димы Арсенина замполит Калинин, доживи он до наших дней.

...Шли дни, недели, месяцы. Мы работали, учились и, как могли, отдыхали.

Наступили холода. Они не порадовали нас. В лесу, конечно, не ощущаешь метели, но на дорогу, за порог землянки, нельзя показать носа. Ветер сбивал с ног. Сухой, скрипучий, он заваливал землянки, маленькие, похожие на бойницы окошки, низкие дощатые двери. В такие зимние дни занятия проходили при свечах, в землянках. Видимо, начальство рассуждало так: зачем в стужу гонять строем мальчишек за полторы версты в учебный корпус, когда преподаватель, взрослый человек, да еще живущий рядом с ротой юнг, может прийти в землянку и провести урок.

Юнгам нравилось, когда занятия проводил комбат Пчелин. Старший лейтенант не был кадровым командиром. До войны он окончил университет, кажется, Воронежский. В армию его раньше не брали по состоянию здоровья. У него были слабые легкие. И здесь, на Севере, болезнь давала себя знать. Лицо у Александра Григорьевича сделалось каким-то серым, плечи опустились. Говорили, что, не будь войны, комбат мог бы стать крупным ученым-историком. С нами он проводил занятия по истории военно-морского искусства и уставам. Рассказывал он интересно, приводил забавные случаи из морской практики, но редко улыбался. Так мы узнали: откуда и когда появилось на флоте морское звание ЮНГА.

Юнга... Если заглянуть в несколько разных словарей, то можно прочитать следующее:

«Юнга в дореволюционном русском флоте и флотах зарубежных стран — подросток, проходящий на морском судне подготовку к службе в качестве матроса; младший матрос».

«Юнга — подросток, исполняющий на корабле обязанности матроса и обучающийся морскому делу».

Большого разночтения здесь нет, если не придавать значения словам: «...проходящий на морском судне подготовку» и «...исполняющий на корабле обязанности матроса». В основном, конечно, юнга — подросток, обучающийся морскому делу, младший матрос на корабле. А в жизни, о чем свидетельствуют исторические примеры, юнга — зачастую «boy», мальчик на побегушках, баловень матросов, салажонок без прав и обязанностей, капитанская подагра — «как бы, стервец, не сыграл за борт во время шторма». Юнгу оттирали, тесня в сторону, лихие корсары, когда делили захваченное в абордажном бою добро заморского купца; юнгу не записывали в шканечный журнал как равноправного члена экипажа, капитан судна не получал на него в порту ни провиант, ни жалованье; юнга всегда был этаким довеском в команде и столовался с матросского бачка, на него корабельный кок, если оказывался скрягой, не набрасывал лишнюю чумичку из общего котла. А форменную одежду юнге не шили, а перешивали из старого, поношенного барахла, как говорится, с плеча дядьки-матроса, который опекал юнгу.

Так было в старину на всех флотах, под каким бы флагом ни ходили галеры и фрегаты: под знаменами ли царей Эллады, под штандартом адмирала Федериго Спинолы Генуэзского, или под брейд-вымпелом Христофора Колумба.

Но как ни тяжела была служба, море манило, и подростки стремились в юнги, искали протекцию, добивались у капитанов соизволения остаться на судне. Мальчишек не беспокоила жизнь, полная тревог, опасностей, неожиданностей, тяжких наказаний за малейший проступок. Они грезили морем, кораблями, таинственным миром приключений...

Звание «юнга» появилось на флоте гораздо раньше, чем звание «капитан». Кстати, «капитан» первоначально являлся армейским чином, а на флоте были кормщики, корабельщики, судовщики, водоводцы, шкиперы и... зуйки. Зуйками поморы называли мальчиков, исполняющих обязанности матросов на промысловых судах. Те же юнги. В России мальчики обучались морскому делу в «водоходных школах». Самая первая была организована в 1781 году в Холмогорах под Архангельском. До Октябрьской революции было две школы юнг: в Севастополе и Кронштадте.

Юнга — самое первое воинское звание на флоте, хотя и не записано в уставах. Юнгой служил на торговом судне художник Поль Гоген. В шестнадцать лет ушел в свое первое плавание юнгой Джозеф Конрад, будущий писатель-маринист. Если самому Жюлю Верну не пришлось быть моряком, то его сын Мишель проплавал на яхте юнгой восемь навигаций.

Известный полярный капитан Владимир Иванович Воронин пошел в море тринадцати лет юнгой-рулевым на рыбацком парусном боте. В 1912 году в Кронштадтскую школу юнг поступил учиться будущий адмирал Герой Советского Союза Иван Степанович Юмашев. Адмирал Гордей Иванович Левченко, ставший впоследствии заместителем наркома Военно-Морского Флота, учился в той же школе юнг.

Юнга... В русском военном флоте он тянул лямку наравне со старослужащими матросами. Капитаны требовали, чтобы матросы работали «как черти», и если, например, паруса ставили не в три, а в три с половиной минуты, то всех опоздавших марсовых, включая марсо-

вого юнгу, пороли линьками. Юнге не делали скидку на возраст, когда нужно было драить палубу, таскать в трюм уголь, красить мачту на самом верху у клотика, нести вахту на руле или в кочегарке у жарких топок.

Юнги шли в бой рядом с бывалыми матросами, ничуть не дрогнув, прямо глядели смерти в лицо. В памяти моей до сих пор живет образ юнги Миши из кинофильма «Мы из Кронштадта». Волей случая горстка моряков революционного полка оказалась в плену. Белогвардейский офицер подходил к каждому матросу с одним и тем же вопросом — «Ты кто?» Моряки называли себя, не скрывая своей принадлежности к партии большевиков. Полковник наклонился к юнге: «Ты?» Миша ответил с достоинством: «Красный балтийский моряк!» А когда революционных матросов стали сбрасывать с высокого берега в море, то один из них попросил офицера: «Ребенка оставьте, ироды...» Но белогвардейские штыки были направлены прямо в грудь моряков. Юнге Мише и коммунисту балтийцу Карабашу пришлось отступить к обрыву...

Юнга... Романтикой дальних странствий заболевают в самом разном возрасте, но больше всего, пожалуй, в те годы, когда манят весенние желтые лужи, в которых с утра и до позднего вечера можно пускать бумажные каравеллы. Это первые путешествия тех, кто живет далеко от моря, где-нибудь в Туркмении или степях Казахстана. Мальчишкам же портовых городов с пеленок знаком и привычен протяжный гудок работяги морского буксира, сырые запахи штормового моря. Но сны у этих ребят одинаковы. Они видят в них далекие заморские страны, испытывают свои силы в жестокой схватке с бурным морем и разгульным шальным норд-вестом...

Необузданная детская фантазия. Поколение сверстников моих, игравших в Чапаева и челюскинцев, в Чкалова и папанинцев,— грезило боевыми кораблями и голубыми просторами морей... Для таких, как мы, бредивших флотом, была организована рота юнг. Да, да — небольшая рота! Разместилась она на романтическом острове Валаам в Ладожском озере. В сентябре 1941 года, не закончив полного курса обучения, рота юнг влилась в состав батальона морской бригады. Многим юнгам еще не исполнилось и шестнадцати лет. Однако они уже получили хорошую моряцкую закалку, их уже можно было

назвать настоящими бойцами. Роте юнг выпала честь драться с врагом на подступах к Ленинграду. Я не знаю, много ли осталось в живых ребят-юнгашей валаамской роты. Дороги войны... По ним шли не только солдаты, мальчишки — тоже. Вместо павших в боях на остров Валаам пришли новые добровольцы. В тех же монастырских стенах, где учились первые юнги, была создана школа юнг, обучающая подростков специальности корабельного боцмана. Но этой школе не пришлось долго просуществовать. 25 мая 1942 года народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов подписал приказ о создании школы юнг на Соловецких островах, в которую мы и приехали обучаться морским специальностям... В приказе Николая Герасимовича Кузнецова говорилось: «Школу укомплектовать юношами — комсомольцами и не комсомольцами в возрасте 15—16 лет, имеющими образование в объеме шести-семи классов, исключительно добровольцами через комсомольские организации в районах по согласованию с ЦК ВЛКСМ».

Старший лейтенант Пчелин, знакомя нас с историей флота и с морской службой, как бы «прощупывал» каждого юнгу, испытывал на крепость, решимость отдаться целиком службе, полной риска, бесстрашной и суровой жизни моряка.

— Знаете, бывают люди, которые стесняются звания юнги,— продолжая рассказывать, утешал нас Александр Григорьевич Пчелин.— Им бы, этим парням, по солидной комплекции своей быть мичманом, а они простые матросы. Не стыдитесь звания юнги! Это самое первое звание на флоте. Я подчеркиваю — первое!.. Пройдет двадцать — тридцать лет — кто-то из вас останется на корабле боцманом, а кто-то будет командовать эскадрой. И новое поколение матросов будет его называть «Товарищ адмирал!» Да-да, я уверен в этом. Таков закон жизни, если хотите — флотской карьеры.

Старший лейтенант Пчелин замолкает, и его взгляд, скользя по стенам землянки, останавливается на портрете Петра I.

— Вот этот корабельный мастер Петр Михайлов, царь-реформатор, основатель регулярного русского флота, считал, что морскому делу надо обучать «робят малых», посылать их плавать на судах для «спознания морского ходу, корабельной оснастки...» Кто знает, быть

может, это было первое упоминание о том, что на флоте рядом с бывалым матросом должен находиться и юнга.

...Можно было бы продолжить воспоминание об Александре Григорьевиче Пчелине, но, к моему огорчению, я почти ничего не знаю о его короткой жизни. Спустя года два после того как мы окончили школу юнг и разъехались по флотам, до меня долетела печальная весть. Тяжелая болезнь легких сгубила нашего комбата. Он скончался на Соловецких островах и похоронен недалеко от монастыря. Летом семьдесят второго года бывшие юнги обновили надгробие могилы. Владимир Татаринов из Свердловска прислал в островной Совет депутатов трудящихся новую надгробную плиту с надписью, выбитой на металле. За могилой нашего комбата ухаживают школьники — красные следопыты Соловецкой средней школы.

Передо мной маленькая корреспонденция «Ровесник Октября», опубликованная в газете «Большевистское знамя». Вот несколько по-газетному скупых строк: «В 1942 году для срыва немецкого весеннего наступления на Мурманском направлении в тылу противника была произведена высадка нашего крупного десанта. С 28 апреля завязались ожесточенные бои. За восемь дней было убито и ранено до 7 тысяч фашистов. Силы противника были измотаны, его планы провалились. В этих тяжелых боях отличился т. Калинин. Он своим личным примером воодушевлял матросов на подвиги.

Во время боев в двух наших ротах вышел из строя офицерский состав. Тов. Калинин принял командование на себя. В боях за высоту «Н» он получил два тяжелых ранения, но, несмотря на это, сумел обеспечить выполнение боевой задачи. За свои подвиги, проявленные в этой десантной операции, т. Калинин был награжден вторым орденом Красной Звезды».

Нам, юнгам, Николай Максимович Калинин не рассказывал о своих фронтовых путях-дорогах. Мы могли только догадываться: наш замполит — отважный морской десантник. Но я знал Николая Максимовича как хорошего доброго человека, заинтересованного в судьбе каждого мальчишки, каждого своего воспитанника.

Помню, как однажды зимой, возвращаясь из увольнения, я шел на лыжах от Соловецкого монастыря до Сав-

ватьева и почувствовал, что не дойду до своей землянки. Сильный мороз жег нос, уши, щеки. Я натирал их снегом — не помогало. Отмахать пятнадцать верст мальчишке по такому холоду — не так было просто. Не хочу сказать, что это мужество, но риск был. Все-таки пятнадцать километров!

У старой бани, где находился КП, я съехал с горки и угодил в полынью, образовавшуюся от притока горячей воды из котельной. Кто-то ухватил меня за воротник шинели и выдернул из озера...

— Беги, малыш! — подтолкнул меня в спину капитан Калинин.— Жми в лазарет, а то заледенеешь.

Но мне трудно было даже ускорить шаг: в руках лыжи с палками, намокшие полы шинели и брюки до колен сковал мороз, они стали словно фанерные, не сгибаясь, трещали при каждом шаге, мешали бежать. Тогда Николай Максимович забрал у меня лыжи и побежал рядом. К счастью, лазарет находился недалеко от главного учебного корпуса, в трехстах метрах от КП. Повезло мне и на дежурного фельдшера. Им оказалась Капитолина Ивановна Калинина, жена нашего замполита. За глаза мы называли ее Капой. Она дала мне мензурку разбавленного спирта и долго растирала ноги концом шерстяного одеяла. Капитолина Ивановна хлопотала, старалась, чтобы я встал утром бодрым и окрепшим. На другой день пришел начальник медслужбы военврач 3 ранга Рогов, осмотрел меня, мельком взглянул на градусник и велел полежать денек-другой. Доктор ошибся. Болезнь моя затянулась на три недели.

Вечером капитан Калинин принес мне письмо. Оно было из дома, от матери. «Мы все живы, здоровы, сынок,— писала мать,— но вот пришла в наш дом горькая беда — получили похоронную... Не стало отца, нашего Григория Семеновича...»

Я читал эти строчки больше сердцем, чем глазами. Буквы были выведены криво, с трудом, иные слова не имели окончания. Руки у меня дрожали, горячая волна взметнулась в груди. Слезы залили глаза, буквы письма запрыгали... У меня не хватило сил дочитать до конца печальное известие из дома.

Николай Максимович Калинин утешал меня, как мог. Мне же было трудно взять себя в руки. Совсем расклеился. Потом замполит ушел, что-то сказав моему

соседу по койке Алексею Юденкову. Я долго лежал с закрытыми глазами. Только голова гудела. Голова была тяжелая, а тело, руки, ноги — легкие, пуховые. Очень хотелось думать, что мне дальше делать, но ничего у меня не получалось. Слышу голос юнги Алексея Юденкова:

— Малыш, мне близка твоя боль, я ведь тоже потерял отца... Война, она всех под гребенку... Ты успокойся. Когда я шел в бой, то не врага боялся, а шальной пули... Она не ведает, в кого метит...

На другой день я осилил письмо до конца. Но в конверт был вложен еще листочек. Я начал читать:

«Здравствуйте, Мария Васильевна!

Сообщю вам печальную весть, что Гузанов Григорий Семенович, рождения 1896 г., умер. Он был ранен в бою против немецких оккупантов, дрался он храбро, но рана была опасная: сквозное ранение осколком в череп с разрушением мозга. Он почти все время находился в бессознании. Я участвовал в его похоронах. Очень жаль было боевого друга и товарища. Кандидатская карточка его отослана в ЦК ВКП(б). Фотокарточки его дочки Шуры и сына Константина направлены вам. С этим письмом на двух клочках бумаги у т. Гузанова были записаны адреса:

1) Гузанов К. Г. пол. почт. 37561 П.

2) Гузанов И. В. п/п 51593.

3) Горьков. обл. Лысковск. р-н, с. Рубское.

4) Извещение о его смерти направлено в Сталинский РВК г. Горького.

Гузанов Григорий Семенович, верный сын нашей Родины, не зная страха перед врагами, храбро дрался за нашу Родину, истребляя немецко-фашистское зверье.

С приветом к вам

Платонов В. Ф.»

До сих пор хранится у меня это письмо, пожелтевшее от времени. Я не знаю, кто такой Платонов В. Ф., но надо полагать, хороший боевой друг отца.

Воспоминание о четырехлетнем отрезке военной жизни, бесконечно большом, как само детство, врезалось в память навсегда, врезалось беспредельным числом дней, эпизодов, часов, событий, минут... Это знаю по себе.

В лазарете я ближе сошелся с Алексеем Юденковым, юнгой из роты мотористов. Прежде я часто встречал этого парня на земляных работах, когда мы строили землянки, но ни разу с ним не разговаривал. Думал: нельзя же просто так подойти к юнге, на груди которого орден Красного Знамени, протянуть руку и сказать: «Давай, будем знакомы!» Я лично щепетилен в таких вопросах. Хотя он такой же мальчишка, как и я, а вдруг ему неприятно такое знакомство? Всякое бывает. В лазарете, когда тебя свалила хвороба, все как-то проще. Больные тянутся друг к другу сами. Рады малейшему участию, теплому, бодрящему слову. Я знал понаслышке, что Алексей Юденков был партизанским разведчиком, ему приходилось пускать под откос вражеские эшелоны, участвовать в засадах на дорогах, убивать в бою гитлеровских вояк. Он мстил фашистам за свою родную Смоленщину, за сожженную деревню Ширановo, в которой родился, провел свое босоногое детство, учился... Мне очень хотелось знать подробности жизни Алексея, хотелось ощутить и, может быть, еще лучше понять главное — как рождается подвиг. Алексей не любил о себе рассказывать. Скромничал. И все-таки дня через три, после долгих уговоров, я его уломал.

Алексей Юденков предупредил, что все о себе рассказывать не будет, многое опустит, время военное, поэтому он не может назвать полностью имена и фамилии своих старших товарищей-партизан.

— Был у меня такой случай,— подумав, начал он свой рассказ.— Ночевал я в одном селе. Входит в хату полицай. «Дед,— говорит он хозяину,— давай поросенка». Дед слезает с печи и начинает кашлять, слово вымолвить не может, держится одной рукой за грудь, а другой показывает полицаю кукиш. Полицай спрашивает: «Партизанам бережешь поросенка? Ну-ну!» Дед откашлялся и в злобе сказал: «Живодер ты, Афоня. Пошел вон отсюда!» Афоня на миг смирился, вышел в сени и тут же возвратился с узлом. «Не хочешь отдать так,— говорит полицай,— можно обменять вот на это барахло». Тут деду пришла на помощь бабка. «Мы с убитых не носим, хлопец. Проваливай с богом»,— сказала она и отвернулась. Полицай закусил губу и процедил: «Хорошо, я вот пущу вам красного петуха, попомните Афоню». Угрозу свою полицай исполнил. Недели через две

я встречаю этого Афоню в лесу. Он, видимо, нас шукал. Я крикнул: «Бросай оружие, сволочь!» Полицай кинул на землю карабин, поднял руки. Спрашиваю гадюку предателя: «Присягу военную принимал?» — «Нет»,— отвечает. «В Красной Армии служил?» Мотает головой. Отрицает. «А знаешь, что бывает за измену Родине?» Молчит. «За предательство расстреливают». Я поднял наган. «Получай, мародер, за измену народу». Об этом случае я доложил брату — он комиссар отряда — и получил взбучку. Я не имею права устраивать полицаю самосуд. Мне простили по молодости. А вообще полицаям всю жизнь будет тошно. Даже если немного послужил врагу, все равно этого не смоешь.

Алексей Юденков замолчал. Я смотрел в белый потолок и мне стало как-то мучительно грустно. Мною овладела тоска. «Вот,— думаю,— парень понюхал дыма-пороха. Видел смерть в глаза, а я?.. еще не убил ни одного фашиста. Не отомстил врагу за своего отца...» Сделав над собой усилие, поднялся, накинул на плечи серый халат и подошел к окну. Форточка была открыта. На улице шел снег, и редкие снежинки залетали в палату. Они тут же таяли, оставляя на подоконнике светлые пятнышки-лужицы.

— Юнга, вы что, воспаление легких получить захотели? — услышал я сердитый голос фельдшерицы Капитолины Ивановны.— Марш в постель!

Я послушно кивнул и в последний раз подставил снежинкам горячую ладонь, отошел от окна.

— Леша,— спросил я Юденкова,— а страшно в бою? Ведь кругом лес, немцы... и ночь.

— Ясное дело, страшно,— откровенно признался юный партизан,— но надо пересилить страх... Вера должна быть, во все вера: и в успех боя, и в победу нашу... Помню, зимой было. В наш лагерь пришел связной. Из его рассказа мы узнали, что в деревню, где староста — бывший кулак, прибыли немцы. Двенадцать — пятнадцать солдат во главе с ефрейтором. Расположились они в двух избах, забирают скот и попутно допрашивают жителей, нет ли в деревне коммунистов. Крестьяне, верившие в наши силы, просили прогнать гитлеровцев и спасти их добро. Василий Васильевич — наш командир отряда — скомандовал: «В ружье!» Через два часа мы уже были на окраине села. Могли бы прийти раньше, но мешал

нам глубокий и рыхлый снег. Мы увязали по колено. На опушке леса отдышались, приготовились к атаке. В деревню фрицы прибыли на двух розвальнях. Когда завязалась перестрелка, они приказали старосте дать еще трое саней, чтобы укатить налегке. Подводы были поданы, когда мы уже ворвались в деревню и, укрывшись за домами, приближались к школе. Я выскочил на дорогу и, как учил брат, дал очередь из автомата по первой повозке. Вдруг слышу: «Взять живьем!» Вижу — бежит фриц. «Хенде хох!» — крикнул я. А мой друг, Вадим, бежал за вторым немцем. Смотрю — он наповал фашиста. «А я что — хуже? — думаю.— Ведь это гитлеровец». Выстрелил. Рука не дрогнула. Староста вывалился из саней, перекатился к хате и скрылся за углом, я за ним. «Стой!» — кричу. Он быстро выбился из сил в глубоком снегу и поднял руки. Я не стал в него стрелять, а то опять скажут: самосуд. Второй раз уже не простят своевольничание. Операция закончилась для нас без потерь. «Вот молодцы, хлопцы, спасибо вам»,— говорили колхозники. В одном из скотных дворов мы нашли целое стадо — сто коров. Весь скот вернули хозяевам. Крестьяне отблагодарили нас двумя телками.

После долгого сидения в лесу нас тянуло к людям. Пожалуй, я чаще других партизан бывал в деревнях. Любая наша победа, пусть маленькая, ощутимо окрыляла колхозников. Бывало, когда я уходил в разведку, брат мне говорил: «Почитай газету с докладом Верховного Главнокомандующего...» Я читал «Правду», запоминал нужные слова, а при случае пересказывал доклад крестьянам. Задавали вопросы и мне, конечно. Может быть, не очень толково, но старался ответить. Не мне судить. Сердцем чуял: понимали меня колхозники. Одна бабуля как-то сказала: «Неладно что-то у немца, раньше важный такой был, а ныне беспокойный стал, задним местом елозит». Смешно иногда слушать старых людей. А правда-то на их стороне, старики смотрят в самый корень событий. Мудрецы, одним словом.

Первое время мы не имели никакой связи с Большой землей. «В Москве, конечно, не знают о нашем существовании»,— думали мы. Напрасно так думали. Зимой в наши леса были заброшены парашютисты. Сразу же Василий Васильевич связался со штабом фронта, сообщили о себе все данные и получили от штаба задание.

С той поры установилась у нас постоянная связь с Большой землей. Мало мне пришлось партизанить... Но, видимо, такая судьба. В конце весны я заболел. Простыл. Вот и сейчас эта болезнь проклятая меня свалила. Вывезли меня из партизанского края на самолете. Первый раз в жизни увидел Москву, кремлевские звезды... В штабе партизанского движения мне сказали, что мой брат награжден орденом Ленина, а я — орденом Красного Знамени. «Поезжай, паренек, подлечись, с матерью повидайся»,— напутствовало меня начальство.

Ну, а ты не переживай, что не попробовал партизанских сухарей, война наверняка без нас не кончится.

— Нужное дело сделаешь, если напишешь об Алексее Юденкове,— сказал мне редактор стенной газеты «Юнга» главный старшина Колт,— он отлично воевал и отлично учится.

Дня через три я принес свою заметку. Колт ждал меня в землянке комсорга батальона Дмитрия Остапенко.

— Ну как, справился? — спросил главный старшина.

— Не знаю.

Старшина 1 статьи Остапенко уже разбирал мой крупный детский почерк.

— Хвалю, умеешь...— строго сказал комсорг.— А завтра знаешь, какой день?

— Нет,— растерялся я.

Остапенко улыбнулся.

— День Красной Армии и Военно-Морского Флота. Запомни, на всю жизнь запомни!..

И я запомнил. В этот день меня принимали в члены ВЛКСМ.

На заседании комсомольского бюро батальона я пришел одетый по форме номер три, как на праздник,— во всем новом, еще не ношеном обмундировании: в темно-синей фланелевке и тщательно отутюженных клешах.

В землянке за канцелярским столом сидел комсорг Дмитрий Остапенко. Вокруг второго, сколоченного из оструганных досок стола — члены бюро. Многих я не знал. Видимо, они из других рот: рулевые и радисты. Капитан Калинин улыбнулся, ободривая меня: мол, все идет нормально, юнга.

Комсорг заглянул в какие-то бумажки.

— На повестке дня у нас один вопрос — прием в члены ВЛКСМ,— Дмитрий Остапенко порывистым движением ладони пригладил ершистые волосы на затылке.— Перед вами, товарищи, первый кандидат...

Старшина 1 статьи Остапенко зачитал мое заявление, затем анкету и рекомендацию ротной комсомольской организации. Члены бюро слушали молча, время от времени посматривали на меня.

— Обсудим? — спросил комсорг.

Первым вскочил Юрий Коршев, самый старший по возрасту юнга, ему вот-вот должно стукнуть полных восемнадцать. Юнги-рулевые говорили, что он собирается подать заявление в партию. Юнга — и вдруг коммунист — у нас, пятнадцатилетних, это вызывало зависть. Я смотрел на Юрия Коршева с почтением.

— Разрешите, я скажу.

— Давай, Юрий.

— Я хотел обратить ваше внимание, товарищи, на ту общественную работу, которую выполняет юнга... Даже здесь, в этой землянке, мы видим нарисованные им картины, лозунги, красиво написанные выдержки из речей товарища Сталина, цитаты из уставов, военной присяги... Мне думается, приняв юнгу в комсомол, мы пополним его ряды хорошим парнем... Извините, товарищем. У меня все.

— Кто еще возьмет слово? — спросил Остапенко.

Члены комсомольского бюро молча переглядывались, кто-то шептался. Видимо, для них вопрос был яснее ясного. С мнением Юрия Коршева считались. Авторитетный товарищ. Кто-то бросил фразу:

— Давайте голосовать!

— У меня есть вопрос!

Я посмотрел в угол землянки, откуда раздался голос и встретился глазами с младшим лейтенантом Ахмедовым, начальником строевой части. Его-то вовсе не ожидал увидеть здесь. Он сидел, прижавшись к печке-времянке, словно подпирал ее железный бок.

— У меня есть вопрос! — Ахмедов для солидности покашлял в кулак.— Вы, юнга, верующий?

От удивления я беспомощно захлопал глазами. Наверное, было смешно смотреть на меня со стороны.

— Отвечай,— недовольно поморщился Остапенко.

Вопрос Ахмедова пришелся не по душе нашему комсоргу.

— Да, нет...— ответил я не своим голосом, во рту появился привкус какой-то горечи, будто надкусил недозрелую ягоду рябины.— Безбожник.

— Удовлетворены ответом? — спросил комсорг, и мне послышалась в его словах ирония.

— Не совсем,— сердито произнес младший лейтенант.— Разрешите, я поясню. Юнги, которым приходилось запрягать лошадь Бутылку, знают, что на сани-розвальни ставился ящик, сбитый из крашеных досок, старый такой, невзрачный. В нем обычно возили хлеб. Так вот. Начхоз поднял тревогу — ящик исчез. Да-да, как в воду канул. Мы долго ломали голову: кому он понадобился? И для каких целей? — Младший лейтенант Ахмедов развел руками и повернулся всем корпусом ко мне.— Прошу объяснить.

Я понял: наступил момент, когда надо признаться начистоту. А, собственно, в чем признаваться? Мне и в голову не пришло, что в чем-то виноват.

Младший лейтенант Ахмедов не только дознался, но считает, видимо, мой поступок нарушением воинской дисциплины.

Ну что ж, по-честному, так по-честному! Как-то с первым снегом старшина роты Котенко послал меня и Колю Бундина помогать пекарю — не хватало рабочих рук. Пилили трехаршинные бревна, носили воду с озера, наливали про запас в бочки «сороковки». Работа привычная. Мозгами шевелить не надо. Перед самым обедом приехал за хлебом дежурный по камбузу. Мы с Колей стали укладывать пышные караваи в черный ящик, занимавший половину саней. Хлеб укладывали не плашмя, как попало, а на ребро, каравай к караваю, впритирку, так, чтобы не помять. Хлеб ведь.

— Стоп, майна,— скомандовал Коля. Он часто употреблял в разговоре морские термины; будь рядом посторонний человек, эти слова показались бы ему жаргоном.— Чудо на доске. Чудо!

Я схватил пропитанную маслом ветошь, которой обычно пекарь смазывает жестяные формы перед тем, как затолкать тесто в печь. Шаркнул раз-другой по доске. Сквозь черноту на меня глядели озорные глаза юного воина в боевом шлеме, какой я видел на Александре

Невском в кинофильме. С любопытством разглядывая рисунок, заметил, что две доски, соединенные поперечными шпонками, выкрашены охрой. Кое-где левкас потрескался, между мелкими щелями набилась грязь.

— Ты знаешь, Коля,— сказал я Бундину,— ящик сколочен из старинных картин.

— Брось ты, иконы как иконы. Когда я лазил на башни Соловецкого кремля, там таких досок навалом, как медуз в море.

— Нет, ты только погляди... Это же не Христос какой, а человек в обличье русского ратника!

— Ну и что?! Тащи хлеб из пекарни, а то к обеду не успеем.

Вечером, незадолго до отбоя, я тайком ушел из роты. Ящик из черных досок я разыскал на хозяйственном дворе, он валялся у поленницы березовых дров, рядом с розвальнями, припорошенный снегом. Не раздумывая, каблуком стукнул по боковой стенке. Достаточно было двух-трех крепких ударов, чтобы ящик развалился. Доску с ликом воина унес в землянку, где мы с Димой Арсениным рисовали свои «шедевры», а остальные доски закинул на самый верх поленницы. Поскольку в тот вечер падал хлопьями густой снег, думалось мне, эти доски основательно замело.

Я рассказал все. Без утайки. Теперь пусть судят.

— Кто же изображен на доске: святой или рыцарь? — спросил Ахмедов, не посмотрев даже в мою сторону.

— Не знаю,— ответил почти спокойно.— Быть может, молодой Александр Невский... Я видел в музее такие иконы...

— А чем ты докажешь, что Александр Невский там нарисован? — спросил Юрий Коршев.

— Ничем. Может, Георгий Победоносец или, скажем, князь Ярослав Мудрый... Надо показать специалисту...

— Ты странный человек,— вмешался в разговор Юрий Дралюк, известный на всю школу юнг артист художественной самодеятельности.— Из Москвы, что ли, доставить сюда? Как мне известно, музейные ценности эвакуированы в Сибирь. И специалисты с ними.

— Не знаю, как, знаю одно, что пропадает настоящее произведение искусства,— не выдержал я.— Если хотите, другой ящик для хлеба собью.

— Поздно решился вину искупать,— продолжал терзать мою душу младший лейтенант.

— Почему поздно? — не согласился комсорг батальона.— Самое время. Я, товарищи члены бюро, конечно, осуждаю юнгу, что он без ведома начхоза разломал ящик, но если серьезно вдуматься...— Дмитрий Остапенко встал из-за стола.— До войны я был в Русском музее. Нас, матросов-первогодков, привозили на экскурсию из Кронштадта в Ленинград. И перво-наперво нас повели по музеям: Эрмитаж, Русский... Я вам скажу, там в одном зале, сплошь да рядом — одни иконы висят. Сейчас уже не помню, каких они веков, но очень старинные... Я, товарищи, верю юнге... Он ведь сам художник и понимает, что к чему.

Потом высказывались члены бюро. И все говорили обо мне сдержанно, но справедливо. Осуждали, правда, за отлучку из роты и за то, что без спроса начхоза расколотил ящик. А вообще-то ребята отнеслись доброжелательно. Мне стало как-то неудобно: получилось, вроде бы я какой-то одержимый человек, что показал всем пример бережного отношения к памятникам и реликвиям прошлого. Строго и по-отечески со мной говорил капитан Калинин. Любимчиков у него не было, ко всем он относился одинаково, главное, не донимал пустыми нотациями и старался не навязывать своего мнения, наоборот, требовал, чтобы юнги все вопросы решали сами.

— Я думаю так,— сказал Николай Максимович,— историю изучать надо. Нам просто необходимо иметь в музеях деяния наших предков. Да-да, необходимо! Ведь без уважения к далеким и близким предкам народ не может строить новую жизнь. Мы говорим: сыны отечества! А что за этим великим титулом? Наша гордость. И нам нужно всегда помнить об этом.

Капитан Калинин говорил о самом важном, а я думал в эту минуту о другом: как бы ни было человеку трудно, он должен всегда оставаться самим собой, а главное — честным.

Кончилось заседание комсомольского бюро батальона. Пришлось отнести черную доску с изображением русского витязя нашему замполиту. Через три дня мне выдали комсомольский билет, на котором было два ордена: Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

А чуть в стороне, где оставлено место для фотографии, вписаны моя фамилия, имя и отчество...

Комсомольский билет вместе со мной получали Дима Арсенин, Валентин Пикуль, Владимир Зыслин, Виктор Максимов, Сергей Барабанов...

В этот день радио сообщило, что подводная лодка Щ-422 потопила в Баренцевом море два транспорта противника. Свой февральский поход экипаж посвятил 25-й годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота. По возвращении лодки на базу командующий флотом вице-адмирал А. Г. Головко прямо на пирсе вручил капитану 3 ранга Ф. А. Видяеву третий орден Красного Знамени.

Северный флот становился для нас родным.

Как проходила наша учеба?

В утренние часы мы занимались общеобразовательными предметами: физикой, алгеброй, русским языком, географией. А на последнем, шестом уроке, после обеденного перерыва, когда наступали серые, промозглые сумерки, зубрили морские термины. Особенно трудно давались наименования такелажной оснастки кораблей парусного флота. Порой язык с трудом выговаривал «бом-брам-лисель-галс» или «бом-блинд-бовен»... В такие минуты всегда одолевала скука. Делать ничего не хотелось. А надо было сидеть еще часа два-три и выполнять домашние задания. На нашу самоподготовку преподаватели не оставались, уходили в свои монастырские кельи, а мы под неусыпным оком старшины занимались до самого ужина. Иногда удавалось закончить занятия на полчаса раньше. Дежурный по классу приносил со двора охапку дровишек. Сразу же около «буржуйки» организовывалась мальчишеская «кают-компания». Первые минуты мы сидим и молчим. Кажется, что все уже переговорено. Это только кажется...

— Зря я согласился учиться на боцмана,— лениво произносит Володя Федоров, приехавший в школу юнг из Москвы.

— А кем бы ты хотел стать? — спрашивает старшина смены Александр Скурихин.

— Радистом,— отвечает за юнгу Федорова Иван Ящук, переведенный к нам боцманом из роты радистов.— Та-та-та. Та-та-та. Вышла кошка за кота.

Владимир Федоров не принимает шутки. Он серьезен.

— На политрука пойду учиться, а может, на летчика,— отвечает неопределенно юнга.

Я понимаю Владимира: ему хочется как можно скорее попасть в действующую армию. Кто-то рассказывал, что будто в Перми созданы курсы политруков. Три месяца проучился и — марш на фронт. Я поддержал Федорова.

— Попутного ветра,— сказал Генри Таращук,— а мы пойдем воевать на море... Нас ждут на кораблях.

— Вон в роте мотористов два пацана из партизанского отряда. Орденоносцы. Я познакомился с Алексеем Юденковым,— сказал юнга Перетрухин.— Он бы мог запросто попасть на курсы политруков... Не захотел.

Старшина 1 статьи Скурихин был на стороне большинства:

— Не берусь отвечать за исторический факт, но говорят, адмирал Нельсон требовал от морского офицера быть сначала первоклассным боцманом, а потом джентльменом.

— Это точно,— вмешался в наш разговор мичман Гришин. Александр Федорович натягивал берду — приспособление для изготовления дорожек. За каких-нибудь пять-шесть уроков он научил нас плести дорожки и маты из пеньки. Теперь, видимо, Гришин готовил класс для практических занятий с юнгами-рулевыми.

Александр Федорович Гришин учил нас такелажному делу. До войны мичман был боцманом на линкоре «Марат». Лет ему — чуть больше сорока, высокий ростом, крепкий телосложением. Говорили, будто себе на китель с брюками он берет шесть метров габардина. И паек получал двойной. А когда мичман складывал кулаки вместе, то они становились похожими на двухпудовую гирю. Я никогда не видел человека с такими внушительными кулаками. Мы, юнги, робели здороваться с Гришиным за руку. Кто-то из юнг, кажется Леня Светлаков, сетовал:

— Мелкий мы народишко да к тому же прожорливый, а лезем туда же — в боцмана.

Да, конечно, стать таким боцманом-великаном, как мичман Гришин, не дано нам было со дня рождения. Другое дело, мы можем быть достойными учениками Александра Федоровича. Для этого нужно было полюбить будущую специальность, отличиться прилежанием

в учебе. И как говорит сам Гришин, боцману никак нельзя без флотской смекалки, расторопности. Ведь это и есть суть «боцманской струнки».

Поначалу мы не представляли свою профессию. По рассказам и повестям Станюковича, выходило, что на корабле нет более мрачной фигуры, чем боцман. Взять хотя бы Щукина из рассказа «Василий Иванович». Матросы боцмана не любили. Щукин считал, что без зуботычин и мордобоя нет и не будет на корабле порядка и дисциплины.

Мичман Гришин ничем не напоминал самодура Щукина, потому что начал свою флотскую службу сразу же после революции, когда, ломая традиции и устои царского флота, краснофлотцы-комсомольцы принесли с собой сознательную дисциплину, организованность, комсомольскую спайку, партийную убежденность, энергию и твердость духа уверенных в себе людей. И лозунгом военморов нового советского флота были слова песни: «По всем океанам развеем мы красное знамя труда...»

— «Боцман»,— говорил нам мичман Гришин,— слово нерусское, к нам оно пришло из Голландии. В морской практике вы познакомитесь со многими словами и терминами голландского происхождения. Суть не в термине, не в слове... Знания, которые необходимы корабельному боцману, вы получите. Стыдно на корабле не будет. Я убежден в этом. И все-таки боцманом, как и музыкантом, надо родиться. К примеру, один вот тренькает на гитаре, другой — на саратовской с бубенцами, а настоящей игры нет. На флоте выдающихся боцманов — раз-два и обчелся. И музыкантов, наверное, можно по пальцам сосчитать. Вижу, не возражаете?.. Ну и ладно. А теперь давайте разберем обязанности боцмана, которые записаны черным по белому в Корабельном уставе...

Только после нескольких лет службы на флоте мы поняли, что мичман был прав. Впрочем, на судьбу я роптать не буду, хотя боцман из меня не получился.

Мои друзья-юнги, бывшие боцманы, прослужившие на флоте по семь лет и больше, посвятили свою жизнь другим профессиям. Леонид Светлаков стал слесарем КИП на заводе в Свердловске; Игорь Перетрухин — подполковник Советской Армии; Виктор Миющенко — политработник; капитан 2 ранга; Иван Ящук — капитан милиции, Генри Таращук — инженер-проектировщик;

Владимир Старцев — учитель истории в одной из школ Свердловска; Алексей Штефан — преподаватель морского дела в Николаевской мореходной школе. Разве всех перечислишь?..

...Годы идут. Морская служба давно позади, поэтому второстепенное может и забыться, но когда сравниваешь сегодняшнее с днями пережитыми, явственно ощущаешь какую-то родственную связь. Нити, скрученные когда-то, то есть тридцать лет назад, по-прежнему крепки и надежны. То же можно сказать и о памяти. Пусть она упустила, не зафиксировала что-то незначительное (это не так важно), но главное — события и люди, открывшие для тебя так много, не забыты, остаются в памяти, в твоем сердце.

Володя Федоров все-таки стал хорошим боцманом. В отличие от нас, попавших служить на надводные корабли, он оказался на подводной лодке. На груди у мичмана флота орден Отечественной войны II степени и медаль Ушакова. Но в первые дни житья-бытья в школе юнг с Володей пришлось крупно беседовать и командиру роты старшему лейтенанту Пшикову, и замполиту школы капитану 3 ранга Шахову.

Разговор Сергей Сергеевич Шахов начал с юнгой, как всегда, издалека:

— Говорят, любишь читать книги?

— Люблю.

— Что больше нравится?

— Читал книгу о летчиках...— смущенно признался Федоров.— Вот где настоящий героизм!..

— А разве в профессии моряка меньше героического? — спросил Шахов.

— Не знаю,— замялся парнишка.

И тогда Сергей Сергеевич подумал: юнги пришли на флот добровольно. Это так. Но что получится, если юноша выйдет из школы юнг с сознанием, что избрал не ту профессию, далекую от романтики, наполненную мелкими хлопотами и заботами? Он будет служить нехотя, без любви к делу. Как помочь ему полюбить профессию рядового моряка?..

Дня через два Шахов пришел в землянку с книгой о радисте Кренкеле.

— Прочитай вот это,— посоветовал он Володе Федорову.

Спустя неделю юнга подошел к замполиту, неловко переминаясь с ноги на ногу, сказал:

— Хорошая книга, товарищ капитан третьего ранга. Но какое отношение она имеет к нашему разговору?

— Ну как же? В скольких экспедициях участвовал Кренкель? Разве это не героизм? Ему даже полярные летчики завидовали...

— Это верно,— задумчиво произнес Федоров.

Шахову надо было рассказать о себе, но ему показалось, что пример его жизни, может прозвучать не так убедительно. По должности своей комиссарской он обязан влиять на умы мальчишек, таких, как Володя Федоров. А как влиять? У Шахова не было тогда своих детей, не знал он, как бы пришлось расценивать проступок своего сына, а тут — чужие дети. Но сердцем комиссар понимал, что воспитать из этих мальчишек настоящих людей можно, лишь подарив им всю любовь, весь разум, все способности, свой жизненный опыт. Сергей Сергеевич привез из библиотеки Соловецкого кремля кучу книг, среди которых был труд К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания», публицистика А. С. Макаренко. Читал запоем. Понравившиеся мысли выписывал в тетрадочку. Казалось, вот-вот, и он одолеет педагогическую премудрость, но жизнь нельзя было подогнать под яркую цитату из этих умных книг. Жизнь — не схема. Комиссар Шахов убеждался в этом и в частной беседе с юнгами, и в их горячих спорах на комсомольских собраниях. На его глазах росли, мужали мальчишки, которые завтра станут воинами.

Моряк не мыслит себе плавания без штормов, а воспитатель не надеется, что все его подопечные будут сущими ангелами. Сергей Сергеевич понимал, что юнги доставят ему немало хлопот, а с нарушителями воинской дисциплины придется повозиться. Грустно, конечно, когда видишь перед собой парнишку с обостренным самолюбием, не понимающего сущности взаимоотношений начальника и подчиненного, офицера и юнги. Обидно, что иногда юнга тебя не поймет. Но ты ведь за него в ответе. Будь терпелив. Потому что это только начатая

жизнь. Часто, размышляя о трудных юнгах, Шахов мысленно возвращался к своей комсомольской юности, к первым нелегким шагам, когда ему, тоже подростку, приходилось идти наперекор взрослым людям, более, чем он, житейски опытным.

...Сергей Шахов пришел служить на флот по путевке комсомола. С первых же дней уйма впечатлений. Еще бы! Ведь ему не приходилось бывать дальше Иванова. Знакомство с городом Ленина — колыбелью революции, с легендарным Кронштадтом. Новые друзья. Новые открытия. Неуемная жадность ко всему. Юноша настойчиво овладевает морским делом. Учится на рулевого. После года занятий в Учебном отряде подводного плавания имени С. М. Кирова молодого моряка посылают на подводную лодку «Народоволец». Бывалые подводники радушно приняли в свою семью краснофлотца-новичка. Далекий Север, о котором он знал только понаслышке, постепенно становится родным. В летнюю навигацию подводная лодка Д-2 сутками находилась в море. Учебные походы, тренировки на боевых постах, отработка погружений под воду — так подводники оттачивали свое мастерство. Так началась нелегкая, почетная служба краснофлотца-первогодка. Вскоре Сергей Шахов встал вровень с опытными подводниками. Командир лодки, видя ревностное отношение к службе рулевого-сигнальщика, направляет его учиться в школу младшего командира. Сергей Шахов спустя год снова оказался на Балтике, но уже на другой подводной лодке — «Искре». Через некоторое время его избирают секретарем комсомольской организации. На этом посту наиболее полно развернулись способности Сергея как молодежного вожака.

В августе 1935 года произошло событие, всколыхнувшее всю страну: родился замечательный трудовой почин Алексея Стаханова. Умело используя технику, донецкий шахтер поставил небывалый рекорд по добыче угля. Стахановское движение широко распространилось и на флоте. Ветераны-моряки 30-х годов хорошо помнят, что техника на подводных лодках уже в то время была сложной. А молодежь приходила на флот, в том числе и в Учебный отряд подводного плавания имени С. М. Кирова, с недостаточной общеобразовательной подготовкой. Очень важно было помочь молодым краснофлотцам

овладеть специальностью, изучить сложные приборы и механизмы. На этом и сосредоточивал внимание комсомольцев подводной лодки Сергей Шахов. Экипаж «Искры» один из первых на Балтике откликнулся на трудовой подвиг Алексея Стаханова. Сам комсомольский секретарь во всем подавал личный пример. Человек по натуре своей активный, с высокой самодисциплиной, он никогда не терял даром драгоценных минут: учился сам и учил других. Молодежь любила его. Высокое доверие оказали ему подводники на флотской комсомольской конференции. Сергея Шахова избирают членом пленума Ленинградского городского комитета комсомола.

У каждого человека бывают в жизни памятные дни, как мы порой говорим, даты, которые глубоко западают в сердце. И время не властно над ними, не в силах сделать так, чтобы они навсегда исчезли, как исчезают в туманной дымке корабли или уходящие ввысь, за облака, самолеты. У Сергея Шахова, пожалуй, самым памятным днем на всю жизнь останется тот день, когда он прочитал «Комсомольскую правду» с Указом Президиума ВЦИК СССР. В газете Сергей увидел свою фамилию. За отличное освоение нового подводного оружия и боевой техники, говорилось в Указе, краснофлотец Сергей Сергеевич Шахов награждается орденом Ленина. Это было 24 декабря 1935 года.

...Менялись корабли, на которых плавал Сергей Шахов. Менялись и люди. Война привела его снова на Северный флот, но уже в должности старшего инструктора политуправления.

Умом и сердцем он был политработник. Много нужных и важных дел на берегу, но Сергей Сергеевич не простил бы себе, если бы не сходил в боевой поход на подводной лодке; не повидался с экипажами подводных кораблей, не навестил своих старых друзей, с которыми начинал службу здесь, на Севере. Однажды Сергею Сергеевичу удалось уговорить начальство отпустить его в боевой поход на подводной лодке Щ-402.

Шахов хорошо знал и командира, и комиссара лодки. Капитан-лейтенант Николай Столбов из тех командиров, которых принято называть уважительно «батей». Он обладал чувством юмора; был со всеми общителен

и дружелюбен, а в делах горяч и порывист. Старший политрук Николай Долгополов во многом был прямой противоположностью своего командира. Уравновешенный, чуть-чуть медлительный и всегда спокойный. В общем, они кое в чем дополняли друг друга. И оба были душой экипажа.

С подводниками Сергей Сергеевич мог поделиться не только личным опытом, как ветеран подводного плавания, но и рассказать им много интересного из своей комсомольской жизни. Особенно памятно Шахову одно знаменательное событие, участником которого он был. Это X съезд комсомола. 1936 год.

На молодежный форум съехались тогда знатные люди страны: Алексей Стаханов, Евдокия и Мария Виноградовы, Мария Демченко, Паша Ангелина и другие комсомольцы, избранные делегатами съезда.

В докладе генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева говорилось о том, какую роль должна сыграть молодежь в ближайшее время. Стать оплотом, надежной защитой Родины — вот что предсказал ей комсомольский вожак. «Шагайте, товарищи, с песней по жизни,— говорил Косарев,— но не забывайте при необходимости прихватить и винтовку, а главное — научиться безукоризненно ею владеть!»

В перерыве, после доклада Александра Косарева, к Сергею Шахову подошел Иосиф Вайшля — секретарь Ленинградского обкома комсомола, и сказал:

— Имей в виду, Сергей, тебе будет предоставлено слово.

Шахов растерялся, стал отказываться. Шутка ли, выступать в прениях с такой высокой трибуны. У себя, на подводной лодке, когда готовишься к докладу на комсомольском собрании, и то столько волнений. А здесь... В президиуме съезда члены Политбюро нашей партии, ветераны революции, почти все они работали рука об руку с Лениным. И тут такая честь ему, рядовому краснофлотцу! А потом: о чем говорить? С чего начинать?..

Друзья, приехавшие вместе с ним делегатами Краснознаменной Балтики,— Анатолий Селезнев и Михаил Тюрин — рассказывали потом Шахову, что говорил он горячо, толково, но видно было — чересчур волновался. Делегаты понимали состояние Сергея Шахова, простили

ему маленькие оговорки и наградили в конце речи бурными аплодисментами, когда он повторил слова Косарева: «Враги должны знать: чтобы победить нашу страну, им надо уничтожить всю молодежь, а этому никогда не бывать».

...В февральскую стужу сорок второго года подводная лодка «Щ-402», на борту которой находился Шахов, уходила на боевое задание. Сколько дней она пробудет в Баренцевом море — диктовать будет обстановка. Фашисты готовились к повторному наступлению на мурманском направлении. Для осуществления своих целей они перебрасывали морем войска и технику. Задача «щуки»: действуя на коммуникациях противника, сорвать их планы, не дать гитлеровцам укрепить позиции на севере Финляндии.

27 февраля стало первым «урожайным» днем. Щ-402 обнаружила вражеский конвой. Сыграна боевая тревога. Командир лодки Николай Столбов приказал повернуть на боевой курс. Торпедная атака заняла немного времени. Залп! Транспорт водоизмещением около 8 тысяч тонн ушел на морское дно. Хорошее начало! Без победы возвращаться в базу было бы грешно и совестно. Спустя некоторое время — команда еще не успела пообедать — обнаружили второй конвой. Стремительная атака... и снова победа. Еще один транспорт нашел свою гибель в студеных водах Баренцева моря. Удачливым оказался и следующий день. Потопили тральщик. Но везение не бывает бесконечным. На этот раз пришлось самим уходить от преследования кораблей противника. Глубинные бомбы гулко рвались, сотрясая стальной корпус лодки. Благодаря опыту и находчивости Николая Столбова «щуке» удалось оторваться от немецких сторожевых кораблей. Три ночи подряд всплывала лодка на поверхность моря для ремонтных работ. Морякам приходилось туго: мешала штормовая погода. Ветер стих на четвертый день, теперь лодку раскачивала морская зыбь. Раны были залечены. Вскоре получили приказ возвратиться на базу. Три холостых выстрела произвела «щука», войдя в Екатерининскую гавань. Три победы.

Капитан-лейтенант Столбов на радостях сказал Шахову:

— И везучий же вы, Сергей Сергеевич.

— Это почему?

— Когда начальство на борту лодки — удача обходит меня. Вы тоже начальство, но с вами мне как-то легче. Буду просить политуправление флота, чтобы почаще отпускали вас в море с нами.

Шахов, улыбнувшись, сказал:

— С одним условием. Если фашисты всякий раз будут терять по два-три корабля от наших торпед, то я не против.

Сергею Сергеевичу не пришлось больше выходить в море с экипажем Щ-402, его ждало новое назначение. Через некоторое время он отбыл на Соловецкие острова, где создавалась школа юнг Военно-Морского Флота.

Шахову, как политработнику, по долгу службы приходилось заниматься воспитанием моряков. Имел он дело с людьми взрослыми, характеры которых, можно сказать, уже сложились. Поэтому он не представлял себе ясно роли командира-воспитателя пятнадцатилетних юнцов. Характер, как известно, в эту пору у мальчишек неустойчивый, ломкий, они еще не перешагнули через порог совершеннолетия и не ушли далеко от детских забав и шалостей. Но, видимо, у Шахова был педагогический талант, он понравился юнгам и как бывалый моряк-подводник, на кителе которого горели ордена Ленина и Красного Знамени, и как душевный человек, дружески участливый во всем, без лишних слов и нудных нравоучений. Он часто приходил в землянки, построенные руками юнг, садился за тесовый стол и начинал разговор. Говорил он медленно, как мне казалось, подбирая нужные слова:

— Прожили вы почти полгода без материнской ласки. Трудно вам, вижу. Но вы пришли на флот по велению сердца, значит, должны быть стойкими до конца. Скоро примете военную присягу. И путь до моря станет короче, не заметите, как начнете считать дни. На кораблях вас уже ждут. Я еще услышу о ваших ратных делах.

Капитан 3 ранга Шахов точно угадывал наше настроение.

Он верил в нас, в романтическую ребячью мечту о подвиге и знал, что уже недалек тот день, когда наша

служба начнется на линкорах и крейсерах, больших и малых «охотниках», подводных лодках, тральщиках и эсминцах...

Некоторые юнги в мечтах видели себя на борту торпедного катера, построенного на собранные самими же юнгами средства. С воодушевлением и гордостью встретили мы правительственную телеграмму, поступившую в адрес начальника школы и его заместителя по политической части 23 апреля 1943 года:

«...Передайте юнгам, собравшим 160 тысяч рублей и 40 тысяч облигациями на постройку торпедного катера, мой привет и благодарность Красной Армии. Желание юнг будет исполнено.

И. Сталин»

В сегодняшней судьбе каждого из нас — частичка труда нашего комиссара. Он делал все для того, чтобы мы, юные моряки, стали умелыми, стойкими и преданными защитниками Отчизны. Только сейчас можно по-настоящему оценить, какие зрелые плоды принес его труд, самоотверженный труд нашего комиссара Сергея Сергеевича Шахова.

В первые дни в школе юнг жизнь многим показалась несладкой. Уезжая из дома, каждый юнга мечтал, что он сразу же наденет красивую морскую форму, будет служить на корабле и на ленточке загорится золотом название эсминца «Грозный» или «Стремительный»... А тут приходится нести караульную службу, мокнуть под дождем и снегом, по вечерам зубрить уставы, Правила для предупреждения столкновений судов в море, общие положения шлюпочной сигнальной книги ВМФ... Наука не из легких, без ежедневной умственной тренировки все эти морские азы не осилить. В общем, тоска меня взяла, место себе не находил. Просился на войну, а нахожусь в обозе. Вместо флотских клешей и темно-синей фланелевки носишь задубелую парусину — робу. И никакой тебе романтики! Грустно. Кто-то из юнг-боцманов подал мысль: бежать на фронт! Мы знали, что линия нашей обороны проходила где-то у станции Лоуки, не так далеко от Кеми. А Кемь — на материке. Только переплыть море. Но как удрать и на чем? За лесом и море не видно. Но мы знали — оно рядом, у деревни

Новая Сосновка. Там и лодку можно раздобыть у рыбаков. Надежды, надежды!.. Как потом оказалось, в помыслах своих мы не были одинокими. В назначенный нами день, когда были собраны в вещевой мешок сухари и пожелтевшие кусочки сахара, все три роты были построены по «большому сбору» у штаба. Вышел сам начальник школы юнг капитан 1 ранга Авраамов и повел с нами отеческий разговор:

— А разве легко было матросам семнадцатого года? Революция говорила: надо! Военморы отвечали: будет! Через три года те, кто остался жив, вернулись на флот. Мертвыми стояли корабли в гаванях... «Дай срок,— говорили краснофлотцы,— мы возродим тебя, Красный флот!» И возродили. Вы же, сыновья комсомольцев двадцатых годов, трусливо бежите, хнычете... Трудностей испугались? А разве отцам вашим на фронте легко?..

Сначала мы не понимали, в чем дело. А потом из штаба дежурный привел троих мальчишек, мы поняли: сорвалось.

Николай Юрьевич Авраамов говорил еще долго, голос его был надтреснутым, хрипловатым, но настолько убедительно звучали его слова, что нам стало стыдно за наш еще не содеянный поступок. Потом мы признались ему во всем. Капитан 1 ранга испытующе посмотрел на нас и строго сказал:

— Сухари сдать на камбуз!

И все, больше ни слова. И даже обиды не было, что мы свой сэкономленный паек отдали в общий котел. Он разговаривал с нами, как со взрослыми. И до конца дней моих в школе юнг я не помнил случая, чтобы он считал нас мальчишками, маленькими сорванцами. А если и считал, то не показывал вида.

Самым любимым занятием у нас было хождение на шлюпках. Юнги-боцманы, и не только боцманы, но и рулевые, и радисты готовы в любое время проводить учебные часы или свой досуг на берегу Трещанской губы, на маленьких островках или в рыбацкой деревне Новая Сосновка. Здесь находилась наша шлюпочная база, отсюда носили высушенную морскую траву для матрацев и подушек, это то место, где должно начаться наше неудавшееся «путешествие» на Карельский фронт.

Трещанская губа показалась нам тесной, как щель. С обеих сторон она была прижата огромными валунами

и вековыми соснами. Коричнево-серый камень наваливался отовсюду, как будто хотел схоронить и море, и землю. Вода у берега совершенно прозрачная, можно разглядеть на дне ракушку. От залива несло запахом морских водорослей.

Шлюпок в школе юнг много. Не помню точно, но, пожалуй, за каждой сменой были закреплены или «шестерки», или баркасы, или катера. Мы ухаживали за ними, драили до блеска, стирали паруса и сушили их тут же, на прибрежных валунах. У каждого в шлюпке было свое место, любимое весло, которое казалось более удобным, более легким, нежели у соседа, сидящего рядом на банке.

Но, пожалуй, больше всего нам нравилось заниматься морской практикой. На ладонях сперва появились мозоли, затем руки огрубели от весел и от вязания морских узлов. Мы ежедневно уходили в море, и остров Соловецкий уже не казался нам угрюмым, как в первые дни знакомства, а выглядел приветливым, романтичным, веселым островом Буяном из пушкинской сказки.

Мы уже миновали самый большой остров, закрывавший вход с моря в Трещанскую губу, а ветра все не было. Старшина 1 статьи Скурихин сказал:

— Придется убирать паруса.

Нам, признаться, этого делать не хотелось. Пришлось бы садиться за весла. Прямо по носу шлюпки маячила Новая Сосновка. На берегу в паутине сетей копошились рыбаки. Мы спокойно прошли еще мили две, и ветер как-то сразу стал крепчать, за кормой «шестерки» побежали вслед белые барашки, догоняя и перегоняя шлюпку. Вытянулись в струнку ванты, паруса стали упругими, мы с трудом удерживали фалы в руках.

— Ну как, моряки, пойдем навстречу буре? — пошутил командир смены.

— Где наша не пропадала! — бодро ответили мы.

Но Скурихин не был таким простаком, чтобы пойти у юнг на поводу, он скомандовал:

— К повороту! Поворот оверштаг!

— Есть, поворот оверштаг!

Шлюпка то взлетала к облакам — и тогда мне казалось, что она встает на дыбы, то зарывается в волну — и вода подступала к самому планширю, вот-вот зальет... Раза два она и так окатила нас с головы до ног.

Мы удачно совершили поворот и легли на обратный курс. Теперь ветер дул в корму «шестерке», паруса мы расположили «бабочкой» — кливер развернули влево, а фок — вправо.

Попутный ветер помогал нам, и мы засветло дошли до шлюпочной базы.

— Паруса долой! — скомандовал Скурихин.

Мы стали травить фалы, они были мокрые, скользкие. Нет ничего хуже сырого паруса, сырых тросов, жестких, негнущихся, и чтобы аккуратно уложить их в шлюпке, надо было изрядно попотеть.

Когда начинались наши классные занятия, к нам непременно приходил начальник школы. Обычно он стоял на пирсе и, прищурив глаза, внимательно наблюдал, как мы учимся правильно грести, ставить паруса или управлять шлюпкой.

Капитан 1 ранга Авраамов был среднего роста, с худощавым лицом; нос с горбинкой и небольшие с проседью баки. За глаза мы называли его «старым морским волком». Не одно поколение моряков до войны и после учились по его книгам. Он был автором «Морской практики» и «Шлюпочного дела». Во время шлюпочных походов Николай Юрьевич всегда рассказывал необыкновенно интересные истории из морской жизни, а поэтому всем юнгам хотелось попасть в его «шестерку». Командир нашей смены Скурихин однажды сказал, что капитан 1 ранга еще недавно был заместителем командующего Ладожской флотилией, но тяжело заболел и был послан в школу юнг после излечения в госпитале.

Родители Николая Авраамова не очень хотели, чтобы их сын стал морским офицером. Но юношу увлекала романтика морской службы. Гимназия окончательно опостылела. После долгих разговоров его отдают в Морской корпус (ныне Высшее военно-морское орденов Ленина и Ушакова 1 степени, Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе). В 1905 году кадету Авраамову — тринадцать лет. Годы учения в этом старейшем военно-морском учебном заведении оказались нелегкими, но интересными. В летний период юный моряк уходил в плавание на учебных судах «Скобелев» и «Моряк», на фрегате «Князь Пожарский». В 1911 году Николай Авраамов гардемарин, а через год выпускается из морского корпуса мичманом. На боевых кораблях, где

приходилось служить Николаю, он не гнушался никаким трудом, и это выделяло его среди других молодых офицеров. В канун первой мировой войны мичмана Авраамова назначают младшим артиллеристом крейсера «Громобой».

В 1914 году началась первая мировая война. В такой обстановке Балтийскому флоту отводилась исключительно важная роль как силе, защищавшей порты Курляндии и подступы к Петрограду с моря. Еще одна забота у царского правительства: закрутить гайки нижним чинам флота. Распоясались!.. Требуют прекратить кровопролитную войну. Осенью 1915 года на линкоре «Гангут» матросы, после тяжелой авральной работы, категорически отказались от ужина. По традиции, установившейся на флоте, команде в день погрузки угля давали на ужин макароны по-флотски. Однако была сварена каша, причем плохого качества.

— Дело весьма серьезное. На корабле действуют революционеры,— заявил старший офицер барон Фитингоф. Чутье подсказывало командованию линкора, что надвигаются бурные события. Некоторые из команды были арестованы, преданы военному суду. Но «зачинщиков» бунта не приговорили к смертной казни. Рабочие Петрограда, спасая моряков, начали политическую забастовку. Царский суд вынужден был отступить. Гангутцев расписали по разным военным кораблям. На других кораблях Балтфлота тоже было неспокойно. Вскоре после выступления на «Гангуте» ЦК РСДРП(б) выпустил прокламацию с призывом организовываться, поддерживать революционное движение на флоте, укреплять его. Конфликты между матросами и офицерами из-за плохой пищи возникали и на крейсере «Громобой», где служил мичман Авраамов. Николай Юрьевич принадлежал к числу тех офицеров, которые более или менее правильно понимали события и видели в них первые признаки надвигавшейся революции.

Только год пришлось прослужить Николаю Авраамову на крейсере «Громобой». По приказу командующего флотом вице-адмирала Канина молодой офицер назначается командовать ротой отдельного батальона «охотников» Балтийского флота. Издавая приказ, адми-

рал Канин имел в виду «неблагонадежность» мичмана Авраамова. И больше ничего. Батальон «охотников» состоял из матросов-штрафников. В роте Авраамова находился матрос-электрик Павел Дыбенко, списанный с флагманского линкора «Император Павел I».

Под Ригой во время разведывательной вылазки «охотников» в тыл немцев Авраамова тяжело ранило. Почти год он находится на лечении в морском госпитале, а затем его направляют служить на эскадренный миноносец «Лейтенант Ильин». Команда с уважением относилась к офицеру-фронтовику, человеку справедливому, сердечному, хорошо понимавшему тяготы их жизни и всегда стремившемуся скрасить ее добрым словом и добрым делом. Именно по воле матросов лейтенанта Авраамова после взятия Зимнего избрали командиром корабля, затем — председателем судового комитета, а вскоре и всего дивизиона эсминцев. Кроме того, Николай Юрьевич был введен по рекомендации Павла Дыбенко в артиллерийскую секцию Центробалта — большевистского органа управления флотом.

В начале октября семнадцатого года в Гельсингфорс (ныне Хельсинки) приехал Павел Дыбенко. Был собран Совет председателей судовых комитетов. Разговор шел об участии моряков Балтийского флота в свержении самодержавия в России, в частности временного правительства, которое вело антинародную, предательскую политику, призывая продолжать войну до победного конца.

— Как настроение команды? — спросил по-свойски Дыбенко, теперь уже не рядовой матрос, а председатель Центробалта.

— Боевое,— ответил Николай Авраамов.— Ждем приказа идти на Питер.

Почти половина команды эсминца «Лейтенант Ильин» находилась в Кронштадте в распоряжении Военно-революционного комитета. Это они участвовали в захвате Главного телеграфа (юнкера дважды безуспешно пытались выбить моряков) и Петроградского почтамта. В эти же октябрьские дни большая группа матросов с эсминца ушла на Пулковские высоты, чтобы защитить от контрреволюционных войск казачьего генерала Краснова восставший Петроград.

Корабли двух эскадр Балтийского флота стояли в Ревеле и Гельсингфорсе. Зимой 1918 года над ними

нависла угроза. Германские войска, захватив Эстонию и высадившись в Финляндии, стремились завладеть и нашими боевыми кораблями.

Финский залив скован крепким льдом, на многих судах шел ремонт, не было топлива. На угольной пристани вместо антрацита громоздились сугробы.

На эсминце «Лейтенант Ильин» — полкоманды и разобраны машины. Но есть приказ Ленина: спасти Балтийский флот.

Начался знаменитый беспримерный Ледовый переход. Николай Юрьевич Авраамов приводит свой эсминец в Кронштадт. Моряки с честью выполнили указание Владимира Ильича.

1920 год. Пламя гражданской войны полыхало на западе и на юге молодой Советской Республики. Командующий морскими силами А. В. Немитц посылает Авраамова с группой балтийских моряков освобождать Очаков и Николаев. Время горячее. Военных специалистов не хватает. Белый генерал Врангель, потерпев поражение в Таврии, начинает борьбу на Дону и Кубани, полагая, что казачество поднимется против Советской власти. В связи с такой тяжелой обстановкой Авраамову поручают срочно создать костяк из имеющихся канонерских лодок Азовскую военную флотилию. Затем он организует береговую оборону на Северном Кавказе, возглавляет Новороссийский и Туапсинский укрепрайоны.

В середине августа 1920 года в порту Ахтари белые высадили экспедиционную армию, которой командовал казачий генерал Улагай. Срочно была создана морская дивизия, насчитывавшая три тысячи бойцов, в основном моряков с Балтийского и Белого морей, Каспия, Днепра и Волги. Одним батальоном моряков командовал Авраамов. У хутора Сукко Николая Юрьевича снова ранило, но поля боя он не покинул. Авраамов был беспартийным военным спецом, но партия доверяла ему самые ответственные задания, как проверенному товарищу, на которого всегда можно положиться.

Несколько позже военмор Авраамов вместе с И. Д. Папаниным на моторных лодках доставляет из Новороссийска в Крым партизанам боеприпасы и продовольствие. Другая вылазка: сторожевой корабль СК-47, которым он командовал, стремительно ворвался в Батумский

порт и захватил 17 груженых и готовых к выходу в море вражеских судов.

Наступил 1921 год. Военмор Авраамов в Севастополе. Командующий Черноморским флотом И. К. Кожанов назначает Николая Юрьевича командиром канонерской лодки «Эльпидифор № 413». К этому времени пришло на флот постановление ВЦИК о награждении военмора Авраамова орденом Красного Знамени.

Два тяжелых ранения сказались на здоровье Николая Юрьевича. Медицинская комиссия выносит решение: инвалид гражданской войны. Три года вычеркивается из послужного списка заслуженного моряка. И только в 1925 году на его многочисленные рапорты из наркомата по военно-морским делам приходит ответ: назначить командиром Учебного отряда Черноморского флота.

Для нормальной учебы краснофлотцам не хватало ни тетрадей, ни ручек, ни линеек... На десять человек приходилось по учебнику. В отряде почти не было квалифицированных преподавателей. Очень часто Николай Юрьевич сам занимался с краснофлотцами и младшими командирами. Он понимал, что флотская служба потребует от будущих корабельных специалистов не только крепких знаний, но и практических навыков, морской закалки. Поэтому военмор Авраамов уделял много времени военно-морскому делу, хождению в море на шлюпках и 16—22-весельных баркасах. Он часто говорил своим ученикам: «Шлюпка — это визитная карточка корабля. Ее надо знать, беречь и любить, как невесту». Тогда, на Черном море, у Николая Юрьевича Авраамова зародилась мысль написать книгу по морской практике, в частности учебник «Шлюпочное дело», в основу которого могли бы лечь рабочие конспекты. Эта заветная мечта осуществилась только спустя десять лет, когда Николай Юрьевич стал начальником морской подготовки в Высшем военно-морском училище имени М. В. Фрунзе. Незадолго перед началом войны, в феврале 1941 года, капитан 1 ранга Авраамов направляется служить в Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского, которое находилось в здании Адмиралтейства. Здесь он возглавляет кафедру военно-морских дисциплин, а потом уходит вместе со своими курсантами на фронт.

Через тридцать лет, когда я начал писать эти воспоминания, жена Николая Юрьевича — Тамара Николаевна Авраамова — выслала мне копию очень интересного документа, который хранится сегодня в Соловецком музее-заповеднике. Это — удостоверение. Подписали его: командующий войсками Ленинградского фронта Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов и член Военного совета секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов. Вот его текст:

«Предъявитель сего капитан 1 ранга тов. Авраамов является уполномоченным Военного совета Ленинградского фронта по выполнению операций снабжения водным путем Ленинграда и Ленинградского фронта.

Всем советским, партийным организациям оказывать содействие тов. Авраамову в выполнении возложенных на него заданий и предоставлять в его распоряжение необходимые средства связи».

На его плечах лежал самый трудный участок обороны блокированного Ленинграда. Через Ладогу, как известно, проходила Дорога жизни, а у Осиновецкого маяка была переправа. Здесь шло строительство искусственной гавани, одновременно железнодорожники вели узкоколейку от конечной станции Ириневской дороги. Капитан 1 ранга Авраамов сутками находился у переправы, лично руководил доставкой в Ленинград боеприпасов и продовольствия, занимался эвакуацией людей и грузов... Авраамов, недосыпал, недоедал. Нагрузка была не по его возрасту. Заныли старые раны и нервы стали сдавать...

Осенью сорок первого года на Осиновецкий маяк прибыл адмирал Иван Степанович Исаков, он был тогда членом Военного совета Ленинградского фронта и заместителем народного комиссара ВМФ. Адмирал Исаков вел огромную работу по обороне и укреплению осажденного Ленинграда. Он координировал действия фронта и Балтийского флота, помогал командованию Ладожской военной флотилии, непосредственно занимался эвакуацией Кировского завода через Ладогу. Здесь они и встретились, два бывалых моряка, некогда учившихся в морском кадетском корпусе. Иван Степанович Исаков видел, как нелегко приходилось Авраамову, тем более, что свободного транспорта для эвакуации не хватало. Спустя четверть века после окончания войны Адмирал Флота Советского Союза И. С. Исаков напишет рассказ

«Тяжелый день», в котором воздаст должное мужеству, настойчивости и большим организаторским способностям командира Шлиссельбургской военно-морской базы, капитана 1 ранга Авраамова.

...Кто из юнг побывал в кабинете Николая Юрьевича, тот не мог не заметить в шкафу, за стеклом, модель эсминца «Лейтенант Ильин», правда, теперь он уже назывался «Войков». Это имя корабль получил в 1927 году, в память о полпреде СССР в панской Польше П. Л. Войкове, убитом в Варшаве белогвардейцами. Экипаж «Войкова» отважно сражался в дни войны с милитаристской Японией, участвовал в освобождении портов Кореи. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1945 года эскадренный миноносец «Войков» награжден орденом Красного Знамени.

Как был рад Николай Юрьевич, когда прочитал в газете «Красный флот», что его бывший корабль, где он был первым революционным командиром, удостоен высокой правительственной награды. В тот же день Авраамов снял с гафеля модели эсминца маленький Военно-морской флаг и нарисовал цветными карандашами орден Красного Знамени.

В Савватьеве Николай Юрьевич жил с семьей: жена Тамара Николаевна служила телефонисткой, а дети — дочь Наташа и сын Юрий — были нашими ровесниками. Мать и дочь живут и работают в Ленинграде, а Юра — ныне Георгий Николаевич Авраамов — служит на Балтике, он контр-адмирал. Пошел по стопам отца.

Большую и добрую память о себе оставил на флоте Николай Юрьевич Авраамов. Этому прекрасному человеку посвятил свой первый роман о моряках «Океанский патруль» бывший юнга, известный писатель-историк Валентин Пикуль.

«Памяти друзей-юнг, павших в боях с врагами, и светлой памяти воспитавшего их капитана 1 ранга Николая Юрьевича Авраамова посвящает автор эту свою первую книгу».

Справедливые слова, под ними готовы подписаться все бывшие юнги.

К весне сорок третьего года мы построили большой камбуз, пекарню и матросский клуб. Жизнь стала весе-

лее. Полгода пролетело почти незаметно. Строевой подготовкой не занимались: дожди, на дорогах грязь непролазная. Начальство, видимо, решило: юнгам надо приналечь на учебу в классах, на морскую практику. А старшины рот находят время, без всякого ущерба делу используют удобный случай, чтобы мы не забыли, как ходить в строю. По выражению старшины Котенко, «ничего не помешает юнге держать равнение и поднимать ножку выше».

Расстояние от учебного корпуса до камбуза почти с километр. За те небольшие минуты, которые мы должны были протопать, успевали спеть две-три песни. Известное дело, с песней идти всегда легче...

...Я вернусь, подружка, скоро,
Не грусти, не пла-а-а-чь ты.

Старшина Котенко был в своем репертуаре:

— Р-раз-два-три! Р-раз-два-три! Левай, левай! Ножку держать!..

И мы «держали» ножку. Котенко забегал вперед строя, оглядывал роту и, приладившись к шагу строя, зычно кричал:

— Шкентель! Не отставать!..

На «шкентеле» шли мы: мелюзга всякая, те, кто не очень удался росточком — Коля Бундин, Юрий Внуков, Иван Ящук и я.

— Запевай!

Старшина знал, что наш репертуар иссяк, но его заедало самолюбие: не может же третья рота боцманов подойти к камбузу, не надорвав голосовые связки. Быть может, таким способом он нагонял нам аппетит? Не знаю. На аппетит мы и так не жаловались. Шеф-кок Московский мог бы это подтвердить...

У нас не было своей песни. «Мы, юнги флота, крепки, как бронь...» — появилась значительно позже. Флотских песен, кроме двух-трех, мы почти не знали. Правда, ходили по рукам переписанные кем-то куплеты утесовской песни про одессита Мишку. Мотив у песни легкий, местами грустный, но главное — запоминался без особого труда. Ротные запевалы старались во всем подражать Леониду Утесову, особенно удачно получалось у юнги

Кости Юданова, он даже и не пел голосом, а словно бы говорил-начитывал:

Широкие лиманы,
Зеленые каштаны
Качается шаланда
На рейде голубом...

Когда я услышал эту песню в полумраке нашей землянки, мысли мои витали где-то там, в заоблачной дали, и тогда казалось, что плыву я по сине-синему морю, вижу эту самую шаланду, прыгающую с волны на волну, и ветер дует ей в старые, залатанные паруса и гонит, гонит, гонит куда-то...

Однажды я был рассыльным дежурного офицера. Замполит школы капитан 3 ранга Шахов выглянул из своего кабинета и позвал меня.

— Юнга,— сказал он, передавая свернутые рулоном листы,— это афиши. К нам приезжают с концертом артисты. Надо вывесить на видном месте.

— Есть! — громко ответил я, обрадованный тем, что представится возможность увидеть настоящих артистов.

Сейчас не помню имена московских гастролеров, которые приезжали к нам в Савватьево. Их появление, конечно, было большим праздником для нас. Концерт состоялся в столовой и всем очень понравился.

Артисты уехали на Большую землю, а песню хорошую нам так и не подарили.

Среди юнг — участников художественной самодеятельности — ходила шутка-прибаутка: «Цыганская пляска под русский баян, исполняют Байкин и Осепян. Да, чуть не забыл еще три слова: аккомпанирует Красненков Вова».

Нам, юнгам, очень хотелось иметь свою песню. В ротах были доморощенные поэты, которые пытались рифмовать «море» и «горе», «флот» и «оплот»... Юнге Вадику Василевскому удавалось написать хорошие лирические строки, но они никак не ложились под бравую маршевую музыку.

Писал стихи и Володя Зыслин. В музее на Соловках хранится его тетрадь с первыми поэтическими опытами. Впоследствии под псевдонимом «Саксонов» Володя печатал свои первые рассказы и повести в журнале «Вокруг света» и в приложении к нему — «Искателе». Это будет

потом — в шестидесятых годах. В школе юнг увлекались стихами и старшие наши товарищи. В газете «Полярная правда» публиковал свои стихи преподаватель математики И. А. Камышко.

В сорок третьем году у нас было много интересных встреч. В Савватьево приезжали североморские поэты Ярослав Родионов и Александр Ойслендер. Не без их участия родилась наша соловецкая песня. Правда, авторство точно не установлено, но бывшие юнги, вспоминая, говорят, что слова написал старший лейтенант Дубовой, командир второй роты радистов.

Вот несколько строчек из этой песни:

Мы сами строим нашу школу юнгов
И видим радость в собственном труде.
Пойдем навстречу штормам, бурям,
вьюгам,
За то, что нами создано в борьбе.

Припев: Мы, юнги флота, крепки, как бронь,
За честь народа пойдем в огонь.
Фашистским зверям мы отомстим,
В победу верим и победим!

Мотив был не новый — всем хорошо известной песни об артиллеристах...

Школа юнг приковала к себе внимание прессы: журналистов, писателей, фронтовых кинооператоров. Специальный выпуск для киножурнала «Пионерия» снимал Ф. И. Овсянников. Но, пожалуй, особенно памятна встреча с поэтом Александром Алексеевичем Жаровым. Как только мы узнали, что к нам в Савватьево приехал замечательный поэт, стихи о комсомоле которого мы знали наизусть, мы сразу же попросили замполита школы Сергея Сергеевича Шахова устроить с ним встречу. Собрались в землянке, где была мастерская художников: Валя Пикуль, Володя Зыслин, Вадик Василевский, Игорь Морозов и я. Наша застенчивость смущала и Александра Жарова. Он откровенно признался, что не знает, как с нами вести разговор о наших «пробах пера»; как со взрослыми моряками, принявшими присягу, или как с мальчишками, сидящими за школьной партой. К нашему трепетному волнению поэт отнесся с пониманием, судил стихи строго, без скидок на молодость, но доброжела-

тельно. Первый серьезный творческий разговор, естественно, оставил заметный след в душе. Правда, никто из нас не стал поэтом, но путь в литературу не был заказан ни Валентину Пикулю, ни Владимиру Зыслину (Саксонову).

В ноябре семьдесят первого года я получил от Александра Алексеевича Жарова коротенькое письмо: «Я с удовольствием вспоминаю свое пребывание в 1943 году на Соловецких островах. Это было райское пребывание, после которого я вместе с высоким флотским начальством попал в ад на побережье Кандалакши. Кандалакша дымилась от немецких бомб, сброшенных с 47 вражеских самолетов.

В тот день погиб мой коллега Ярослав Родионов.

Направляясь под Мурманск, я шутил тогда насчет того, что на Соловках все же лучше живется.

Я буду рад вместе с Вами и другими товарищами побывать на Соловках летом будущего года».

Я оповестил всех бывших юнг, что 30 июля 1972 года на нашу юбилейную встречу приедет поэт Жаров. Но за две недели до праздника, будучи на Соловках, я получил еще одно письмо от поэта:

«Увы, Виталий Григорьевич, рухнул наш с Вами план...

С огорчением сообщаю: мне приказано выехать в противоположном направлении...»

Возвратившись в Москву, я встретился с Александром Алексеевичем и вручил ему от имени Совета ветеранов бывших юнг флота юбилейный знак, на котором изображен резвый парусник, идущий под полным ветром.

— Это символично,— сказал Жаров.— Рад, что я с вами, мои юнги!

Бои шли на всех фронтах. Это мы знали из газет, из сообщений Совинформбюро. В середине лета сорок третьего года мы внимательно следили за радиопередачами «В последний час». Под Курском разразилось крупнейшее в истории танковое сражение. Здесь на один метр земли приходилось три мины. «На раскалившихся стволах орудий обгорела краска»,— так говорилось в сводках. Металл не выдерживал. Люди оказались силь-

нее. В один день взяты Орел и Белгород. Гитлеровцы потерпели самое крупное поражение после Сталинграда. На нашей улице новый праздник! Этот праздник был славен еще и тем, что мы впервые услышали раскат артиллерийского салюта.

Кто-то крикнул:

— В землянку!.. Скорей к репродуктору!..

И мы услышали. Верховный Главнокомандующий поздравил войска с победой, сообщил народу о замечательном успехе Красной Армии. У нас было приподнятое настроение. Мы обнимались, кричали «ура!». Москва салютовала. 12 залпов из 120 орудий. Каждый залп эхом отдавался в наших сердцах. Сюда, на Соловецкие острова, донесся гром нашего победного салюта.

Подошла моя очередь дневалить по кубрику. Заступил в полночь: с ноля часов до четырех утра. На флоте такая вахта называется «собакой».

Чтобы немного стало светлей, я прибавил фитиль в керосиновой лампе. В полуслепом, болезненном свете забелел мох между оструганными бревнами. На двухъярусных нарах спали юнги. Стояла глубокая тишина: первый сон особенно крепок, как и последний, предутренний. Лишь изредка кто-нибудь беспокойно шевелился во сне, почувствовав ночную прохладу, кутался в одеяло с головой. Землянку разделял на две половины длинный, выскобленный добела стол, а по обеим сторонам его стояли две скамьи с аккуратно уложенными робами. У дальнего конца стола чернела чугунная печка, на ней серебристо-алюминиевый чайник с кипяченой водой.

Потоптался у двери, позевывая, и, чтобы отогнать сонливость, решил выйти на свежий воздух. Дверь скрипнула, и я шагнул за порог, будто в яму, во мрак густой, как чернила ночи. И тут услышал быстрые шаги. Вгляделся. По линейке, выложенной мелкими камешками, где обычно мы строились, торопливо шли двое. Почти бежали. Я окликнул:

— Кто идет?!

— Командир роты и старшина Котенко!

Ночные гости подошли ко мне.

— Дневальный? — спросил старший лейтенант Пшиков.

— Так точно! Юнга...
— Почему не в кубрике?
— Душно там, товарищ старший лейтенант.
— Объявляй своему кубрику боевую тревогу!
— Есть!
— А вы, Котенко, поднимайте юнг в других помещениях.
Распахнул двери землянки и скомандовал:
— В ружье! Боевая тревога!..
Заработал движок местной электростанции. Лампочки еле-еле накаливались, в полумраке можно было кое-что разобрать, не перепутать, например, чужие ботинки со своими.
Коля Бундин сидел на нарах и недоуменно смотрел на всех. До него еще не дошло, что рота боцманов поднята по боевой тревоге.
Командир смены Скурихин вынул карманные часы и, кося глаза на секундную стрелку, громко считал:
— ...Двенадцать... тринадцать... четырнадцать...
Он мог бы и не смотреть на свои старинные часы фирмы «Бурэ», юнги одевались быстро, без лишней суеты и выбегали с винтовками на линейку, где старшина роты Котенко выдавал подсумки с одной обоймой, настоящие пять боевых патронов.
Нашу смену послали прочесывать лес вдоль дороги, идущей в деревню Исаково. Маршрут нам хорошо известен: прошлой осенью мы ходили туда копать картошку и турнепс... Пронесся слух, что над Соловецкими островами пролетел фашистский самолет и сбросил диверсанта. Другие говорили: зажигательную бомбу. Последняя версия была близка к истине. Лес в летнюю пору горел часто. И мы не раз бегали тушить его за три-пять километров от горы Секирной, в окрестностях села Савватьево пожаров не было.
Фашистские самолеты появлялись над Белым морем и в районе Соловецкого архипелага не так уж редко. Они действовали по-пиратски, выискивая в море слабо защищенные суда. С аэродрома Петрозаводска — город еще находился на временно оккупированной гитлеровцами территории — поднимались немецкие стервятники и летели бомбить Архангельск. В этом порту часто скапливались караваны судов, прибывшие из США, Канады и Англии, командование «люфтваффе» стремилось

нанести удар с воздуха. На подступах к городу «юнкерсов» и «мессеров» встречали плотным огнем наши зенитчики. На помощь береговым флотским батареям вылетали морские истребители. И фашистские асы старались уклоняться от встречи с нашими летчиками.

Недалеко от Соловецкого кремля находилась зенитная батарея, хорошо замаскированная на опушке леса, она не подпускала вражеские самолеты к островам. 14 июня 1942 года батарея сбила бомбардировщик «Хейнкель-111», оставляя за собой след черного дыма, самолет упал на кемском побережье.

В тот день 17 июня 1943 года, когда наша рота была поднята по боевой тревоге, соловецкая зенитная батарея сбила бомбардировщик «Юнкерс-88», который не сумел дотянуть до берега и рухнул в море. Об этом факте мы узнали только вечером. А в тот ночной час перед нами стояла задача: прочесать лес до околицы деревни Исаково. Мы шли бойко, не разбирая дороги, натыкаясь на пни, сучья валежника. По лесу стелился сизый дым, пахло гарью, как после пожара. Трава, густые листья папоротника были влажными от росы. Наши ботинки и полы шинелей намокли, будто мы форсировали бродом мелкую речушку. Отвратительная дрожь пробегала по телу, голова втягивалась в плечи, и я не мог понять — отчего озноб? То ли от предутренней сырости, то ли от робости, ведь, откровенно говоря, сегодняшняя обстановка для меня была необычной. Первый раз идем на боевое задание с оружием в руках и пятью патронами в обойме. Стоит только щелкнуть затвором... В такую ночь за каждым большим пнем или ближайшим деревом может померещиться враг...

Где-то за нашими спинами гремят винтовочные выстрелы. Сперва один, а после короткой паузы — сразу два подряд. Командир смены Скурихин приказывает повернуть назад, в сторону КП — контрольного пункта школы юнг. Я помню, там был оставлен в секрете Коля Бундин. Мы побежали обратно, но уже не по лесу, а по опушке, ближе к дороге. У КП слышим голоса юнг. Подбегаем. Все кричат возбужденно, перебивают друг друга. Рядом с Колей стоит старшина роты Котенко, в его руках винтовка. Не своя — отобрал у юнги. Бундин бледный, весь съежился, маленький, взгляд побитого щенка.

Кто-то громко сказал:

— Что-то диверсанта не вижу.

— Разговорчики! — прикрикнул Котенко. Юнги разом умолкли.— Лошадь ухлопал твой воспитанник,— сказал старшина роты, обращаясь не к нам, а к Скурихину. Видимо, в этот момент он нас, юнг, всерьез не принимал — пацаны.

— Лошадь?.. Какую лошадь?.. Бутылку? — снова зашумели юнги.

— Цыц! Что столпились, как стадо барр... Становись! — гаркнул на нас Котенко. Мы не очень охотно построились в шеренгу по четыре, приклады винтовок к ноге. Все по-военному, как положено.

— Гауптвахта по тебе плачет, Бундин! — Котенко явно был не в духе.— Гауптвахта...

Мы стояли молча — каждый был погружен в себя. Вскоре к нам подошли комбат Пчелин и командир роты старший лейтенант Пшиков.

— Кто стрелял? — Александр Григорьевич Пчелин посмотрел на строй юнг, выискивая острым взглядом виновника.

— Юнга Бундин,— ответил Котенко.

— Докладывай.

Бундин сделал три шага вперед, повернулся лицом к строю. Свой рассказ Коля начал торопливо, оттого все выходило у него нескладно.

— Я замаскировался. Лежу... Нет, лег за поваленное дерево. Лежу пять минут... Десять... Никого. Тишина. Шаги. Кажется, шаги. В кустах затрещал валежник. Слышу — шаги. Подаю команду, как меня учили: «Стой, кто идет?!» Первый раз не ответили, второй... Тогда я: «Стой, стрелять буду!» Кто-то шел прямо на меня... Вот и все, товарищ капитан-лейтенант. Виноват. Мне нет оправданий...

Худое, с желтоватыми щеками лицо Пчелина немного сурово, тяжелая болезнь наложила отпечаток. Но глаза у него все же добрые и влюбленные в своих юнг. Они глядели на нас с величайшей нежностью и вниманием.

— Юнга Бундин! За проявленную бдительность на боевом посту объявляю благодарность! — слова комбата вызвали у нас восторг. И тут мне вспомнилась солдатская мудрость: «На посту, как на войне, будь бдителен вдвойне».

Коля бойко ответил:

— Служу Советскому Союзу!

Я подумал: «Молодец Коля! Тебя мало расцеловать!» А он молчал, сконфуженно улыбаясь.

Александр Григорьевич Пчелин приказал старшине Котенко отправить нашу смену в расположение роты. Конец боевой тревоги! Шел уже пятый час утра, мое дневальство закончилось. Вместо меня заступит другой юнга, а я — спать. Ох, как хочется спать! Но сначала нужно привести в порядок винтовку. Она влажная, ложа и ствол покрылись каплями холодной росы. Я разложил на столе брезент, вытащил из подсумка принадлежности: масленку, сухую ветошь, ершик и принялся за работу. Разобрав затвор, вычистил каждую деталь, смазал слегка оружейным маслом. Командир смены Скурихин взял в руки мою винтовку, взял осторожно, словно скрипку, сощурил левый глаз и посмотрел в ствол, при этом пояснил:

— За оружием надо ухаживать, как за малым ребенком. А собирать с закрытыми глазами, и даже во сне.

Я это понял как намек. Поставив винтовку в пирамиду, я плюхнулся на нары...

На вечерней поверке нам зачитали приказ командира учебного отряда генерал-майора П. С. Броневицкого, в котором объявлялась благодарность зенитному расчету, сбившему над Соловецкими островами «Юнкерс-88».

А у нас в смене боцманов был свой герой дня — юнга Бундин.

Быстро пролетели летние дни. Казалось, только-только всходило солнце, искрилось длиннющими лучами в росе, а вот гляди — час тому назад оно стояло чуть не над самой головой, а перевалило за полдень — и закат близко-близко...

Так пришла осень. Последние дни сентября сорок третьего года. Осень дождливая, какая-то тускло-серая, не золотистая, а блеклая — такую осень не назовешь «бабьим летом». Все было хмурым: утро в серой дымке, раскисшая дорога, петлявшая к нашим землянкам, и обнаженные черные деревья.

...Шестое октября. Этот день по праву принадлежал нам. Настал час, когда юнги переступают через ту

невидимую черту, за которой начинается зрелость. Памятный день — шестое октября! У нас торжество. В Савватьево приехал начальник политотдела Учебного отряда Северного флота капитан 1 ранга В. М. Гришанов — ныне адмирал, член Военного совета, начальник Политического управления ВМФ. Он зачитал приказ командующего Северным флотом, в котором адмирал А. Г. Головко поздравлял юнг с успешным окончанием школы, затем Василий Максимович Гришанов сказал несколько теплых напутственных слов:

— Сыновья мои, юнги! Воины флота героически сражаются на море, в воздухе и на земле. Вы, юные моряки, принимаете эстафету верности Родине, партии Ленина, эстафету смелости и отваги... Деритесь с фашистами по-североморски! Идите в бой, как повелевает вам сердце, сражайтесь, как это делают отцы и ваши старшие братья, противоборствуйте штормам и смерти — смелостью и мужеством. Не забывайте о своем патриотическом и комсомольском долге. Я всегда верил вам, гордился вами, любил вас. Счастливого плавания, друзья!

— Служим Советскому Союзу! — громко и довольно дружно ответили юнги.

Николай Юрьевич Авраамов подошел к нам и, по привычке хмуря брови, сказал:

— Ну что, боцмана? Я не забыл про ваши сухари. По вашим глазам вижу — довольны. Не всегда торопливость приводит к успеху. Теперь вы вполне созрели для фронта. Молодцы, проявили характер!..

— Спасибо за то, что поверили нам, товарищ капитан первого ранга.

Авраамов махнул рукой и подошел к другой группе ребят.

Я держал в руках свидетельство, вчитывался в строки своего первого в жизни документа:

— «Школа юнг ВМФ настоящим свидетельствует, что такой-то... окончил полный теоретический курс школы по специальности боцмана...»

Нет слов, радость моя была велика, но в душе я понимал, что еще никакой я не боцман, а только-только ученик. Командир нашей смены Александр Скурихин часто говорил нам: «Чтобы стать настоящим боцманом, надо не один баркас каши гречневой слопать». Слова бывалого моряка, в прошлом боцмана эсминца «Уриц-

кий», мы понимали так: лет пять, а может чуть больше, придется послужить в боцманской команде, пройти все ступеньки от марсового краснофлотца до главного корабельного старшины, а потом уже претендовать на должность боцмана крейсера или линкора.

Ну что ж, я готов на все. Шлифовать самого себя. Идти вперед, вперед. Теперь бы поскорее направили на боевые корабли.

Вечером я долго стоял у землянки. Раздумья наполняли сердце. Прощаясь с соловецкой землей, я подумал: «У каждого человека в жизни должна остаться позади своя землянка». Почему? Много позже адмирал Ю. А. Пантелеев даст ответ на этот вопрос в своей книге «Полвека на флоте»: «Военный совет флотилии * всегда с особым вниманием следил за юнгами — их службой и воспитанием. Оно понятно, если учесть, что многие из этих ребят в войну лишились родителей. Мы считали своим долгом поставить их на ноги. Командиры кораблей и политработники с отцовской заботой относились к юным морякам. И благодаря этому большинство наших воспитанников, как говорится, вышли в люди».

Наша группа юнг-выпускников, получившая назначение на Северный флот, была, пожалуй, самая большая. Тот же допотопный «Краснофлотец», который доставил нас год тому назад на Соловецкие острова, высадил теперь «десант» юнг на берег Белого моря в портовый городок Кемь. Конечно, его не сравнишь с шумливым и многоголосым Архангельском, на рейде которого стоят океанские суда-красавцы и оживленно снуют буксиры-работяги. Здесь тихо, почти как в рыбацкой деревне. Пахнет смолой, древесными опилками и ворванью.

Впереди нашего «Краснофлотца» прижался одинешенько к пирсу мотобот, трое рыбаков выгружали дневной улов, вытаскивая из трюма в широких плетеных корзинах треску и пикшу. На палубе тарахтит лебедка. В гавани ни души. И все-таки это была непривычная, почти незнакомая для нас жизнь. Наконец-то мы, «соловецкие аборигены», на Большой земле!

Эшелон формировался весь день.

Как только перевалило за полдень, сразу же насту-

---

* Беломорской военной флотилии.— *Прим. авт.*

пили сумерки. Осенью на севере темнеет рано. Мы пообедали всухомятку, выданным на дорогу пайком.

— По вагонам! — скомандовал капитан Калинин.

— По ва-го-о-о-нам! — протяжно закричали, повторяя приказание офицера, сопровождающие нас старшины. Мы торопливо залезли в теплушки, оборудованные двухъярусными нарами и печурками.

Отправились из Кеми без звона станционного колокола и отправного гудка. Помахать нам рукой было некому: мамы — далеко, отцы — на фронте, а невесты — еще ходят в школу... Только дежурный по вокзалу, седенький старичок карел, подняв фонарь «летучая мышь», провожал нас. В ближайшем вагоне кто-то запел нашу соловецкую песню: «Мы, юнги флота, крепки, как бронь...» Весело потрескивали дрова в буржуйке. Через какое-то время замелькали разрушенные бомбежками запустелые полустанки, станции с незнакомыми названиями — Лоуки, Чупа, Полярный круг...

Природа на севере Карелии показалась нам более суровой, нежели на Соловецких островах. Кругом леса, бесконечные болота, низкорослые, причудливо изогнутые деревья, моховые «шляпы» на камнях-валунах и лесные ягоды. Ягод столько, что их хорошо видно в дверной проем теплушки. Если бы эшелон двигался чуть медленнее, можно было бы выпрыгивать и на ходу лакомиться спелой морошкой. И не верилось, что где-то там, на западе, быть может, по ту сторону дремучего леса, за полотном железной дороги, проходит линия фронта.

Сухопутный рейс наш прошел без особых приключений, если не считать, что несколько раз объявлялась воздушная тревога. Пересекая линию фронта, на большой высоте появлялись вражеские самолеты.

В Кандалакше, где была самая долгая остановка, наш вагон по прозвищу «пятьсот веселый», навестил военный патруль. Армейскому майору не понравилось, что боевое настроение юнг выплескивалось наружу песнями, залихватским гитарным перезвоном.

Капитан Калинин, наш начальник эшелона, сладко спал, накинув на голову полу старенькой шинели. Майор тронул Николая Максимовича за плечо:

— Ваши документы?

Калинин спросонок не мог сразу понять, что от него хотят, достал из кармана кителя какой-то документ и

передал патрульному. Майор раскрыл удостоверение, и у него испуганно забегали глаза.

— Извините,— сказал он, козырнув капитану, и тихо, почти на цыпочках удалился из вагона.

Мы внимательно наблюдали за этой сценой, но до нас не дошло, почему у майора так круто, неожиданно изменилось отношение к нашей братии.

— Николай Максимович,— окружили мы замполита,— покажите, что у вас за мандат?

— Какой мандат?

— Ну тот, что показывали патрулю.

Капитан с полным безразличием сунул нам свой «магический» документ. Это был — пропуск. Обыкновенный пропуск из серого картона, на верху которого было тиснуто красным: «Пропуск в Кремль».

Мы долго смеялись. Нет, не то слово «смеялись», мы хохотали, заливаясь нервным смехом.

Надо полагать, что майор не знал, что кроме московского Кремля, есть еще кремль соловецкий. И туда тоже вход по пропускам. Только офицерам и старшинам. На пропуске подпись: генерал-майор П. Броневицкий. Внушительно. Мы же, юнги, могли входить и выходить из стен соловецкого кремля только строем, а иногда по увольнительным.

Прибыли в Мурманск. Город сильно пострадал. Исключением, пожалуй, является площадь Пять углов и центральная улица, но и на ней, зияя пустыми окнами, стояло несколько обгоревших полуразрушенных зданий. В порту по-прежнему кипела работа: разгружались транспорты на рейде, суетились буксиры. Порт, как и город, тоже пострадал от бомбовых ударов фашистских стервятников, повсюду торчали искореженные взрывами металлические конструкции кранов, складов и других сооружений. После войны будет подсчитано, что в 1942 и 1943 годах на Мурманский торговый порт фашистские самолеты сбросили более 17 тысяч бомб всех калибров, а налетов на порт было 86. Война не сломила волю мурманчан, они работали по двенадцать — четырнадцать часов в сутки, делали все, что было в их силах.

Переночевали мы в какой-то школе, а утром снова погрузились в вагоны и медленно тронулись в путь, дальше на север. Наш поезд продвигался среди угрюмых скал, то приближаясь, то удаляясь от Кольского зали-

ва, на берегах которого виднелись построенные из фанеры и досок «здания» заводов и других «военных объектов». Было видно, что фашисты не раз обрушивали на них смертоносный груз, но неутомимые моряки-бутафоры вновь и вновь восстанавливали «военные объекты».

В Ваенге (ныне Североморск), куда мы прибыли в полдень, нас разместили в небольших деревянных бараках флотского полуэкипажа. Рядом был залив. Мы часто посматривали на него и радовались, как мальчишки, увидев идущий в море корабль. Нам нетерпелось скорее попасть служить на эсминец или лидер. Какое красивое название — лидер! Это значит головной корабль, идущий впереди. По своим размерам он несколько больше эсминца. На Северном флоте был лидер «Баку», недавно пришедший с Тихого океана. Желающих попасть на него много. А штат на корабле уже укомплектован. Мы рады были любому кораблю и не тешили себя надеждой, что придется служить на подводных лодках или единственном на флоте лидере.

Мы остались в полуэкипаже ждать назначения, а капитан Калинин, отметив командировочные предписания, свое и старшин, собрался в обратную дорогу, на Соловецкие острова. Мы провожали его до ворот КП. Дальше нам ходу не было. Рядом со мной стоял Валя Пикуль. Николай Максимович обнял поочередно каждого юнгу за плечи, потянул меня за руку к себе:

— Тебе, малыш, будет очень нелегко. Не стоило бы говорить сегодня об этом, но что поделаешь, натура такая... Тебе будет труднее всех, и, быть может, поэтому много раз расквасишь себе нос... Ты слишком впечатлителен и доверчив — это твое достоинство и твоя беда. Прощай.

Вечером, когда мы ложились спать, Валя Пикуль спросил меня:

— Слушай, малыш, зачем тебе идти на корабли?

Я обозлился:

— Тебе легко говорить: получил назначение на эсминец «Грозный» — будь доволен.

— Не сердись, послушай. Ты — художник. В любом клубе найдут тебе место. Говорят, театр здесь есть.

Я ничего не ответил Валентину. Ему просто было меня утешать, он, можно сказать, из семьи моряка, отец его начинал службу безграмотным деревенским парнем,

масленщиком в машинных отсеках миноносца «Новик», а потом стал комиссаром на Беломорской флотилии, теперь где-то под Сталинградом или Ростовом-на-Дону в морской пехоте, ушел добровольно с корабля на сушу. У меня же в роду не было моряков, но я хотел плавать и выбрал Северный флот. Для себя давно уже решил: мое место — на боевом корабле.

Даешь корабль!..

Через неделю расписали по кораблям и нас — последнюю группу юнг. Флотские писаря, оформлявшие документы, произносили странные названия тех мест, куда мы должны были добираться.

Сашу Ковалева, Женю Ушакова, Сергея Барабанова, Генри Таращука, Леонида Светлакова, Игоря Перетрухина, Виктора Максимова, Анатолия Негару, Геральда Матюшина, меня и еще одного нашего однокашника, Юрия Коршева, послали служить на тральщики и на торпедные катера соединения кораблей охраны водного района Главной базы Северного флота.

Война не обошла стороной моих друзей-юнг. У каждого впереди был свой флот, свой корабль, своя судьба.

В ШЕСТНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ...

«Юнги, ведь это особые люди...»
Герой Советского Союза
Н. Г. Кузнецов

Женя Ушаков, бывший юнга, катерник-североморец, прислал мне фотографию сорок третьего года. Я смотрю на любительский снимок, вижу остров Соловки, холодное мартовское небо, штормовое утро в гавани Благополучия, где мы летом сорок второго выпили по глотку солоноватой морской воды. Смотрю на снимок, вижу юнг-мотористов в учебном классе, и среди них Сашу Ковалева, и начинаю по-настоящему чувствовать, что мне не уйти от воспоминаний. Память войны... Она завязана крепким морским узлом. Идут годы, новое поколение приходит в жизнь, новые дела и новые свершения будоражат, захватывают тебя всего целиком, без остатка. Но вот — письмо от флотского друга, и память властно стучится в сердце...

Письмо большое, на нескольких тетрадных листочках в клеточку.

«...На торпедные катера мы сразу не попали,— писал Женя Ушаков,— почему-то к нам отнеслись с некоторой настороженностью. То ли не было у нас бравого флотского вида, то ли нас по-прежнему считали пацанами, несмышленышами...

Командование дивизиона, видимо, по старой привычке, считало: если юнга, то ты — балласт на корабле. Это

можно было считать правильным в том случае, если бы мы находились на положении тех воспитанников, которые случайно попросились на корабль от какой-нибудь нужды, вызвав жалость у командира. Я ничего не имею против таких пацанов, но они не учились морскому делу так, как учились мы. И потом, мы же — добровольцы, пришли на флот по комсомольским путевкам. Кроме того, нам дали богатые знания по специальностям: боцмана, моториста, радиста. У каждого в личном деле имеется свидетельство об окончании первой в Военно-Морском Флоте школы юнг. Так я говорю?.. В общем, вместо торпедного катера я и Саша Ковалев, ты его помнишь, он ехал в одном эшелоне с горьковчанами, были направлены в судоремонтные мастерские. Там ремонтировали двигатели морских охотников и торпедных катеров. Мы, юнги, работали наравне со взрослыми краснофлотцами по 12—14 часов. Меня и Сашу закрепили за участком топливной аппаратуры. Честно говоря, не только меня, но и других юнг работа в мастерской не устраивала. Со слезами на глазах мы провожали катера, когда они уходили в море на боевое задание. Мы всячески добивались перевода на эти корабли. Ты помнишь нашего замполита Я. А. Вышкинда? Так мы ловили его всюду, уговаривали послать нас на катера. Наконец мне и Саше Ковалеву удалось убедить капитана второго ранга В. А. Чекурова, который командовал тогда дивизионом торпедных катеров. Саша Ковалев стал служить на ТК-209 у старшего лейтенанта Анатолия Ивановича Кисова, а я попал на ТК-201 к лейтенанту Дмитрию Холодному...»

Я нарочно привел длинную выдержку из письма Жени Ушакова — «деда», заслуженного судового стармеха, а ныне инженера научно-исследовательского института в городе Горьком.

...Два торпедных катера под командованием старших лейтенантов Анатолия Кисова и Ивана Желвакова вышли в Пумманки, где временно находилась маневренная база бригады торпедных катеров. Миновав северо-западную оконечность полуострова Рыбачий, где-то на траверзе мыса Вайталахти они обнаружили у вражеских берегов еле заметные дымы судов противника. Друзья решили, что такой случай упускать никак нельзя.

Уйти, не дав боя, было не в их характерах. На Севере они считались новичками, в бригаду торпедных катеров пришли с Тихого океана почти в одно и то же время, в начале сорок четвертого года. Не только командиры, но и команды обоих катеров — «209» и «217», как говорится, жили душа в душу. Норовили вместе на боевое задание выходить и рядышком у пирса стоять, борт о борт, как кровные братья. А мотористы катеров настолько были дружными, что порой не считались со временем, помогали друг другу в ремонте двигателей, делились не только последним клочком ветоши, но и запчастями. Саша Ковалев рад был, что служба его началась в таком дружном экипаже катерников.

— Атакуем? — спросил по УКВ старший лейтенант Желваков.

— Полный вперед! — подал команду Анатолий Кисов по праву старшего.

В моторном отделении приказ командира выполнили немедленно.

Саша Ковалев выходил на боевое задание уже не первый раз. Старослужащие краснофлотцы и старшины относились к нему по-братски, считали, что Саша уже оморячился, возмужал. Это действительно было так. Юнга Ковалев был удостоен двух правительственных наград: ордена Красной Звезды, медали Ушакова.

...Наши катера шли навстречу немецким сторожевым кораблям и катерам охранения. Командиры Кисов и Желваков понимали, что враг превосходит их численностью и вооружением, но отказаться от возможной атаки было выше их сил. Они знали, что рискуют многим, но волков бояться — значит, в лес не ходить. Кроме того, у них был расчет — расчет на внезапность.

На Севере в весеннюю пору бывают по утрам такие сумеречные минуты, когда близкие предметы и береговые очертания кажутся неясными, расплывчатыми. А тут, как назло, на расстоянии десяти—пятнадцати кабельтовых фашисты заметили советские катера. Строй сторожевиков начал быстро перестраиваться, следом за большими кораблями стали расходиться в разные стороны и катера. Одновременно открыли огонь орудия и пулеметы. Но сбить с боевого курса наши торпедные катера было уже нельзя. Атака начата, значит, ее надо довести до победного конца.

Первым выпустил торпеды по головному сторожевику Иван Желваков. Два метких попадания в цель — и корабль в течение нескольких секунд погрузился в море.

Анатолию Кисову достался второй сторожевик. Торпеды угодили кораблю противника в корпус, ближе к носу. Атака увенчалась успехом. Теперь надо уходить. Делая разворот, «217-ый» оказался недалеко от кормы немецкого сторожевика, орудийный расчет которого продолжал в отчаянии стрелять. Три снаряда прошили борт торпедного катера Ивана Желвакова. В моторный отсек хлынула вода, на палубе вспыхнул пожар. Командир катера понял: положение безнадежное. Надо спасать экипаж. Когда катер стал погружаться в воду, старший лейтенант вызвал по радио своего напарника Кисова:

— Я потерял ход. Меня атакует противник. Толя, выручай!

Торпедный катер старшего лейтенанта Кисова, успешно нанеся торпедный удар, вернулся назад, спеша на выручку «217-го». Прикрыв дымовой завесой катер друга, Анатолий Иванович Кисов под артиллерийским огнем вражеских сторожевиков снял команду, попавшую в беду, и полным ходом стал уходить на восток, к родным берегам.

ТК-217 не достался врагу. Иван Желваков, покидая боевую рубку катера, поджег бикфордов шнур, соединенный с подрывными патронами. Над морем высоко взметнулось пламя. Грохнул взрыв. Катерники на несколько секунд сняли шлемы, каски, бескозырки... Они прощались со своим катером...

В моторный отсек, где нес вахту Саша Ковалев, спустились мотористы «217-го».

— Чем помочь тебе, паренек? — сказал краснофлотец Илья Горбунков.

— Как там, наверху? — спросил Саша.

— Самолеты преследуют. Покоя нет от гадов.

Моторист Горбунков сказал правду. Если катеру старшего лейтенанта Кисова удалось оторваться от кораблей противника, то с «фокке-вульфами» состязаться в скорости было трудно. Они атаковали беспрерывно, пикируя с обеих сторон, иногда заходили с кормы. Надо отдать должное Анатолию Кисову, сумевшему ловко маневрировать в этом неравном поединке. Ни одна сброшенная бомба с трех самолетов «Фокке-Вульф-190» не

угодила в цель. Такая неудача озлобила немецких летчиков, и они открыли артиллерийско-пулеметный огонь. Несколько осколков от снарядов прошили бортовую обшивку катера. В моторном отсеке тяжело ранило старшину 1 статьи Аринева, обожгло выхлопным газом командира отделения мотористов Старшинова.

Очередной взрыв в отсеке оглушил Сашу Ковалева, отбросив волной на переборку. На какое-то мгновение юнга потерял сознание. Очнувшись, он увидел у правого мотора краснофлотца Илью Горбункова, заделывающего пробоину в блоке. Левый мотор тоже бездействовал. Моторное отделение наполнялось удушливым газом. В рваную дыру в дюрите радиатора хлестал кипяток.

— Моторы!.. Моторы!..— кричал боцман.

Анатолий Кисов вздрогнул, посмотрел на Желвакова, до которого только сейчас дошло: скорости нет — верная гибель. Катер потерял ход. Вот-вот — и все пошло бы прахом. Взорвался бы перегревшийся мотор — и конец...

Саша рванулся к среднему мотору, грудью закрыл пробоину в радиаторе... Трудно представить, каких страданий стоило это юному моряку. Однако юнга Ковалев все крепче и крепче прижимался к дюриту радиатора. Температура воды семьдесят градусов. Жгло все тело. «Только бы выдержать, набраться бы сил...» — по-другому Саша, каким мы его знали, не мог размышлять. Ему хватило сил и мужества. Благодаря подвигу юнги Ковалева торпедный катер не потерял ход. Катер жил и благополучно дошел до базы. Саша не отходил от дюрита до тех пор, пока повреждение не было устранено. Следует добавить, что одним из первых поспешил на помощь юнге Илья Горбунков, моторист с «217-го».

Саше Ковалеву жизнью своей обязаны два экипажа торпедных катеров — «209-го» и «217-го».

Зимой 1972 года во время научной конференции «Северный флот в начальный период войны» бывший юнга Игорь Перетрухин, ныне подполковник, познакомил меня с Николаем Дмитриевичем Старшиновым, командиром отделения мотористов ТК-209, который так сказал о Саше Ковалеве:

— Редкой души паренек. В его жизни не все было гладко. Трагически сложилась судьба его родителей, он глубоко переживал свое сиротство, хотя не скрывал, что у него есть приемные родители... В таких случаях люди замыкаются в себе, как морская улитка. Саша был другим: общительный, добрый, честный. С ним легко идти в бой, не подведет. Хотя, надо сказать, для нас, старослужащих моряков, он был еще мальчиком. Я горжусь, что мне пришлось воевать с Сашей рядом, на одном катере, в одном моторном отсеке...

В послевоенные годы появилось немало газетных и журнальных публикаций, в которых авторы утверждали, что Саша Ковалев погиб в этом морском бою. Этот факт далек от истины. Саша вернулся в Пумманки. Вместе с другими членами команды был представлен к правительственной награде. Беда с ним случилась несколько позже.

Обратимся к письму Жени Ушакова, он рассказывает:

«По приказу командира бригады А. В. Кузьмина группа наших катеров покинула Пумманки и направилась своим ходом в главную базу. Нашему «201-му» и катеру «209-му» старшего лейтенанта Кисова предстоял ремонт. В недавнем бою этому ТК здорово досталось. В борту были пробоины. Офицеры рассказывали нам, что немцы в последнее время стали применять снаряды с фосфорными головками, которые в любой момент могут самовоспламениться. В общем, снаряд типа бомбы замедленного действия.

Миновав полуостров Рыбачий, мы услышали за кормой взрыв. Застопорили ход, легли в дрейф. Видим: на катере Кисова вспыхнул пожар. Катер, шедший следом за «209-м», быстро подошел к его борту и забрал весь экипаж. Саши среди спасенных не было. Уже на базе я узнал, что он погиб, неся вахту в моторном отсеке».

Боевая вахта моряка.

В Корабельном уставе ВМФ сказано:

«Вахта является особым видом дежурства на кораблях Военно-Морского Флота. Она устанавливается в тех случаях, когда требуется непрерывная бдительность и безотлучное пребывание на посту».

...Велико было горе катерников, потерявших своего любимца, смелого, задорного юношу. Моряки ходатай-

ствовали о занесении имени Саши Ковалева навечно в списки части. Командование Северного флота наградило юного героя посмертно орденом Отечественной войны I степени.

Поэт-североморец Николай Букин посвятил памяти юнги-катерника стихотворение. Вот эти строки:

И торжественно, и звонко
Вновь гремит в краю родном
Чудо-песня про орленка,
Про того, кто жил орлом.
Так в тяжелый час Отчизны,
В стороне ветров и льдов,
Пал за дело коммунизма
Юнга Саша Ковалев.

Да, Саша, ты — орленок. Я сегодня ставлю цветы перед твоей фотокарточкой, которую прислал мне твой и мой друг Женя Ушаков. Я гляжу на твое смелое мальчишеское лицо, светлые волосы, сосредоточенные серые глаза. Орленок, тогда тебе шел семнадцатый. Да ведь это же про вас, мои товарищи, безвременно ушедшие из жизни, поется в песне: «Не хочется думать о смерти, поверь мне, в шестнадцать мальчишеских лет...»

В каждый наш флотский праздник мы вспоминаем Сашу Ковалева и всех других юнг-орлят, наших боевых товарищей, и всех других мальчишек — сыновей полков,— которые с огнем в сердцах своих шли на подвиг во имя Родины.

О Саше Ковалеве не только пишутся стихи и поэмы, о нем и его подвиге слагаются песни. Московский композитор Юрий Чичков написал «Балладу о юнге Саше Ковалеве», великолепно исполняемую ансамблем песни и пляски имени В. С. Локтева.

В пятидесятые годы кронштадтские юнги сочинили свою песню о Саше Ковалеве и пели ее на мотив песни соловецких юнг: «Мы, юнги флота, крепки, как бронь...»

Мы помним подвиг Саши Ковалева,
Он для победы жизнь не пощадил.
Дадут приказ, ответим: «Есть!» —
и снова
Пойдем в огонь, как наш герой
ходил.

В Заполярье, на вершине гранитной сопки, возвышается величественный обелиск. На белом мраморе золотом высечены слова:

«Юнга Саша Ковалев погиб в море при выполнении боевого задания 9 мая 1944 года».

Именем юного героя названы улицы в Североморске и на острове Соловки. В Ленинграде и Москве, Мурманске и Киеве, Саратове и Уфе, Горьком и Свердловске, в поселке на Севере и в Архангельске — школы, пионерские дружины носят имя Саши Ковалева. Один из кораблей Мурманского пароходства назван именем пламенного патриота Родины. На теплоходе «Саша Ковалев» создан судовой уголок, где выставлены документы, фотоснимки, биография юнги, описание его подвига, подарки пионеров подшефных дружин. Среди подарков хранится и голубой галстук юных тельманцев ГДР.

Теплоход «Саша Ковалев» успешно совершает свои нелегкие рейсы по северным морям. Им пройдена не одна тысяча миль. Судно побывало в Монреале, Галифаксе, Булоне, Антверпене, Бремене...

Экипаж теплохода, и в первую очередь комсомольцы, ведут большую шефскую воспитательную работу с пионерами школ страны. Приятно сознавать, что работа эта приносит хорошие плоды. В судовом уголке Саши Ковалева хранится письмо, присланное семиклассниками из села Запрудиха Новосибирской области. Вот что писали школьники:

«Дорогие друзья!

Какие мы счастливые: два письма получили от вас. Мальчишки — особо рады. Теперь работа закипела: пишем письма, чистим форму (теперь у нас парадная форма — морская). В этой форме мы дежурим по школе, приходим на торжественные линейки. Во время совхозных работ ребята рапортовали, что в классе 25 человек, хотя по списку — 24. Двадцать пятым стал Саша Ковалев. Пять учеников нашего класса готовятся вступить в ряды ВЛКСМ, и дату рождения нашей комсомольской группы решили приурочить к дате рождения вашего теплохода — 5 декабря».

Такие письма нельзя читать без волнения. На примере юнги Саши Ковалева воспитываются новые поколения молодежи, вырастают мужественные люди, комсомольцы-катерники приумножают славные боевые традиции Военно-Морского Флота.

«ТАК ДЕРЖАТЬ, БОЦМАН!»

Было это в шестьдесят пятом... По Кольскому заливу шел рейсовый катер. Шел он торопливо, словно спешил пораньше, засветло встать к причалу. На корме стоял пассажир, крепкий мужчина, на вид лет сорока, а может, чуть более, он внимательно смотрел на серые скалы, с которых еще не сошел снег, искал глазами знакомые очертания бухты, входные створные знаки, обозначающие фарватер, но ничего не мог понять. Все казалось ему каким-то странным и непохожим, каким-то далеким и чужим. Когда-то все эти места он знал хорошо, мог с закрытыми глазами провести торпедный катер в бухту и ошвартовать его у плавбазы. Старший лейтенант Лихоманов, командир ТК-13 бывало любил пошутить: «Ты, юнга, словно из рассказа «Дед Архип и Ленька». Считай, наш катер — «дед», а ты — «Ленька-поводырь». Так?»

К полудню рейсовый катер добрался до бухты, окруженной суровыми северными скалами. Бывалого моряка пригласили на встречу с молодыми матросами. Почти двадцать лет он считался погибшим, сами матросы высекали его имя на гранитной плите. И вдруг... Командование части радушно встретило ветерана. Как обычно бывает в таких случаях: гостю не дают от-

дыхать. Ему показывают комнату боевой славы, водят по кораблям, знакомят с новой техникой, жизнью и боевой учебой моряков-катерников. Встреч много. Как-то вечером, после спуска Военно-морского флага на кораблях, бывший боцман ТК-13 пошел побродить по дощатым улочкам морского поселка. Он пытался понять, как живет, как служит этот городок катерников на краю Большой земли. Его не назовешь затерянным среди скал, нет. Выросли новые дома. На улицах чистота, флотский порядок. Таращук остановился у скромного обелиска, иссеченного северным ветром и снежными зарядами, стал читать фамилии погибших героев-катерников. И вдруг застыл... Среди знакомых и дорогих ему имен он прочел: «Генри Таращук. 1926—1944 гг.». Его имя было на обелиске! Тихий вечер опустился над бухтой. Никто не видел в эти минуты, как в уголках его глаз дрожали слезы. А если бы увидели? Ну и пусть. Он не стыдился слез.

В сентябре сорок четвертого правительство Финляндии согласилось разорвать договорные отношения с фашистской Германией. В полночь 15 сентября истекал срок вывода гитлеровских войск с территории Финляндии. 8 сентября командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головко подписал приказ по флоту об организации и составе сил на операцию с условным наименованием «Вест». По вполне понятным причинам о приказе комфлота знал только командир бригады торпедных катеров капитан 1 ранга А. В. Кузьмин. Личный же состав бригады переживал в это время радостное событие: днем раньше бригада, уничтожившая свыше шестидесяти кораблей противника, была награждена орденом Красного Знамени. Получили правительственные награды многие матросы, старшины и офицеры. Но время было горячее — не до праздников. Бригада торпедных катеров находилась в боевой готовности номер один.

Из политотдела бригады принесли листовку. Старший лейтенант Лихоманов сказал Таращуку:

— Боцман, собери команду, побеседуй...

Генри Таращук с большим желанием выполнил поручение командира катера, кроме того, это был его комсомольский долг. В листовке говорилось: «Катерник! Ты идешь в бой под Краснознаменным флагом. В борьбе

с ненавистным врагом на его коммуникациях и в десантной операции умножь боевую славу соединения.

Карающая рука североморцев нанесет смертельный удар по гитлеровским захватчикам в Заполярье. Ни один немец не должен уйти живым в свою фашистскую берлогу!

В добрый час, товарищи катерники!»

Вечером 14 сентября командир ТК-13 старший лейтенант Виктор Михайлович Лихоманов получил задание: обследовать район Коббхольм-фьорд совместно с ТК-213. По данным нашей разведки, там были замечены дымы фашистских кораблей.

В 20.00 катера отошли от причала. В море их должны сопровождать два самолета. Погода на севере никогда не баловала моряков. А осенью и подавно. Тем более предстояло преодолеть добрую сотню миль, обогнув полуостров Рыбачий. И на этот раз упругая метровая волна била в «скулу» катеров, мешала идти с нужной скоростью. Появились наши самолеты, но вскоре, не обнаружив конвоя противника, улетели на аэродром, пожелав катерам удачи. Под утро был получен новый приказ: пройти вдоль вражеского берега от входа в Бёкфьорд до губы Малая Волоковая, и если в этом квадрате не будут обнаружены немецкие корабли, то сразу же, не мешкая, катера должны следовать на базу.

Генри Таращук нес вахту сигнальщика. Моряки военного времени хорошо знают, что боцман на малом корабле, надо сказать, человек — на все руки мастер: он рулевой и сигнальщик, а по боевому расписанию — пулеметчик, на стоянке как старшина команды выполняет функции интенданта. На торпедном же катере боцман — второе лицо после командира.

Приближался рассвет. В дымке угадывались очертания вражеского берега, молчаливого, настороженного. Море спокойное, никаких признаков тревоги. До смены вахты еще оставался целый час. Хотелось курить. Генри наблюдал за горизонтом, время от времени поднимал к глазам бинокль. Фашистские корабли появились неожиданно. Они шли с норда, а не от мыса Хольменгронес, как предполагал старший лейтенант Лихоманов.

— Товарищ командир, слева девяносто вижу силуэты кораблей,— доложил Таращук, показывая рукой в направлении севера.

Генри сказал эти слова спокойно и негромко, но их услышали все, кто находился на палубе.

Расстояние до кораблей противника было чуть больше сорока кабельтовых. Конвой состоял примерно из 18—20 судов, в него входили танкер, пять транспортов и корабли охранения: сторожевики, тральщики и один миноносец. Мористее конвоя шла еще одна группа сторожевых кораблей. Эти суда, видимо, вывозили из Финляндии войска, оружие и имущество. Командир катера подумал: завязать с ними бой — большой риск. Шансы на удачу равны нулю. Лихоманов взвешивал все «за» и «против», а тем временем радист передал на КП бригады сообщение о противнике. Гитлеровцы не видели наших катеров. Их скрывали хмурые берега и серая дымка, стлавшаяся над утренним морем.

Будто почуяв неладное, командир «13-го» Лихоманов на мгновение оглянулся на корму, где маячил ведомый ТК-213. Не дожидаясь приказания, напарник переключил моторы на надводный выхлоп и ринулся в атаку. Ринулся один сломя голову. Лихоманов чертыхнулся. Боцман встретился с ним глазами. В них горели колючие, обжигающие огоньки. Таращук еще никогда не видел таким своего командира...

Немцы сразу же обнаружили «213-й» по белому буруну. С транспорта, идущего в голове конвоя, была пущена зеленая ракета. Корабли стали перестраиваться в боевой порядок. Сторожевики повернули к берегу, навстречу советским катерам. Противник открыл заградительный огонь из пушек и пулеметов. Атака «213-го» была отбита, и он, прикрываясь своей дымовой завесой, стал делать круг для следующего захода. Фашисты, увидев второй катер, устремились к берегу, отрезая путь отхода к морю. Лихоманов разгадал намерение немцев. «Хотят загнать нас в ловушку»,— произнес он вслух, не обращаясь ни к кому.

Первая атака не удалась. Слишком сильный был огонь сторожевых кораблей. Лихоманов решил не рисковать катером, повернул обратно. Матросы ожесточенно стреляли из пулеметов и пушки. Огонь вели прицельный, каждый выбирал себе цель, как говорится, «по любви». В носовой части танкера вспыхнул пожар. Командир повел катер во вторую атаку. С правого торпедного аппарата вышла торпеда. Стремительно-пенистый

след ее был хорошо виден. И было ясно, что тяжело нагруженный транспорт уклониться от нее не может. Виктор Лихоманов рассчитал точно. Громадное судно стало медленно погружаться в море. Но фашисты все ближе и ближе подходили к катеру. Море вокруг закипело, забурлило. Всплески от взрывов взметнулись гейзерами. Старший лейтенант Лихоманов решил предпринять третью атаку. Совсем близко, в двух кабельтовых, прошел миноносец, но торпеда не вышла из аппарата. Ее, видимо, заклинило. Теперь катер шел с большим креном на левый борт. Стало труднее маневрировать. Сторожевые корабли противника образовали полукольцо. Командир подставлял корму катера, чтобы у врага был меньший сектор обстрела. Хитрость удалась, но ненадолго. Фашисты стреляли почти прямой наводкой. Во время очередного разворота в моторный отсек угодил снаряд. Моторы заглохли. Катер лишился хода. В отсеке начался пожар. Через пробоину стала поступать вода. И тут стряслась другая беда: осколком снаряда тяжело ранило Лихоманова. Истекая кровью, он позвал Таращука. «Рация еще работает? — спросил командир.— Свяжитесь с базой... Останешься за меня... Так держать, боцман!»

Едва радист успел передать: «Командир убит. Моторы вышли из строя. Личный состав погибает с катером...», как еще один снаряд угодил в беспомощный, но бесстрашный корабль...

Таращук еле-еле передвигался по палубе. В сапоге липкая кровь — рана в бедро, правая рука висит плетью, онемела. Страшная боль в плече. Немцы перестали стрелять. Боцман понял: «Будут брать в плен». Как бы поступил в этом случае командир? И тут Генри Таращук увидел матроса Сокольникова, он еще держался на ногах.

— Поставить дымовую завесу,— приказал боцман, а сам, с трудом держась за поручни, стал добираться до рубки, где находились подрывные патроны. Сокольников кинулся на корму, но был сражен пулей. Собравшись с силами, боцман сделал последний рывок, но тут же услышал короткую очередь из автомата. Пуля угодила в живот. Он медленно спустился на палубу, перед глазами плыли разноцветные круги...

Но волей случая боцман ТК-13 остался жив... Он тонул вместе с катером, но спасательный жилет вытолкнул Таращука на поверхность моря...

На войне можно ожидать немало всяких трудностей. Однако юнге и в голову не приходило, что он окажется в руках врага. Тяжело раненный и контуженный Генри Таращук попадает в плен. Юноша знал, что победа близка, остались считанные дни, и фашистские войска побегут с северных берегов Баренцева моря, наши овладеют и Петсамо (Печенга) и Киркенесом. А пока надо держаться! Положение в лагере было тяжелым, но никто из пленных не думал о трагическом исходе. Их ободряла и наполняла силами надежда, что вот-вот — и советские части придут на выручку. Сомнений не было. И освобождение пришло. Пришло ровно через месяц — 15 октября сорок четвертого года.

Так сложилась судьба одного из моих друзей. В ноябре 1966 года за тот последний бой на ТК-13 Генри Николаевич Таращук был награжден орденом Отечественной войны I степени. Теперь он инженер-проектировщик, живет и трудится в Уфе.

Мы давно не встречались друг с другом. Но в памяти моей свежо воспоминание, особенно дорог один день, когда мы бродили с Генри Таращуком по берегу реки Белой. Он рассказывал о своей нелегкой судьбе. Это было утром, город уже проснулся, мы вышли к крутояру, остановились и долго любовались, как спокойна и тиха в рассветный час уральская река, как четко, словно в зеркале, отражались в ней розоватые облака.

— Вот она, моя Агидель! Агидель!..— нежно, будто имя любимой девушки, произнес Таращук название реки Белой по-башкирски.— И за нее мы тоже, как за сказку детства, шли воевать.

ШЛИ В БОЙ ЮНГИ...

Игорь Перетрухин после окончания школы юнг служил со мной в одном дивизионе тральщиков Северного флота, а потом, в феврале сорок четвертого, был переведен в дивизион торпедных катеров, который тоже входил в наше соединение охраны водного района Главной базы СФ — ОВР. Там, на новом месте службы, он изменил своей профессии боцмана и стал комендором двуствольной пушки «швак». Дело в том, что на ТК-114 уже был боцман — наш однокашник и земляк Игоря, свердловчанин Леонид Светлаков. И третий юнга на этом катере — моторист Николай Ткаченко. Всем ребятам к этому времени уже присвоили воинское звание — краснофлотец. С нас стали спрашивать службу полной мерой, как со старых и бывалых моряков, но еще по привычке называли юнгами.

...Пятнадцатое сентября сорок четвертого года. Раннее утро. Еще с вечера минувшего дня отряд торпедных катеров под командованием капитана 3 ранга В. Федорова находился в море. По данным нашей разведки, у норвежских берегов должны появиться немецкие корабли. Прошло несколько часов, но конвоя все не было и не было. Надо возвращаться на базу. У торпедных

катеров малая автономность плавания. Ограничивало горючее. Но вдруг комдив Федоров услышал свои позывные...

— Вижу конвой,— доложил командир авиагруппы старший лейтенант Николаев.— Четыре крупные цели у берега. Мористее — сторожевики, тральщики, катера. Атакуйте. Поддержим!..

В районе Сак-фьорда летчики обнаружили около двадцати кораблей и транспортов противника.

Немецкие артиллеристы, находившиеся на высокой прибрежной скале, следя за самолетами, приметили и советские катера. Они не начинали бой до тех пор, пока катера не подошли поближе к кораблям охранения. Только тогда береговая батарея открыла прицельный огонь. Один из снарядов плюхнулся за кормой «114-го», а через долю секунды — прямо по носу разорвался второй... Раздалась команда старшего лейтенанта Виктора Шленского, который был в этой операции обеспечивающим командиром.

— Малый ход!

Старший лейтенант Шленский старался так маневрировать катером, чтобы в него не угодил снаряд. Командир ТК Евгений Успенский выполнил приказание старшего товарища, он понимал, что сегодня главные решения за ним, за Шленским.

Третий снаряд, подняв высокий столб воды, разорвался в нескольких метрах от борта. Комендоры замерли у своих пушек и пулеметов. Волна раскачивает катер, швыряет в лица моряков колючие брызги. Игорь Перетрухин в который раз, на всякий случай, проверил свой «швак». Оружие готово к стрельбе, он его опробовал еще при выходе из базы. Теперь от умения и отваги его хозяина зависело многое. Для Игоря наступил час серьезных испытаний. Ведь, по сути дела, это был его первый настоящий бой.

Между тем, торпедные катера, постоянно меняя курс и скорость, приближались к целям. Корабли охранения, почувствовав подмогу с берега, заметно осмелели. Они усилили огонь из скорострельных пушек. Трассирующие снаряды рикошетили от воды и разрывались у бортов атакующих катеров.

— Николаев! — обратился Федоров за помощью к летчикам.— Штурмуйте охранение!

Флагманский катер стремительно вырвался вперед и начал ставить дымовую завесу. Тотчас же на него был перенесен почти весь артиллерийский огонь кораблей охранения. Умело маневрируя, следом за флагманским второй мателот — соседний в строю корабль — окутал себя дымом. Катер старшего лейтенанта Успенского не стал прятаться за чужим дымом, а сам прошел с белым шлейфом вдоль линии вражеских кораблей. Ближе всех к «114-му» оказался немецкий тральщик. На беглый огонь противника моряки ответили длинными очередями из пушек и пулеметов. Затарахтел и скорострельный «швак» Игоря Перетрухина. Юнга держал на прицеле рубку и мостик. На тральщике произошло замешательство. Игорь видел, как кто-то бежал по палубе, как кто-то падал... Он стрелял и стрелял, по привычке с детства прикусив нижнюю губу. На ходовом мостике, где только что виднелись головы гитлеровских офицеров, все куда-то попрятались. Тем временем катера, которым посчастливилось первыми выпустить торпеды, укрылись в дымовой завесе. Противник потерял их из вида. Наступила очередь атаковать и «114-му». Игорь Перетрухин искал глазами цель. Где она? Три транспорта, окутанных дымом и паром, погружались в морскую пучину. Корабли охранения легли в дрейф. Экипажи их не знали, что предпринять: то ли охранять самих себя, то ли вход в Сак-фьорд, то ли подбирать немецких матросов с затонувших судов... Четвертый, последний, транспорт самый большой по водоизмещению, трусливо убегал, он торопился укрыться в фьорде. Его корму прикрывала самоходная баржа, вооруженная многоствольной пушкой. Упустить такую цель было бы грешно и непростительно. Успех дела решали доли секунды, старший лейтенант Евгений Успенский уже рассчитал торпедный треугольник. Резкий толчок. С шипящим звуком, одна за другой, торпеды оставили катер. Крутой разворот — и «114-й» снова в дымовой завесе. Но немцы не дремали. Артиллеристам с десантной баржи нельзя было отказать в меткости. Носовая часть катера прошита насквозь. Вспыхнули яркие языки пламени. Запахло гарью. Не ожидая приказания обеспечивающего командира Шленского, юнга-боцман Леонид Светлаков схватил огнетушитель и кинулся на бак. Он не слышал, как над морем пронеслись два глухих взрыва. Теперь уже транспорту не

придется разгружаться в немецком порту. Моряки еще не успели потушить пожар, как пришла новая беда: заглохли моторы. Кончился бензин в баках. Как потом рассказал друзьям юнга Николай Ткаченко, моторы работали за счет подкачки бензина вручную из «мертвого запаса» — жалких остатков в цистернах. Хорошо, что они остановились не в разгар боя, а то бы самим пришлось стать мишенью. Видя, что «114-й» отстал, на помощь ему прилетел наш истребитель. Он барражировал на небольшой высоте. В эфире, между тем, решался вопрос о возвращении самолета на маневренный аэродром, так как у него оказались пустыми бензобаки. Катерники слышали, как летчик требовал замены, не желая оставить «114-й» без поддержки с воздуха.

Отряд катеров пришлось догонять на одном моторе. Флагман, заметив отсутствие катера старшего лейтенанта Успенского, вернулся и подошел к борту. Капитан 3 ранга Федоров прыгнул на борт «114-го», обнял командира Игоря Перетрухина и боцмана Светлакова, всех ребят, которые находились в этот момент на верхней палубе. Было чему радоваться. Это был первый бой наших торпедных катеров во взаимодействии с авиацией в условиях дневной видимости. Бой, увенчавшийся великолепной победой. Четыре немецких транспорта с военным снаряжением и продовольствием, направлявшихся в помощь 20-й Лапландской армии немцев, нашли свой конец в студеных водах моря Баренца.

По пути на базу флагманский катер поднял из воды промокшего и замерзшего летчика лейтенанта Муромцева, который прикрывал с воздуха ТК-114. Отважный пилот так и не дотянул до аэродрома, ему пришлось совершить вынужденную посадку на воду.

В Пумманках, где находилась маневренная база бригады торпедных катеров, моряков дивизиона Федорова ждали командование флота, друзья-катерники. Здесь же, на причале, адмирал А. Г. Головко вручил матросам и офицерам правительственные награды. Юнге Перетрухину командующий флотом прикрепил к фланелевке орден Красной Звезды.

Запомнился Игорю Перетрухину еще один бой. Это было в середине октября сорок четвертого года. Замысел командующего флотом был такой: решительным броском сил флота сократить срок сопротивления фаши-

стов в районе Печенги. Высадка десанта на причалы Лиинахамари должна была помочь быстрому освобождению старинного русского города Печенги. Больше того, морской десант облегчал действия с суши войскам Карельского фронта. Боевая задача была доведена до личного состава. Политотдел бригады обратился к катерникам: «Помоги удобно разместиться бойцам десанта и разместить их оружие на катере. Прояви максимум заботы и внимания к каждому из них; добейся того, чтобы бойцы чувствовали себя на катере спокойно и уверенно. Во время высадки десанта помоги бойцам быстрее и организованнее сойти с катера на берег...»

На катерах, участвовавших в этой боевой операции, состоялись короткие собрания, прошедшие с большим подъемом. Катерники знали, на что идут и во имя чего идут.

В море вышли, как только стемнело. Ночь всегда была хорошим помощником катерникам. Не изменила бы она им и сегодня, осталась бы верным союзником, прикрыла бы... Катер ТК-114, которым командовал старший лейтенант Евгений Успенский, шел следом за катером Героя Советского Союза капитана 3 ранга А. О. Шабалина. На борту обоих катеров — пятьдесят два десантника. Все ребята североморцы: с подводных лодок и тральщиков, с торпедных катеров и эсминцев. Игорь Перетрухин как бы прилип к своему «шваку», двуствольному автомату. «Спокойнее, парень!» — говорил он сам себе, а руки невольно сжимали кольцо турели. Там, в скалистом берегу, притаились немцы, из амбразур дотов, ощетинившись, смотрят пулеметы и пушки. Они ждут сигнала тревоги.

Войти в Печенгский залив незамеченными катерам не удалось. Вспыхнувший прожектор сначала полоснул по ночному небу, потом опустился на море. Яркий сноп света испуганно забегал по коридору залива, выхватывая из мглы то скалу, то прибрежные камни-валуны, то катера, моторы которых для скрытности работали с подводным газовыхлопом. Только что была тишина — и разом ее не стало. Отчетливо прозвучали первые выстрелы, вспышки осветительных снарядов указывали немецким батареям направление, куда надо бить, чтобы сподручнее накрыть цель. Александр Шабалин быстро оценил

ситуацию: надо прижаться к высокому берегу, ибо в середине залива катера́ ожидает смерть. У берега — спасение, здесь непростреливаемое пространство. Евгений Успенский понял маневр Шабалина, рванулся следом за ним, за считанные секунды их катера проскочили Девкин мыс и были уже в открытой гавани...

В своих воспоминаниях вице-адмирал А. Кузьмин, бывший командир североморской бригады катеров, писал: «Чтобы обезопасить стоянку катера, командир вместе с боцманом Светлаковым и матросами Яценко и Перетрухиным, захватив автоматы и гранаты, сошли на берег. Осмотрели находившиеся на пирсе амбары и организовали «первую линию обороны» на случай прорыва гитлеровцев на пирс». Более часа моряки со «114-го» обеспечивали высадку нашей морской пехоты. Только тогда, когда многие катера, высадив десант, начали возвращаться домой, Евгений Успенский с тремя своими подчиненными — Перетрухиным, Светлаковым и Яценко — поднялся на борт катера.

За это Игорь Перетрухин был удостоен еще одной боевой награды — ордена Отечественной войны II степени.

...Был тихий ясный вечер. Мы шли с Игорем Перетрухиным по городу молча, думали о чем-то своем. Потом Игорь сказал:

— Не ожидал такой встречи. Двадцать восемь лет не виделись. Надо же быть такому случаю.

И в самом деле, встреча была неожиданной. Я приехал в командировку в ГДР, не зная, что кроме моих немецких друзей могут оказаться знакомые. На пресс-конференции, проводимой руководителем советской делегации ко мне подошел наш офицер и представился:

— Майор Перетрухин. Слышу, знакомая фамилия...— он обнял меня за плечи.— Я вижу, брат, что ты позабыл школу юнг?

И майор тут же тихонько напел куплет нашей соловецкой песни: «Мы, юнги флота, крепки, как бронь...» Эти слова прозвучали как пароль. Теперь у меня не было никаких сомнений: передо мной бывший юнга-боцман Игорь Перетрухин.

Два дня мы провели вместе. Игорь познакомил меня с городом, со своими немецкими друзьями.

Быстро пролетели дни нашего пребывания в ГДР. Они были наполнены теплом дружеских встреч, оставили множество впечатлений и записей в журналистском блокноте.

Прощаясь, Игорь Перетрухин спросил:

— Тебе приходилось встречать кого-либо из наших юнг... боцманов?

— Генри Таращука и Узбека Идрисова в Уфе. Судьба раскидала всех. Кого — куда. Говорят, Леонид Светлаков вернулся в Свердловск. А Иван Зорин? Помнишь, его все «батей» звали? Он — на Севере. Старпомом на рыболовецком траулере. Кто — где. Это о вас, кажется, стихи сложили: «На быстрых катерах для славы и победы несли они, врагам на страх, могучие торпеды!». Мечта у меня — собрать всех вместе на Соловецких островах.

— А ты попробуй. Великое дело сделаешь.

Несколько лет назад майор Перетрухин уехал из этой гостеприимной страны, где ему хорошо служилось. Сейчас он подполковник, продолжает службу в Вооруженных Силах. Хоть и ходит мой друг в армейской форме, но под кителем — тельняшка. Она — память о море, о боевой юности, о друзьях-товарищах, североморских катерниках.

ВСЕМ ШТОРМАМ НАЗЛО

...Спасательный понтон бросало с волны на волну. Его низкие борта чуть-чуть поднимались над студеной водой Карского моря. Хлесткие волны мяли понтону бока, заливали до краев, и только сила скопившегося воздуха в полукруглом корпусе держала людей на плаву. Моряки сидели тесной кучкой: двое напряженно всматривались в ночь, в черное крыло тучи, нависшей над ними. Один из них — бывалый моряк, энергичный и строгий, его приказы — закон для всех. Это старшина 1 статьи А. К. Дороненко, другой — еще мальчишка, у него и воинское звание по возрасту — юнга. Звали паренька Толей. Рулевой Анатолий Негара.

Тучи плотной пеленой висят над морем, за ними не видать ни луны, ни звезд. Нет никаких ориентиров. Вокруг волны и волны. Косой дождь со снегом шлепает по осунувшимся, похудевшим лицам моряков, по звонким металлическим бортам понтона. В этой кромешной тьме трудно понять, двигается ли их спасательный понтон или стоит на месте.

Больше часа гребет юнга Анатолий Негара. Самый юный из всей команды; за эти трое суток, что они расстались с кораблем, Толя чаще других краснофлотцев брался за весло, а когда его подменяли друзья, юнга,

подолгу не разгибая спины, вычерпывал воду. На понтоне оказался только один черпак, и три банки из-под консервированных сосисок (американское НЗ — неприкосновенный запас, который был положен по штату на спасательных средствах корабля: катере, шлюпках, понтонах).

Анатолий старался не думать об усталости. Его, как и всех товарищей по несчастью, беспокоило одно: далеко ли до берега? В такую штормовую погоду, да еще на такой «посудине», можно мыкаться по морю долго. А дальше что? У них еще вчера кончились запасы пресной воды, пустой анкерок валялся у ног Анатолия. Хлеба тоже не было. Те несколько буханок, которые они успели захватить на корабле, размокли в соленой воде и стали непригодными в пищу. Старшина Дороненко решил растянуть скудный паек НЗ, выдавая каждому моряку половину тонкой, с мизинец, консервированной колбаски — это порция на день. Никто из моряков не роптал: понимали ситуацию. Сейчас важно одолеть стихию: холод, промокшая одежда сковывали тело, двигаться, разогреваться можно было, только сидя за веслами. А их — два, коротких два весла на двадцать моряков.

Шторм не стихал, хотя волны, прибитые дождем, становились все слабее и слабее. К утру может наступить штиль. Но никто не верил в это. Осенью в арктических водах погода славится своим коварством. И все-таки у людей теплилась надежда — а вдруг... Теперь остается только ждать.

Все, что случается в жизни, порой чаще всего вдруг, нежданно-негаданно, влечет потом за собой изменения, подготовленные, если по-настоящему вникнуть в суть, всем прежним ходом событий.

...Анатолий Негара попал на тральщик ТЩ-120 случайно. После школы юнг он начал службу на ТЩ-118, этого же 6-го дивизиона тральщиков. Корабли только недавно пришли из Америки. Моряки их называли «амики». В одном из походов к острову Медвежьему, где советские корабли встречали караваны союзников, юнга Негара простудился, и судовой врач направил Толю в госпиталь в Полярное. Три недели паренек пролежал с воспалением легких, но когда выписался и вернулся в штаб

дивизиона, то снова встретиться со своим кораблем ему было не суждено. ТЩ-118 погиб недалеко от острова Белого, торпедированный фашистской подводной лодкой U-365. Юнга Негара получил новое назначение — рулевым на ТЩ-120.

Командир корабля спросил юношу:

— Как вы думаете служить у нас на корабле — с душой?..— Дмитрий Алексеевич Лысов пристально вглядывался в стоявшего перед ним юнгу.

— Так точно, товарищ капитан-лейтенант. Я уже оморячился, нес самостоятельно вахту рулевого,— решительно ответил Анатолий.

— Добро. Наше флотское дело — нелегкое, дерзкое, кто слаб духом — тому не быть настоящим моряком. Ясно?

Юнга еще раз заверил командира тральщика, что не подведет, оправдает оказанное ему доверие. Капитан-лейтенант подписал приказ о зачислении Анатолия Негары в штурманскую боевую часть. «Видать, паренек не из робкого десятка,— подумал Дмитрий Алексеевич,— такой не растеряется, не дрогнет в минуту опасности».

...В середине сентября сорок четвертого года ТЩ-120 получил боевое задание. С острова Диксона поздно вечером выходил конвой. Караван состоял из транспортов «Андреев», «Игарка» и «Моссовет». Впереди торговых судов шел ТЩ-120 с опущенным тралом. У мыса Челюскина транспорты углубились в лед, где почти не было чистой воды. Такая предосторожность оправдана. Фашистские подводные пираты, действовавшие в этом северном районе, представляли серьезную опасность. Они нападали на наши корабли не в одиночку, а, как хвастались сами гитлеровцы, «волчьей стаей» — большой группой. 21 сентября с востока к мысу Челюскина пришел конвой ВД-1, который держал путь на запад, к Диксону. Тральщик ТЩ-120 получил новый приказ. Надо возвращаться обратно. Ночью 23 сентября радист доложил Лысову: «СКР-29 обнаружил подводную лодку». Однако все атаки противника были отражены, и конвой продолжал свой путь. Провести транспорты в порт назначения — это значит выполнить боевую задачу. Конвой благополучно прибыл в порт Диксон, а сам тральщик остался в море, чтобы помешать подлодкам противника активно действовать на этом фарватере. Задача довольно

трудная, если учесть, что на тральщике ТЩ-120 была неисправна гидроакустическая аппаратура.

— В таких условиях обнаружить и атаковать врага вряд ли удастся,— сказал Дмитрий Лысов своим помощникам.— Но заставить его находиться под водой, лишить тем самым скорости, маневра — можно.

Погода засвежела, один за другим проносились снежные заряды. Видимость была, как говорят моряки, нулевая.

24 сентября юнга Негара заступил на вахту. В боевой рубке находился командир Дмитрий Лысов и штурман лейтенант Валентин Дементьев.

— Юнга, за курсом смотреть. Держать по компасу,— сказал Дмитрий Лысов.

— Есть, держать по компасу,— ответил Негара.

Командир выбрал вариант зигзага, корабль лег на нужный курс, дал полный ход. Первый час прошел спокойно, и вдруг сильный взрыв потряс корабль. Гребные винты и рули сорваны, в корпусе пробоина, вышла из строя рация. Лишенный хода тральщик как-то неестественно закачался на волнах, постепенно стал крениться на левый борт. На ногах не устоять.

Моряки смотрели друг на друга, все ждали, что скажет командир. Дмитрий Лысов сохранил завидное самообладание и выдержку.

— Пустить помпы. Откачать воду! — отдал он приказание.

Была сыграна аварийная тревога. По этой команде юнга Негара заводил пластырь вместе с матросами боцманской команды. Затем в кормовом отсеке они ставили подпорки, но вода не убывала. С мостика следуют четкие распоряжения командира. Каждый матрос знал свое место, свою задачу. Юнга Негара выбрался из кормового отсека, когда на палубе уже происходила посадка моряков на катер.

— А тебя приказ не касается? — прикрикнул на юнгу лейтенант Дементьев.— Быстро в понтон!

Старшим на моторно-парусном катере был назначен штурман Валентин Александрович Дементьев, а на понтоне старшина 1 статьи Дороненко возглавил команду из девятнадцати моряков.

— Отходите! Отходите от борта! — кричал, махая руками, Дмитрий Лысов.

Едва спасательные средства отвалили от борта ТЩ-120, как показался перископ вражеской подлодки, и через несколько минут среди снежного заряда выступили контуры рубки подводного пирата. Его ждали и встретили огнем корабельной артиллерии. Попали в цель. Когда рассеялся дым, моряки увидели, что снаряд угодил в рубку подлодки.

В этот момент другая лодка из «волчьей стаи» выходила в атаку на тральщик. До моряков, находившихся на катере и понтоне, донесся взрыв. Торпеда угодила прямо по центру корпуса, корабль переломился пополам и скрылся под водой... А фашистская подлодка ушла в надводном положении.

Так погибли матросы со своим командиром Дмитрием Алексеевичем Лысовым, до последней минуты геройски сражаясь с врагом, выполняя свой воинский долг.

Вскоре начался шторм, в снежном заряде потерялся из виду моторный катер. Тщетными оказались его поиски. Старшина Дороненко решил, что понтон все время надо направлять на юго-запад. Горстка моряков жила одной надеждой: достигнуть берега.

...А берега все не было видно.

Анатолий Негара прижался спиной к старшине Дороненко и в тяжелом забытье вспоминал первую встречу с командиром корабля. «Наше флотское дело — нелегкое, дерзкое, кто слаб духом — тому не быть настоящим моряком. Ясно?» — говорил юнге Дмитрий Алексеевич Лысов. «Ясно, товарищ капитан-лейтенант, не подведу!» А еще вспоминал юнга Павку Корчагина — своего любимого героя. На тральщике осталась тетрадочка, куда записывал юнга понравившиеся мысли, высказывания отважного комсомольца, рожденного в огне и буре революции и гражданской войны. Одна мысль крепко засела в голове у Анатолия Негары: «Кто не горит, тот коптит. Это — закон. Да здравствует пламя жизни!»

На четвертый день вдали показалась земля. В просветы, когда последние осенние лучи солнца пробивались через толщу снежного заряда, на горизонте вырисовывались черные очертания холмистого мрачного берега. Никто из моряков тогда не знал, что их понтон несло к островам архипелага Скотт-Гансена. Название свое они получили пятьдесят лет тому назад — в 1893 году, когда судно «Фрам» арктической экспедиции Фрить-

офа Нансена натолкнулось на эти семь островов. Первым обследовал неизвестные острова Сигурд Скотт-Гансен, старший лейтенант норвежского флота, занимавшийся метео-астрономическими и магнитными наблюдениями. Берег, на котором оказались моряки с тральщика «120-го», был необитаемым, в северной части поднимались крутым горбом скалистые горы, низменность усыпана галькой и валунами. Измученные люди, отдавшие борьбе со стихией последние силы, замертво повалились под камни-валуны, укрывшись за ними от пронизывающего ветра, и, согревая друг друга телами, заснули, вконец измученные пережитой трагедией.

Утром следующего дня пошел снег. Мягкий, пушистый — он ложился на землю большими белыми хлопьями. Кругом было тихо и спокойно. Только изредка раздавались крики кайры, но она летала где-то в стороне от берега.

Еще одна отчаянная попытка! Старшина 1 статьи Дороненко принимает решение послать людей искать материк. А кого пошлешь? Среди моряков есть раненые и тяжело больные. Снова рисковать жизнью могут только добровольцы, те, кто мог еще стоять на ногах, кто способен был выдержать без пищи и без воды еще одно плавание на неуправляемом понтоне.

— Товарищ старшина,— обратился юнга к Дороненко,— давайте сработаем парус. Меня в школе юнг морской практике обучали толковые люди, знатоки этого дела.

Подсказка Анатолия пришлась по душе старшине. Начали собирать лишние вещи, которые могли бы послужить материалом для паруса. Пригодился и бросательный конец, его распустили на тонкие каболки, единственное весло приспособили под руль, второго на понтоне уже не было, потеряли, когда подходили к берегу, его выбило волной из ослабевших рук моряков.

«Дальнейшая наша история может быть изложена в нескольких словах,— написал мне о своей «одиссее» Анатолий Александрович Негара.— Мы подняли парус над понтоном и пустились в новое плавание. Нас было пятеро. Глубокой ночью, в кромешной тьме, наше «суденышко» прибило к мысу, носящему имя Харитона Лаптева, на полуострове Таймыр. Песок смягчил удар, а будь гранитная скала — неминуема гибель. Мы не стали до-

жидаться рассвета, пошли бродить по берегу. Сначала собирали сушняк, выброшенный морем, а натолкнулись на какие-то ящики, плот. Развели огонь, обогрелись. Рядом с плотом в песке оказался мешок с мукой. Сварили болтушку. Так на материке, впервые за неделю скитания, поели горячего. На восьмой или девятый день, точно не помню, я вызвался пойти в разведку. Со мной отправился еще один матрос. Шли мы в основном вдоль береговой кромки. Километрах в пяти дорогу нам перегородил полузатонувший баркас. На нем чудом сохранился компас! Теперь можно было уверенно держать курс на запад, в сторону острова Диксон. Часа через три нашей ходьбы, немощной и вялой, мы неожиданно вышли к сигнально-наблюдательному посту (СНП), находившемуся на мысе Михайлова. Так мы оказались в кругу друзей-моряков береговой службы...»

В штабе Беломорской флотилии забили тревогу. Командующий вице-адмирал Ю. А. Пантелеев срочно запросил штаб Карской военно-морской базы на Диксоне. Никто не знал, когда и куда подевался ТЩ-120. Сначала все считали корабль и его экипаж без вести пропавшим, потом выяснилось, что часть команды спаслась... Штаб получил с Диксона новое известие: «За командой ТЩ-120 выслан тральщик». А вслед за ним на помощь морякам погибшего тральщика вышли еще два корабля.

Людей с острова Скотт-Гансена снял ТЩ-115 под командованием капитан-лейтенанта А. И. Иванникова, впоследствии Героя Советского Союза.

Адмирал Ю. А. Пантелеев, воскрешая малоизвестные страницы войны, писал: «...сегодня невозможно без волнения вспоминать эту героическую историю. Мы искренне сожалели, что не появилось о ней хотя бы коротенькой информации. Но нельзя допустить, чтобы оставалось в неизвестности имя доблестного командира капитан-лейтенанта Дмитрия Алексеевича Лысова, его боевых друзей — офицеров, старшин и матросов. Свой воинский долг перед Родиной они исполнили с честью, и слава о них будет жить в памяти потомков».

...Тридцать лет прошло с тех пор. Анатолий Негара вернулся в родной Харьков, поступил на тракторный завод, стал слесарем-регулировщиком. Через его руки прошли почти все узлы машин послевоенного выпуска,

а трудовые дела отмечены многочисленными премиями и Почетными грамотами, он неоднократно завоевывал звание лучшего слесаря Харькова и Харьковской области. Имя Анатолия Александровича Негары занесено в книгу Почета ХТЗ имени Г. К. Орджоникидзе.

Бывший юнга, старшина 1 статьи запаса, кавалер ордена Отечественной войны II степени и семи боевых медалей стал рабочим человеком. И полюбил он другой корабль, корабль нив и полей — труженик трактор.

Спустя двадцать лет после войны Анатолий Негара сильно занемог. Обратился к врачам. Они не хотели поверить, что такой молодой и крепкий на вид мужчина может стать инвалидом в связи с заболеванием, полученным на фронте. Подсчитали года. Не сходятся. Слишком мало лет было пареньку в сорок втором. В таком возрасте на фронт не брали. Но документы свидетельствуют — орденоносец и медаль имеет «За оборону Советского Заполярья». Специалисты ЦВВК — Центральной военно-врачебной комиссии Министерства обороны СССР — разобрались и приняли решение: считать А. А. Негару инвалидом Великой Отечественной войны со всеми вытекающими из этого льготами.

Тяжелая болезнь не сломила Анатолия Негару. Мы уже не раз становились свидетелями того, как, казалось бы, обреченные люди находили в себе силы духа. Юнга — рулевой с ТЩ-120 тоже сумел остаться человеком своего поколения, сыном своего корабля, участником нашего героического времени.

ПРОШЛОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

В сорок втором году им было по пятнадцать. Их детство, отрочество окончилось 22 июня 1941 года...

В тот памятный день ребята спорили меж собой: как лучше провести воскресенье?..

Володя Кашиц и Гера Матюшин засели за учебник по алгебре. Они готовились к вступительным экзаменам в военно-морскую спецшколу, которая находилась в Горьком. И вдруг из репродуктора послышался голос диктора:

«...Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну...»

— Дети...— тихо сказала Герина мама.— Это же война...

Осенью они не пошли в школу, а заменили у станков отцов, ушедших на фронт. Мальчишки приобрели рабочую профессию слесаря, но душой были там, на войне. Они пытались пойти добровольцами. В военкомате им сказали: детей на фронт не берут. Рано. Подрастите.

Однако мальчишки не теряли надежду... Шли месяцы. Наступил август сорок второго. Вернувшись после ночной смены, Володя Кашиц забежал на минуту к своему другу.

— Гера дома? — спросил он соседку, стиравшую белье.

— Нет,— ответила старушка,— во флот ушел...

— Как? Когда?..

— А так. Никого не послушал — ушел. Воевать, вишь, захотелось.

— А где?.. Где записывают-то в моряки?

— В комсомоле, сказал.

— В райкоме?

— Ну да. Пункт добровольцев там.

Но Володя Кашиц уже не слушал старушку, бегом выскочил на улицу.

Вечером Володя сидел дома у Геры Матюшина. Вошла мама, усталая после работы. Гера бросился к ней, радостный, сияющий:

— Мама, я еду на флот!

Мать всплеснула руками и тяжело опустилась на сундук. Мальчики стали ее утешать. Гера говорил:

— Ты же отпустила меня в морскую спецшколу? А, мама?.. И потом, я уже не маленький. Мне шестнадцатый год!

Теплым августовским утром от уфимской пристани отошел пароход «Зюйд», на борту которого находились друзья Гера Матюшин и Володя Кашиц. Вокруг еще сто мальчишек-добровольцев. Пароход увозил их куда-то далеко. Пока еще никто не знал, куда.

Прошло с той поры более тридцати лет. Встретились мы в красном уголке метрополитеновского депо «Красная Пресня», где проходила первая встреча бывших юнг-москвичей. Я смотрел на Геру — Геральда Николаевича Матюшина. Его вдумчивые глаза, добрая улыбка, уравновешенность и немногословие таили в себе притягательную силу.

— Осенью сорок третьего года, сразу же после окончания школы юнг,— рассказывает Геральд Николаевич,— нас направили на боевые корабли Северного флота. Володя Кашиц попал на торпедный катер, а я стал служить на «106-м» тральщике 5-го дивизиона тральщиков охраны водного района Главной базы Северного флота.

Это сообщение Матюшина было приятной новостью. Дело в том, что и моя флотская служба началась в этом дивизионе тральщиков. У моего корабля был бортовой номер «104». Наши «ТЩ» время от времени стояли рядом.

Иногда мы вместе выходили в море встречать караваны судов союзных держав, сопровождали их транспорты до горла Белого моря. Два года подряд наши корабли участвовали в боевом тралении в водах Арктики. И надо же так случиться, что за все это время мы не виделись друг с другом. Сегодня удивляешься этому, а ведь дивиться нечему. В ту военную пору на берег мы почти не ходили. Редкий выпадет случай, когда наши тральщики окажутся у причалов в Архангельске или Мурманске. Все больше в море да в море. Недаром корабли наши называли «пахарями моря».

У меня сохранилась полоска газеты Северного флота «Краснофлотец», в которой опубликован приказ командующего Северным флотом о награждении личного состава 5-го дивизиона орденами и медалями. В графе под номером 23 читаю: «Медалью Ушакова... краснофлотца Матюшина Геральда Николаевича».

...Теперь, когда молодежь называет нас ветеранами, мы сидим вместе и вспоминаем минувшие годы, как будто все пережитое было вчера, а не три десятка лет назад. Память у нас еще крепкая, и разговор идет без всяких там театральных эмоций и жестикуляций. Годы научили нас быть скупыми на слова. Все эти прошедшие тридцать лет мы жили и работали не под гром аплодисментов.

Не загадывал же Геральд Матюшин, когда носил матросскую форму, что пройдет время и он станет археологом, доктором исторических наук? Конечно, нет.

Бывший моряк хорошо знал, что на нашей земле много белых пятен, они не только на материке Антарктиды, образно говоря, они встречаются и в науке, изучающей историческое прошлое человеческого общества по вещественным памятникам древнейшей культуры — археологии. Все началось с простого, обыденного. Чуть ли не со школьной забавной игры.

Несколько лет назад Матюшин работал в школе № 23 города Уфы, преподавал историю, одновременно он был председателем первичной организации ДОСААФ. Однажды он повесил на доску объявлений необычный текст:

«Прелестная грамота

Всему народу школьному вещаем: в 17 часов петербургского времени состоится АССАМБЛЕЯ. Приглашаются любители истории Российской...

Во время оной ассамблеи желающие посетят достопримечательные места Петергофа, Гатчины, Царского Села, осмотрят наилюбопытнейшие предметы различнейших кунсткамер, Оружейной палаты Кремля, Третьяковской галереи, Русского музея в Санкт-Петербурге и многое другое.

Для отроков будут устроены игрища (сиречь танцы), шутихи, загадки и другое премногоинтереснейшее.

Историц-коллегия»

И вот наступил вечер. Но как войти в зал? У дверей стоят рослые «гвардейцы» в мундирах времен Петра Первого...

— Пароль? — требуют они.

— Пропуск!

— Какой пароль? — пытался было прошмыгнуть в зал восьмиклассник.

— Стой! В штаб! — преградили ему путь «гвардейцы», ученики девятых классов.

В коридоре стол. Табличка с надписью «Штаб». Здесь выдают пропуска на «ассамблею». Вот две девчушки предъявляют «пропуск» — узкую голубую полоску бумаги. «Гвардейцы» взглянули.

— Пароль?

— Измаил! — отвечает одна.

— Чесма! — говорит другая.

— Нахимов! — доносится басовитый голосок парнишки.

— Проходи.

Каждый старшеклассник, включившись в эту игру, должен правильно ответить на вопрос «пропуска». Вопросы разнообразны и интересны: «В каком году было сражение у Гангута, которое явилось первой крупной победой русского флота со шведами?»; «Кому принадлежат слова: «Честь Всероссийскому флоту! В ночь с 25 на 26 флот турецкий атаковали, разбили, разгромили, подожгли, в небо пустили и в пепел обратили?..»; «Первый русский моряк, открывший Америку?», «Когда была создана массовая добровольная организация ДОСААФ?».

Правильный ответ на вопрос пропуска и есть «пароль». Неправильно назвавших «пароль» возвращали в «штаб» за новым «пропуском». У входа веселые шутки,

смех над неудачными ответами. Да, историю нужно знать хорошо.

Наконец учащиеся попали в зал. Красочное оформление. Глаза разбегаются, куда смотреть. На стенах огромные картины «Чесменский бой», «Переход Суворова через Альпы», «Знамя Победы», «Константиновский равелин» и многие другие.

Привлекают внимание портреты.

— Смотри: Суворов — как в учебнике!

— Очень просто,— говорит одна из девушек.— Мы его увеличили через эпидиаскоп и обвели изображение карандашом, а потом раскрасили.

Раздается звонкий девичий голос:

— Начинаем исторический вечер.

Организатор этого вечера, Геральд Николаевич Матюшин, стоял в сторонке и наблюдал за ребятами. Многие из них — кружковцы-историки. Под его руководством «красные следопыты» ходили в походы по историческим местам, собирали сведения о прошлом города Уфы, о жизни революционеров Башкирии, героях Великой Отечественной войны. Начиная с 1954 года сам Геральд Николаевич ежегодно принимает участие в археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Участвуя в раскопках, он собрал много коллекций. Эти материалы очень удачно использовались им на уроках истории.

В 1958 году кружковцы-историки вместе с Матюшиным производили раскопки древнейших поселений на берегах рек Уфы и Аи. Свои первые раскопки юные археологи провели на территории Черкасовской стоянки каменного века. Среди находок были боевой топор, остроконечник, каменное грузило, нож-скребок, несколько отбойников — каменных молотков для обивания кремня при изготовлении орудий.

Материалы, собранные экспедицией Матюшина, послужили основой создаваемого в школе историко-краеведческого музея.

Многое можно было бы рассказать о большой, кропотливой, а иногда прямо-таки самоотверженной работе учителя средней школы Геральда Николаевича Матюшина. Но дело не только в этом. Каждый, кто поработал хотя бы раз в археологической экспедиции, на всю жизнь сохранит огонек пытливости, тягу к исследова-

нию, кем бы он ни был — физиком, математиком, инженером, учителем или рабочим.

Простой, скромный учитель истории Матюшин был, можно сказать, уже подготовлен к большой научной работе.

Земля Южного Урала богата памятниками каменного века. Совсем недавно мир был поражен рисунками первобытных людей, обнаруженных в Каповой пещере. И вот выпала удача еще одной экспедиции, которой руководил Геральд Матюшин. На окраине городка Давлеканово в Башкирии в неглубокой яме молодой ученый нашел скелет рослого мужчины. Как показали последующие исследования, останкам около шести тысяч лет.

Находка удивила и обрадовала ученых: до сих пор на территории Урала и прилегающих к нему районов не удавалось найти ни одного погребения каменного века, и потому не было возможности определить внешний облик людей того времени.

Череп «давлекановца» Геральд Николаевич отвез профессору М. М. Герасимову. И под рукой скульптора-археолога возник образ... североамериканского индейца. Гордо посаженная голова, орлиный нос, энергичные черты лица, широкие крылья бровей над большими, чуть раскосыми глазами...

Газеты писали об этой находке, как о сенсации времени. Каких только не было заголовков: «Уральский индеец», «Портрет первобытного человека», «Из глубины веков», «Краснокожий вождь из каменного века»... А Геральд Матюшин в своих поисках шел дальше, очевидный успех не вскружил ему голову.

Под Владимиром, где в Клязьму впадает маленькая речушка Сунгирь, был небольшой карьер. Каждый день тарахтел там экскаватор, пока однажды его ковш не вывернул из-под глины груду гигантских костей мамонта. Оперативный и догадливый прораб немедленно позвонил в краеведческий музей. Этот звонок, в сущности, и решил судьбу ставшей ныне всемирно известной Сунгирьской палеолитической стоянки.

Это было летом 1964 года. Геральд Николаевич стал участником экспедиции, которой руководил профессор Отто Николаевич Бадер. Ученым, можно сказать, повезло (а каких это стоило трудов!). Они нашли погребение

древнего человека, жившего около 30 тысяч лет назад, в эпоху верхнего палеолита.

Для изучения новой находки на стоянку приехал из Москвы скульптор-антрополог Михаил Михайлович Герасимов, создатель галереи, скульптор по останкам человека методом пластической реконструкции.

Работы на раскопках шли полным ходом. Миллиметр за миллиметром, осторожно, чтобы не повредить бесценную находку, острием ножа и кисти снимается спрессованный тысячелетиями слой охры. Чтобы сохранить найденные предметы от распада, их сразу же после извлечения пропитывают бутиралем. Особенно ценно сохранить череп. Он совершит путешествие в мастерскую М. М. Герасимова, где по нему будет воссоздан портретный облик древнего жителя владимирской земли.

В этой экспедиции Геральд Матюшин близко сошелся с М. М. Герасимовым. Они долго беседовали о сунгирьской находке, о людях эпохи верхнего палеолита. Тем более что наука мало знает об этом далеком времени, а еще меньше ей известно об одежде, обуви древних поселенцев.

Геральд Николаевич спросил Герасимова:

— Михаил Михайлович, как вы думаете, находка поможет установить облик кроманьонца?

— Конечно, юноша. Сделаем все, что в наших силах.

— Вы говорите это как скульптор или как ученый?

— Нет, я не скульптор, я археолог,— ответил Герасимов.

Геральду Матюшину сначала показалось, что ученый рассердился на него за бестактный вопрос. Но увидев в прищуренных глазах Михаила Михайловича лукавую усмешку, успокоился. Потом Матюшин узнал, что Герасимов начал свою археологическую деятельность подростком, работая с 1922 года под руководством Б. Э. Петри в Сибири. Именно археология была главным делом его жизни.

— На будущий год поезжайте снова на Южный Урал,— сказал Герасимов.— Вы везучий, найдете еще «краснокожего вождя», это даст вам утешение.

Геральд Матюшин принял близко совет Михаила Михайловича.

...Ойкумена.

Таинственное романтическое слово — ойкумена. Область изначального расселения людей. Где пролегли ее границы? За тридевять земель? Да нет. Степные и горные районы нашей страны хранят в своих недрах сотни стоянок древнейших людей. Здесь, на Южном Урале, много тысяч лет назад пролегла одна из границ ойкумены.

До недавнего времени считалось, что на Южный Урал люди пришли из сибирских просторов. А сейчас картина эта выглядит иначе.

Я спросил Матюшина, на чем основано это предположение. Ученый ответил:

— Почему предположение? Раскопки, много лет ведущиеся на территории Челябинской области, показали, что Южный Урал был заселен выходцами из Прикаспия. А затем с Южного Урала люди пошли в Сибирь — одна группа, в Европу — вторая.

На озере Узункуль, близ Верхнеуральска, экспедиция Матюшина обнаружила стоянки неолитического периода. Здесь найдены уже более сложные орудия — сверла, долота, топоры.

И тут же — счастливый случай: была обнаружена необычная находка. Сотнями лет человек обрабатывал камень, с его помощью добывал пищу, огонь... И вдруг какой-то гений заметил, что песок от многолетнего жаркого пламени огня плавится и в кострище образовались крупинки металла. Так начался неолитический период каменного века — меднокаменный период. Первая, древнейшая, пусть примитивнейшая «металлургия» найдена Геральдом Николаевичем Матюшиным близ Верхнеуральска. Найдены подина первой в истории уральского края металлургической печи и длинная игла — медная, узкая. Среди находок — многочисленные наконечники для стрел и копий, топорики, ножи, сверла, черепки посуды. И почти нет двух совершенно одинаковых вещей. Надо полагать, наш далекий пращур понимал толк в предметах охоты и домашней утвари.

В 1966 году Геральд Николаевич поехал на Международный конгресс археологов, который проходил в Праге.

Для обозрения участникам конгресса были представлены самые удивительные находки последних лет. Профессор Чикагского университета Р. Брейдвуд, известный

специалист по проблемам возникновения земледелия и животноводства, подолгу задерживался около каждой витрины. Неожиданно его заинтересовал маленький трапецеобразный микролит — крохотное отточенное лезвие из яшмы.

— Южный Урал... Южный Урал...— несколько раз повторил Р. Брейдвуд.

Раньше подобные микролиты, относящиеся к эпохе каменного века, встречались только в Иране, Ираке, Турции, Крыму и на Кавказе. Но на Южном Урале? Это была загадка, на которую еще нет ответа. И решить ее, возможно, удастся не так скоро.

Поэтому всякий раз, когда в руки Геральда Николаевича Матюшина попадает подобный микролит, он считает такую находку особой удачей.

— Интересно, что Брейдвуд,— рассказывал Матюшин,— и его ученики, сами того не ведая, исходят из марксистской материалистической теории. Сами факты, логика археологии привели этих буржуазных ученых к историко-материалистическим выводам. Не случайно мистер Брейдвуд, особенно в последних своих работах, с большим вниманием и уважением отзывается о работах советских археологов.

Да, берега ближайших от Магнитогорска озер представились для археологов по-своему «людными» и «населенными». Только на пологих берегах озера Ташбулатово обнаружено 22 поселения эпохи каменного века. Да на западном берегу Суртанды — 15 стоянок. Три из них основательно изучены. Одна — особенно интересна. Это поселок с мастерской по изготовлению орудий. При раскопках ее обнаружены сотни всевозможных заготовок, законченных изделий из яшмы, кремня. Подобные мастерские вообще редкость. В Европе, например, они обнаружены только на севере Франции. И потому археологи вправе выдвинуть гипотезу: не с берегов ли южноуральских озер во все концы расходились изделия из яшмы, которые ныне встречаются при раскопках даже в Сибири, на полуострове Ямал, в Средней Азии и Прикамье?

...Загадки тысячелетий!

Современная наука беспредельно раздвигает границы человеческих знаний. Еще недавно, с увлечением читая книги знаменитых фантастов о путешествии в космос —

«С Земли на Луну» Жюля Верна, «Первые люди на Луне» Герберта Уэллса, мы могли только мечтать о том времени, когда человечество ступит на другие планеты. А сейчас это уже будни науки, и любой из миллионов людей, очень далеких от астрономии, может рассказать о поверхности Луны, которую он видел на экране телевизора своими глазами.

Но, рассуждая о поверхности далеких планет и рассматривая карту дна океанов, мы в большинстве случаев почти ничего не можем сказать о том, что находится под нами, хотя бы на глубине 10—20 или даже одного метра. Что лежит в слое той земли, которую мы топчем ежедневно, ежечасно?

Что там: остатки древних городов? Следы исчезнувших народов? Древние гробницы? Сокровища? Клады?.. Все может быть: и то, и другое, и третье...

Археология... Раскопки... Как много они нам рассказывают!

Передо мной книга Геральда Николаевича Матюшина «У колыбели истории», она издана в 1972 году издательством «Просвещение». В ней ученый пытается ответить на многие из тех вопросов, которые я так увлеченно задавал себе.

Сижу у Геральда Николаевича дома. Он показывает мне фильмы, снятые им во время экспедиций. Это увлекательный рассказ об археологических раскопках. У Матюшина хранятся уникальные образцы находок каменного века. Большая фототека цветных слайдов. Это для него тоже сокровища... Мы засиделись с ним допоздна. И казалось, что нашему разговору не будет конца. Геральд Матюшин вынимает из альбома старую фронтовую фотографию, оторвав от нее взгляд, задумчиво говорит:

— Узнаешь? Это тральщик «тамик»...

Вглядываюсь в пожелтевший снимок. «Тамик» — тральщик акустическо-магнитный — стоит у причала в Полярном. Своим внешним видом он очень похож на утюг. Мы сами часто называли эти чужеземные корабли «утюгами».

Задаю Геральду Матюшину обычный вопрос.

— Каковы, Геральд, твои планы, планы ученого, на ближайшее будущее?

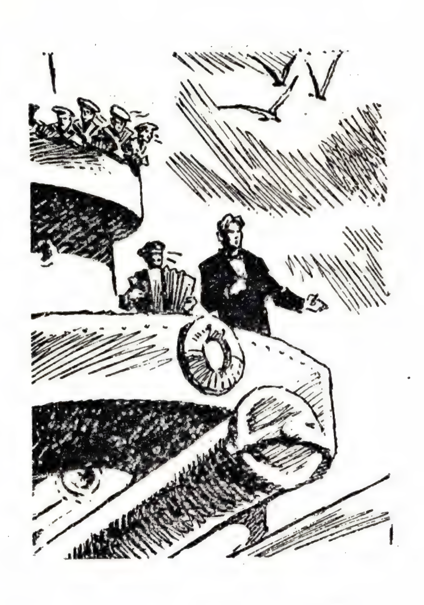
— Уезжаю на Южный Урал. Там ждут меня сотрудники экспедиции. Раскопки продолжаются.

То, что на Южном Урале должны быть поселения каменного века, археологи предполагали давно,— продолжал излагать свои мысли Геральд Николаевич,— предполагали, что поселения располагались по берегам реки. Оказалось же, что они размещались у озер. Теперь стандартную топографию поселений мы представляем довольно неплохо. Поселок обычно находился между двумя возвышенностями, в трехстах метрах от берега. Рельеф местности, уровень водоемов в течение многих тысячелетий изменились незначительно. Так что стоянки сохранились в их первозданном виде. Уже первые раскопки на озерах Зюраткуль, Ташбулатово, Банное, Суртанды оказались настоящим открытием. Возвращаюсь в прошлое. Ведь прошлое не забывается.

Прощаемся. Твердое мужское рукопожатие. Я ухожу от своего флотского друга и продолжаю размышлять: осенью сорок третьего года юнги-североморцы уходили в море, в жестокий ураган войны... Жизнь тогда нас не повысила в воинском звании, мы оставались юнгами, матросами... Но в то же время нас нельзя было назвать салажатами, мы сразу стали воинами.

Вся жизнь Геральда Матюшина — поиск, романтика, снова поиск. Наверное, это и есть его настоящая жизнь. Она и выковала его подлинным ученым.

ПЕСНИ НАЧИНАЮТСЯ С МОРЯ

Уезжал паренек с Севера, покидал насовсем Соловецкие острова и не знал, как в будущем сложится его судьба.

...Зрители ждут.

Вот-вот поднимется занавес, и ты останешься один, совсем один, на освещенной огромной сцене. За рампой, в зале, люди. Они, затаив дыхание, ждут...

— Борис Тимофеевич, прошу,— шепотом произнес режиссер, ведущий спектакль.

— Иду.

Все замерло.

На сцене народ и бояре. У портала — Шуйский с ехидным выражением лица. Надо начинать.

«Скорбит душа, какой-то страх невольный...»

После сцены «Терема», уставший и счастливый, он выходит за занавес и кланяется восторженно аплодирующей публике.

А тридцать лет назад...

Была суббота. Авральная приборка закончилась до обеда. В кубриках звенели гитары, заливались гармошки. Матросы, свободные от вахты, веселились, многие

утюжили брюки и форменки, готовясь в увольнение на берег.

Крейсер «Киров» стоял на кронштадтском рейде. Солнце заливало глянцево-спокойную воду залива. К кораблю подошел катер.

— На «Кирове», принимай пополнение!

Один за другим юнги поднялись на палубу.

Боцман, стоявший у трапа, заприметил высокого, прямо-таки богатырского сложения парня.

— Ко мне в команду? — спросил бывалый моряк.

— А вы кто будете?

— Как кто? Боцман.

— Хорошо,— не растерявшись, басовито произнес юнга.— Но я — электрик... торпедный, товарищ мичман.

— Жаль, а то бы я из тебя сделал толкового моряка. Такие ребята нам нужны. И голосом ты вышел, и ростом...

Юнге Штоколову корабль понравился. Еще бы! У Краснознаменного крейсера «Киров» завидная судьба. Он, пожалуй, единственный из всех кораблей Балтики, на долю которого выпали тяжелые испытания... Обо всем не расскажешь... Знакомство с историей корабля у Бориса произошло в один из августовских дней сорок пятого года.

Крейсер вышел в море, как обычно. Миновали острова Сескар, Мощный — еще недавно отсюда уходили на боевые задания наши подводные лодки.

Борис вышел на палубу. Матросы, старожилы крейсера, прильнув к борту, разговаривали и жестами показывали на море.

«Киров» заметно сбавил ход. Затем лег в дрейф. Прозвучали колокола громкого боя. Горнист проиграл «Большой сбор». Команда построилась на юте.

В небе нет ни облачка. Лишь мелкая рябь морщит воду, да жалобно кричат чайки.

У флагштока лежит большой венок из хвойных веток. На нем надпись: «Героям эсминца «Яков Свердлов» от экипажа Краснознаменного крейсера «Киров».

Командир корабля, посмотрев на приспущенный флаг, произнес:

— Прошу почтить минутой молчания память погибших товарищей.

Начался митинг. Выступали матросы и старшины. Так Борис узнал о трагической гибели «Якова Свердлова».

Вдали виднелся мыс Юминда. На нем белая башня маяка. 28 августа 1941 года при прорыве кораблей Балтфлота из осажденного Таллина в Кронштадт здесь развернулся жестокий бой. Море кипело от взрывов бомб и снарядов. На пути следования главных сил плотно стояли минные заграждения. Опасность подстерегала на каждой миле. С воздуха атаковали «Юнкерсы-88», с моря — торпедные катера, с мыса Юминда обстреливала артиллерия. Эсминец «Яков Свердлов» шел в охранении. Вместе с другими кораблями его экипаж не допускал вражеские самолеты к «Кирову».

В 20 часов 47 минут правый борт «Якова Свердлова» окутал огненный дымный столб. Волны накрыли и поглотили корабль...

Моряки крейсера «Киров» медленно опускают венок в море. Оркестр исполняет гимн, его звуки сливаются с залпами артиллерийского салюта.

Юнга Штоколов охотно, с большим упорством изучал устройство корабля, вооружение. Хорошо служилось ему рядом с настоящими боевыми товарищами. Служба и досуг — все вместе, делились заветными мечтами. И все знали: Борис Штоколов будет настоящим певцом. Ни один концерт самодеятельности, ни один импровизированный вечер на крейсере «Киров» или шефское выступление на берегу, в Кронштадте, не обходилось без его песен.

Вскоре Борису присвоили воинское звание «матрос», а потом перевели служить на эсминец «Стройный», где он выполнял обязанности старшего корабельного специалиста — торпедного электрика. Ко времени демобилизации за плечами Бориса было почти шесть лет службы. Трудные, бессонные вахты. Штормовые походы. За годы корабельной службы никто не слышал от Бориса Штоколова жалоб на тяжесть флотской жизни. И теперь, спустя двадцать восемь лет, когда военные будни стали далекими воспоминаниями, я задаю ему вопрос:

— Борис, как бы ты отнесся к тому, если бы тебе предложили начать жизнь по-новому?

— Спокойно. Зачем менять? Я многим обязан родному флоту. И горжусь, что моя матросская биография началась в школе юнг на Соловецких островах.

В родной Свердловск Борис вернулся спустя четыре года после окончания войны. Отец Штоколова Тимофей Ильич был политруком, погиб на фронте еще в сорок первом, защищая Ленинград. На руках у матери, не считая Бориса, четверо ребятишек. «Что же делать, Боренька, как же жить?» — был первый вопрос матери. На семейном совете было принято решение: Борис идет учиться в Уральскую спецшколу Военно-Воздушных Сил, получит среднее образование и выберет себе профессию по душе. Так житейские обстоятельства заставили сменить матросскую форму на летную.

В 1949 году в спецшколу приехал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, он тогда командовал войсками Уральского военного округа. Прославленный полководец познакомился с жизнью и учебой курсантов, а вечером присутствовал на концерте. Георгию Константиновичу Жукову очень понравилось выступление высокого, широкоплечего парня. Он пел «Дороги» А. Новикова и «Матросские ночи» В. Соловьева-Седого. Г. К. Жуков попросил разыскать певца. И когда Борис Штоколов доложил маршалу о своем прибытии, то услышал слова:

— Молодой человек, таких летчиков, каким можете стать вы, у нас очень много. Вам надо петь!

Так решилась дальнейшая судьба Бориса. Пришел приказ о направлении курсанта Штоколова на учебу в Свердловскую консерваторию. Первым учителем становится заслуженный деятель искусств РСФСР А. В. Новиков. Молодой певец был старательным учеником.

Делая уверенные шаги в оперном искусстве, Борис Штоколов принимает участие в различных вокальных конкурсах и фестивалях. Летом 1957 года на Международном фестивале молодежи и студентов в Москве ему присуждается серебряная медаль. Через два года на Всемирном фестивале в Вене Штоколов удостаивается второй премии. Мощный бас молодого советского певца звучит в концертных залах многих городов нашей страны

и за рубежом. Его имя — на афишах Парижа, Лондона, Мадрида, Рима, Нью-Йорка...

С 1959 года Борис Штоколов — солист Ленинградского Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Сначала даже не верилось: он выйдет на сцену знаменитого Мариинского театра и будет петь те партии, которые прославили имя Шаляпина?! Невозможно поверить! Но это было так.

Огромное влияние на становление творческой индивидуальности певца оказало искусство Ф. И. Шаляпина.

На Ленинградской оперной сцене Борис Штоколов создает галерею запоминающихся образов: Бориса Годунова, Ивана Сусанина, Руслана, Пимена, Демона. У него обе грани таланта — и актерская, и певческая — так развиты и отточены, так слиты воедино, что порой трудно определить, чем — жестом, взглядом, тембром голоса или изумительным чувством произносимого слова — завораживает Борис Штоколов зрителей и властно заставляет сопереживать драму своих героев. С неизменным успехом выступает Штоколов и в современном репертуаре. Оперному певцу удалось создать поистине собирательный образ русского солдата, человека с большим сердцем — Андрея Соколова в опере «Судьба человека».

Любители народных песен и старинных романсов отдают предпочтение Борису Штоколову как великолепному камерному певцу. Широк диапазон настроений, передаваемых им в песнях и романсах, он исполняет их с большим проникновением и музыкальной выразительностью. В песнях народа — его история, его душа. В них воспеты высокие человеческие чувства и стремления.

В июле 1972 года Борис Штоколов приехал на Соловецкие острова, ему захотелось встретиться с друзьями флотской юности. На далеком острове, находящемся в Белом море, нашлось немало почитателей его таланта. Вечером, в день Военно-Морского Флота, в островном клубе состоялся маленький импровизированный концерт. Голос Штоколова звучал красиво, щедро, одухотворенно:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие
полей,
Не в землю нашу полегли
когда-то,
А превратились в белых журавлей...

Мягкий бас певца креп, наливался силой, были в нем утрата и боль, скорбь, и сыновняя любовь, и уважение к памяти тех, кто отвагой и мужеством своим прославил свою Родину на полях былых сражений. Проникновенные слова песни, мелодия ее властно брали за сердце ветеранов-моряков и возвращали в далекое прошлое, к суровым дням войны... Борис Штоколов подкупал слушателей настроением, правдой передаваемых чувств.

После концерта мы бродили с Борисом вокруг Соловецкого кремля. Было за полночь. Мы наблюдали закат. Оранжевый шар, скользнув по глади морского горизонта, будто нехотя окунулся в холодные волны. При всей своей огромной популярности артист — человек необыкновенно скромный. После долгого разговора с Борисом Штоколовым об искусстве, о жизни, о профессии оперного певца остается очень светлое впечатление от его оптимизма, жизнерадостности, любви к людям. В этом, пожалуй, еще одна особенная черта народного артиста СССР Бориса Тимофеевича Штоколова, бывшего воспитанника Соловецкой школы юнг.

И как тут не вспомнить слова Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. В апреле 1973 года, спустя двадцать с лишним лет, он напишет Борису Штоколову:

«Дорогой Борис!

Очень рад, что Вы стали для советского народа первой звездой.

Маршал Советского Союза Г. Жуков».

...В антракте Штоколов лежит на тахте. Кажется, все силы он уже оставил там, на сцене... Но впереди главное — смерть царя Бориса. И снова, в который раз, из репродуктора раздается: «Борис Тимофеевич, на выход».

Поднявшись, он облачается в бармы. Внимательно рассматривает в зеркало свой грим.

Вздыхает...

И вдруг, распрямившись, как будто сбросив с себя многопудовый груз, артист уверенной поступью выходит на сцену.

ФЛОТСКАЯ ЗАКВАСКА

Подполковник милиции Денисов никак не ожидал, что курсанты, с которыми он встречался каждый день на занятиях, дознаются до одной романтической страницы его биографии — фронтовой юности, когда он, пятнадцатилетний мальчишка, ушел на флот. Как только по всем аудиториям школы милиции прозвенел звонок, курсанты окружили Анатолия Васильевича и, перебивая друг друга, стали поздравлять его с праздником Днем Победы. Старший преподаватель Денисов смутился от такого внимания, искренне полагая, что ничего особо геройского за ним не числится: Днепр под шквальным огнем не форсировал, не штурмовал Берлин. Он смотрел на своих воспитанников и был горд, что нужен этим ребятам, приехавшим сюда, в Саратов, из многих городов и республик нашей многонациональной Родины,— вчерашним солдатам и рабочим, колхозникам и комсомольским вожакам. Они еще первокурсники — башкир С. Шайхетдинов, армянин Э. Барсегян, удмурт Ф. Янгиров и украинец В. Шевченко. Первокурсники, но уже зарекомендовали себя как отличники учебы. Готовятся стать инспекторами ГАИ. Скоро разъедутся на практику, а осенью снова соберутся все вместе. Может

быть, тогда, как говорится, под настроение, расскажет он о том далеком времени, которое называется одним горьким, удушливым и жестоким словом — война. Ведь в годы флотской юности он воевал рука об руку с их отцами, защищая наше многонациональное Отечество от фашистских захватчиков.

...Море торопило навстречу эсминцу холодные волны. Они бежали и бежали одна за другой, с грохотом обрушиваясь на стальной корпус. Грозовые облака низко висели над водой. Ничего хорошего они не предвещали. Надвигался шторм.

Командир эсминца «Валериан Куйбышев» посмотрел на серое, в клочковатых тучах небо. Далеко впереди, почти по курсу корабля, кружился наш самолет-разведчик. «Неспроста,— подумал капитан 3 ранга Гончар.— Обнаружил, видимо, суда союзников».

— Юнга Денисов, на румбе? — поинтересовался офицер.

— Триста десять, товарищ командир! — бойко ответил Толя.

— Держите триста пятнадцать.

— Есть держать триста пятнадцать!

Толя повернул штурвал чуть вправо, не спуская глаз с картушки компаса.

А в это время пилот самолета-разведчика вел переговоры со своим КП.

Данные воздушной разведки немедленно поступили в оперативный отдел штаба Северного флота. Дежурный офицер отметил на карте движение двух транспортов «либерти» и нашего корабля, затем доложил начальству: «Эсминец «Валериан Куйбышев» находится в квадрате, где намечена встреча с судами союзных держав, отбившихся от конвоя в результате налета самолетов противника».

— Товарищ командир, шифровка,— радист подал Гончару бланк телеграммы. Из штаба флота сообщали, что с норд-оста надвигается циклон. Скорость ветра до тридцати метров в секунду. Суда сопровождать не в Архангельск, как предписывалось ранее, а в порт Мурманск.

— Сигнальщики, поднять флаги международного свода: «Следовать за мной». Юнга, право руля. Курс девяносто градусов!

— Есть, товарищ командир!

Для Толи Денисова выход в море не был первым. Но в тот день он испытывал необычный подъем: рулевую вахту стоял самостоятельно. Еще вчера юнга был дублером командира отделения. Теперь оказали доверие. Сам Толя думал, что это случилось потому, что матрос, который обычно сменял старшину рулевых, ушел добровольцем в морскую пехоту и вместо него решили назначить юнгу. Капитану 3 ранга Гончару Толя Денисов показался смышленым парнем: он хорошо знал рулевое дело и мореходные инструменты, умел прокладывать курс на карте, а это, как известно, обязанность штурмана корабля, а не рулевого матроса. Кроме того, командир эсминца подметил у юнги еще одну черту — скромную сдержанность. «Юноша доверчив,— размышлял Гончар,— но с курса его трудно сбить. Серьезный. Хороший офицер может вырасти в будущем».

С детских лет Толя Денисов мечтал стать моряком. Возможно, мечту эту зародила Волга, гудки пароходов, пристававших в Саратовском речном порту. Там был свой, особый, удивительный мир.

Летом сорок второго года он случайно узнал от школьных друзей, что есть возможность добровольцем попасть на флот и сразу же, не раздумывая, побежал в обком комсомола и положил на стол секретарю заявление.

— Вот,— сказал, смущаясь, парнишка,— здесь все написано. Не могу сидеть дома, когда фашисты под Сталинградом.

Толя говорил так горячо и убедительно, что секретарь ничуть не усомнился в правильности выбора комсомольца, в его твердой решимости.

Спустя год цель была достигнута. Теперь юнга Денисов на знаменитом эсминце. Когда-то в «молодости» славный «Новик» сроднился с Балтикой, с революционным Кронштадтом. А в мае 1938 года в составе первой экспедиции особого назначения отправился на Север. На его корабельном веку это была третья война.

На «Валериане Куйбышеве» привычный, устоявшийся мир: натужный вой вентиляторов, постоянное тепло котлов и турбин, грозная мощь морских орудий, отлаженный ритм корабельной жизни. Все надежно, прочно, незыблемо.

Три месяца службы — срок небольшой. Но на долю Толи уже выпало несколько жарких схваток с «юнкерсами». По боевой тревоге юнга — подносчик снарядов.

Обычно фашистские самолеты появлялись со стороны моря, почти точно зная время появления каравана судов союзников. Когда наши эсминцы подходили к острову Медвежьему, где часто назначались встречи с конвойными кораблями, транспорты союзников уже были изрядно потрепаны, с покалеченными надстройками, задымленные, со следами пожаров на верхней палубе.

Флагманские корабли, как обычно, обменявшись позывными, сдавали друг другу вахту. Корабли охранения союзников поворачивали на обратный курс, а наши эсминцы продолжали вести транспорты дальше, в Мурманск и Архангельск. На этом пути ответственность за безопасность иностранных судов и грузов уже ложилась на экипажи советских кораблей.

...Юнга Денисов не заметил, как пролетели двести сорок минут утомительной вахты. Через три-четыре минуты в рубку поднимется старшина. И Толя, сдав рулевую вахту, отправится отдыхать в теплый кубрик.

Юнга оглянулся назад, но союзные суда, которые только что маячили за кормой, куда-то исчезли. Сильный ветер со снегом слепил глаза, обжигая холодным дыханием лицо. Командир эсминца что-то сказал штурману, тот опустил ветровое стекло и крепко задраил на «барашки». В рубке стало чуть потише. Юнга зорко всматривался вдаль, туда, где море должно слиться с небом, образуя линию горизонта, и напрасно: снежный заряд застлал сплошь все вокруг, дальше носового флагштока ничего не было видно.

И вдруг красная ракета. Рассыпавшись в воздухе, она быстро исчезла за кормой.

Выслушав доклад сигнальщика, Пантелеймон Максимович Гончар сказал штурману:

— Союзники, кажется, просят о помощи. Вы еще не забыли английский? Нет? Пойдете на головной «либерти», выясните, в чем дело. Если ложная тревога — катер отошлете обратно. Сами останетесь с правами офицера связи. Ясно?

— Так точно, товарищ командир.

Вахтенный офицер давно уже подал команду: «Катер к спуску изготовить!»

Штурман, получивший приказание возглавить команду катера, взял с собой командира отделения рулевых, заведомо зная, что при любых непредвиденных обстоятельствах старшина сумеет сориентироваться в штормовом море и приведет катер к борту своего корабля.

Как медленно тянется время. Вахта юнги Денисова теперь уже пошла по второму кругу. Он взглянул на морские часы: 17.00. А он должен был смениться еще пять часов тому назад. Катер не возвращался. Сигнальщики, Толя Денисов и командир эсминца с надеждой поглядывали в сторону исчезнувших транспортов. Снежная пелена время от времени заволакивала камуфлированные силуэты судов. Капитан 3 ранга Гончар решительно повернул эбонитовую ручку. На станции УКВ загорелся красный огонек. Раздался треск, словно вспышка электрического заряда, а потом послышались звуки чужой речи. Толя догадался: разговаривают между собой американцы. Пора бы штурману появиться в эфире, но он почему-то молчит.

Свирепые волны заливали бак эсминца, с шумом разбивались о башню, мелкие брызги, высоко поднимаясь вверх, долетали до сигнального мостика. Командир корабля то и дело давал указания Денисову, и тот старался точнее держать на курсе эсминец. Однако это удалось не сразу. Волна била в правую «скулу», уваливая корабль влево. Юнге пришлось напрячь все силы, приложить все свое умение; он цепко держал в руках штурвал, не отрывая внимательного взгляда от картушки компаса.

На УКВ вспыхнул зеленый огонек.

— «Дельфин», «Дельфин», как меня слышите? Я — «Волна». Прием.

Гончар снял с рычага трубку:

— Я — «Дельфин». Вас слышу хорошо. Прием.

— «Дельфин», катер возвращается. О причинах задержки доложит старшина. Какие будут приказания? Прием.

— Выходите со мной на связь каждые четыре часа.

— Понял вас. Понял. Я — «Волна».

Командир взялся за ручки машинного телеграфа и переложил их на «малый ход».

— Сигнальщики, искать катер!

— Есть — искать катер! — дружно ответили на голос командира вахтенные сигнальщики.

Катер показался за кормой черной точкой. Его бросало то вверх, то вниз, сносило в сторону, запрокидывало нос. Огромные волны с белыми завитками пены решительно расправлялись со своей случайной жертвой.

— Держись, старшина! — произнес вслух Гончар и дал задний ход машинам, чтобы сократить расстояние между катером и эсминцем.

Через полчаса или чуть больше старшина рулевых доложил Гончару о выполнении боевой задачи. Штурман, имея немалый опыт, дважды пытался подойти к борту транспорта, но это ему не удавалось. Заходил с подветренной стороны, и всякий раз косые волны отбрасывали катер в сторону от судна. Наконец, уловив момент, штурман прижался к «либерти», кто-то догадался сбросить с борта шлюпочные тали, и катер был поднят на палубу. Замешкайся на секунду-две, и волны могли бы разнести катер в щепки. Капитан-англичанин пожаловался штурману, что никак не может управиться с командой, наспех собранной в Ньюкасле. После того как судно благополучно уклонилось от смертоносного груза, сброшенного немецкими стервятниками, экипаж на радостях хватил лишку спиртного...

— Сэр,— сказал капитан, обращаясь к нашему штурману,— виски оказалось чертовски крепким, теперь некому устранить неполадки. Что-то случилось со штуртросом. Не могли бы помочь?

Пришлось искать обрыв штуртроса. Это отняло три часа. Пока исправляли, потом по просьбе капитана приводили в чувство радиста, обогревались — минуло еще столько же. Гончар не посчитал это время напрасной потерей. Для него оно не имело существенного значения. Куда было бы хуже, если бы пришлось эсминцу брать на буксир транспорт и тянуть за собой малым ходом до Мурманска. На это ушло бы не шесть часов, а двое суток. Благодаря своевременной помощи наших моряков американский сухогруз мог идти спокойно своим ходом.

— Ступайте в кубрик, обсушитесь,— сказал Пантелеймон Максимович Гончар старшине рулевых,— потом смените юнгу. Двенадцатый час пошел... Третью вахту выстоял мальчуган.

...Вот он — Кольский залив! У входа в него, словно сторожевой пес, лежит остров Кильдин.

Качка уже меньше, но в ушах еще гудели звуки моря. Юнга Денисов, как альпинист, переваливший через высокогорный хребет, почувствовал усталость. Он выпрямился, бодро передернул плечами. Остались считанные минуты — и вахте конец! Только бы не скиснуть. Ведь это первая самостоятельная вахта. Не подкачать. Оправдать доверие командира. Иначе бывалые моряки, острые на язык, засмеют. Обидно будет, когда при случае назовут противным словом: салаженок. По понятиям Толи, это недостойное прозвище для юнги, имевшего за плечами годы учебы в школе юнг на Соловецких островах.

— Молодец, юнга Денисов. Выдержал.

Толя оторвал от компаса глаза, перед ним стоял командир эсминца.

— Это настоящее мужество. Идите отдыхать,— сказал Гончар.

Юнга, передавая старшине штурвал, смущенно произнес:

— Держать курс по створным знакам.

— Добро,— улыбнувшись, дружески ответил старшина.

В глазах юного моряка светилась радость исполненного долга.

Флотские будни мало чем отличались от окопных, солдатских... Разница, может быть, была лишь в том, что солдаты умирали в одиночку, а моряки гибли вместе со своим кораблем. Фронтовые будни. Они — изо дня в день.

За полгода до светлого Дня Победы Анатолия Денисова перевели служить на эсминец «Дружный». Теперь он был уже не юнгой, а матросом. И снова походы, полные тревог и опасностей...

Кончилась война. Началось трудное, но славное время. В биографию Анатолия Денисова вписались новые строки. Поступил учиться в Саратовский юридический институт. В 1958 году райкомом партии был направлен работать в органы МВД. Первая милицейская должность — оперуполномоченный уголовного розыска в городе Брянске. Первые самостоятельные шаги. Все было неясно, зыбко, походило на плохие детективы о неуловимых ворах-мошенниках, работающих под «высокоинтеллектуальных граждан». Теоретическое осмысливание

обширной милицейской практики. Мистику — в сторону, дорогу — науке. Первое сложное дело. Экзамен выдержан. Расследование прошло успешно. Но Анатолия Денисова, как молодого сотрудника милиции, больше привлекали вопросы профилактики — предупреждения преступлений. В ней, профилактике, он видел высшее и гуманнейшее достижение правовой науки. Отсюда, может быть, родилась тяга к преподавательской, исследовательской работе. В настоящее время Анатолий Васильевич — старший преподаватель Саратовской специальной средней школы МВД СССР. Он учит будущих офицеров милиции умению видеть за каждым делом, фактом, за каждым документом — человека. Учит разбираться в психологии людей, чтобы при дознании и следствии не были нарушены права граждан, а в нужном случае — проявить строгость, потребовать выполнения законов.

Преподавательскую работу подполковник Денисов сочетает с общественной. Он руководитель лектория «Молодой дружинник» в одном из институтов Саратова, член штаба «Дзержинец» Ленинского РК ВЛКСМ, организатор группы «Поиск», занимающейся военно-патриотическим воспитанием молодежи и школьников. Все эти нагрузки не тяготят Анатолия Васильевича, без живого общения с людьми он себя не мыслит. Такой он крепкой закваски — флотской!

...В телеграмме заместителя министра внутренних дел сказано:

«Командируйте Москву участия работе совета ветеранов ВМФ МО СССР подполковника Денисова...»

— Толя!

— Иван!.. Неужели это ты?

Два человека в милицейской форме рванулись друг к другу, крепко обнялись. Все, кто находился в это время в комнате, наблюдали за товарищами и радовались вместе с ними, слушая, как они вспоминают события боевой юности. Толя и Иван — это были подполковник Анатолий Васильевич Денисов и капитан Иван Михайлович Ящук. Мальчишками они ушли на фронт — вернулись возмужавшими, познавшими боль утрат и счастье победы. Незабываемой останется эта встреча в сердцах двух фронтовиков, которые не виделись почти тридцать лет. Незабываема и дорога́! Дорога́ еще и потому, что они находят в ней свидетельство большой любви к Родине.

ЭКЗАМЕНУЕТ ЖИЗНЬ

1

У дверей училища стоял старик, невысокого роста, сгорбленный, в полушубке, накинутом на плечи. Он свернул самокрутку, глубоко затянулся и внимательно посмотрел на вечернего гостя.

— Как звать-то, солдатик?

— Рядовой Бабасов!

— Издалека? Мал, да удал. И пороху понюхал? Так-так. А нынче, вижу, ремеслу учиться приехал?

Виктор Бабасов только кивал головой.

Старик продолжал:

— Накормить надобно тебя, да час поздний. Наша столовка закрыта.

— Спасибо. У меня солдатский паек.— Бабасов стал развязывать вещевой мешок.— Кипяточку не найдется?

За чаем разговор шел не так скованно, как поначалу. Дед задавал вопросы, а бывший сын полка старался отвечать на них без всякой утайки, не размазывая, четко, по-солдатски.

...Война застала тринадцатилетнего Витю в маленьком городке Торопец, неподалеку от Великих Лук, где он проводил школьные каникулы. Родственники сразу

ушли на фронт, а пареньку дорога домой была отрезана войной. В сентябре в Торопец ворвались фашисты и начали бесчинствовать. Много тяжелых минут пришлось испытать мальчику.

Но вот на востоке загремели пушки, Красная Армия подошла к Торопцу. Жаркие бои. Солнце багрово в дыме пожарищ. Снег от копоти почернел. Затих сплошной орудийный гул. В городок вошли советские солдаты, они бесшумно скользили на лыжах, одетые в белые маскировочные халаты. В тот же день, как только освободили городок, Витя пришел в штаб фронтовой части и попросился добровольцем. К нему вышел, прихрамывая, белокурый военный. Витя увидел на петлицах его шинели по две зеленые шпалы. «Майор» — смекнул паренек, чтобы не ошибиться при разговоре. Это был начальник штаба стрелкового полка майор Клыков. Он внимательно выслушал Витю, сказал:

— Уж очень ты мал. А пули, они, хлопец, с возрастом не считаются. Молод, шагай домой.

Дома у Вити Бабасова не было. Жилье есть, а дома нет. Родной Днепропетровск находился в оккупации. А мыкаться сиротой в чужом городе — далеко не сахар. Одна надежда — воинская часть. Солдаты должны понять мальчишку, хлебнувшего столько горя. Витя снова пошел к майору.

— На лыжах ходить умеешь?— спросил командир.— Наша часть особая, почти все спортсмены...

И тут Витя осмелел, откуда только храбрость взялась, во весь дух выпалил:

— Товарищ майор, имею значок БГТО первой ступени! Не верите? Вот...— и мальчишка вытащил из кармана куртки маленький значок, на котором было написано: «Будь готов к труду и обороне».

Для майора это был веский аргумент. Школьник сохранил значок, не выбросил его, а ведь могло случиться так: немцы во время облавы обыскивали всех — и малых, и старых, обнаружив у парня эту спортивную награду, могли бы с ним разделаться жестоко. А еще «показался» Витя майору своей вежливостью и аккуратностью. Он сжалился над парнишкой. И Витя был зачислен сыном полка. По-отцовски оберегал его майор Клыков. А когда полк, получив пополнение, стал готовиться к отправке на передовую, майор вызвал к себе Бабасова.

— Вот что, Витя, даю тебе самое боевое задание,— сказал строго Клыков. У парня екнуло сердце.— Ты отправляешься в город Первоуральск, на родину мою. Там будешь учиться. Я уже списался с директором ремесленного училища номер семнадцать. О тебе там уже знают.

Затем майор подумал и добавил:

— Помни, жизнь твоя Родине нужнее, чем смерть. Конечно, жизнь яркая, светлая, чистая.

Горько было на душе у Вити, рушились все планы, он мечтал стать фронтовым разведчиком, а ему дали другое «боевое задание» — ехать в далекий тыл, на Урал.

...Старик внимательно выслушал Витю, вдруг выпрямился, как будто помолодел, от прежнего сгорбленного деда ничего не осталось.

— Правильно сделал, что приехал к нам,— сказал он,— будешь заниматься в моей группе электрослесарей, а фронт от тебя никуда не уйдет. Всему свое время.

2

Я перечитываю письма Виктора Бабасова, просматриваю документы военных лет, стараюсь представить, каким был кавалер ордена «Знак Почета», Герой Социалистического Труда Виктор Ильич Бабасов три десятка лет назад, когда ему снова удалось стать «сыном полка» — воспитанником Соловецкой школы юнг Военно-Морского Флота. Но это случилось за год до конца войны.

На Днепровском машиностроительном заводе, где Виктор Бабасов работает бригадиром мотористов, комсомольцы распространили среди ветеранов войны анкету. В пункте 3-м поставлен такой вопрос: «Назовите памятный эпизод, событие, когда Ваша судьба наиболее переплелась с судьбой Родины?» Коротко, анкетно на него ответить было нельзя. И Виктор Бабасов решил встретиться с комсомольцами.

— 21 сентября 1946 года — памятный для меня день,— начал свой рассказ Виктор Ильич.— Наш тральщик с бортовым номером «435» занимался боевым тра-

лением вблизи острова. Мин в этом квадрате моря было очень много. После каждого галса за кормой кораблей-напарников нет-нет да всплывет подсеченная мина — зловещая смерть для судов.

...С раннего утра погода была словно на заказ: тихая, солнечная.

Траление шло своим порядком. Слева, на траверсе, шел напарник, такой же тральщик — «стотонник». Корабли строго выдерживали заданный режим хода.

К Виктору Бабасову, стоявшему на юте, подошел боцман Вениамин Балыков, тоже воспитанник Соловецкой школы юнг, только годом старше; он уже носил две золотые лычки на погонах — старшина 2 статьи, но это не мешало им быстро найти общий язык, сдружиться.

— Как вахта? Не устал? — спросил боцман.

— Ничего, запас прочности надежный... В глазах иногда рябит: море и красные буи...

Красные буи, как дельфины, неудержимо прыгали за кормой тральщика. Над ними лениво летала одинокая чайка.

— Свежеет, быть шторму,— тихо сказал Балыков,— как бы не сорвалось траление...

Боцман ушел, стараясь не громыхать сапогами по металлической палубе. Бабасов давно заметил: когда за кормой работает трал, команда тихо ходит по палубе и разговаривает только вполголоса. Такая требовательная тишина не случайна, она никем не предписана сверху, просто у моряков установилась традиция: после команды старшины минеров «Трал поставлен!» — на корабле должна воцариться строгая тишина. Она — память о тех, кто погиб на тральщиках в войну, о тех, кто не вернулся с боевого траления в мирные дни.

На тральщиках пробили склянки. Тридцать минут двенадцатого. Более трех часов несет вахту Виктор Бабасов, находясь на боевом посту у контроллера тральной лебедки.

Виктор посмотрел на стрелку динамометра: нагрузка перевалила за ноль. У Бабасова лихорадочно забилась мысль: «Отклонение стрелки прибора — первый сигнал, что мина затралена. Но почему же она не всплывает?!»

Виктор доложил на командирский мостик лейтенанту Комарову. Офицер дал указание застопорить машины, а сам спустился на корму к тральной лебедке. Срочно

были вызваны минеры. После короткого совещания со специалистами Владимир Комаров принял решение: на малой скорости выбирать трал. К Бабасову подошел старшина 1 статьи Евгений Биталев и сменил его с вахты.

Здесь уместно привести строки из воспоминаний Виктора Бабасова: «Едва я спустился в машинное отделение, как раздался оглушительный взрыв. Заглохли главные и вспомогательные двигатели. В машинном отделении стало темно. Я моментально врубил аварийное освещение. Все, кто находился в отсеке, стали осматривать друг друга. Убедившись, что раненых нет, мы выскочили на палубу. Далее я увидел такую картину: все, кто был на корме, в том числе и лейтенант Комаров, были выброшены взрывной волной за борт. Матросы спасли лейтенанта Комарова, командира нашего...»

В это время на корабле была объявлена аварийная тревога. Живучесть тральщика сейчас зависела только от людей. При взрыве мины кое-где в корпусе расползлись сварные швы. В трюмы поступала вода. Усилиями аварийной группы, в которую входил и электрик Бабасов, течь была устранена. Корабль обрел жизнь, он стойко держался на плаву, машины его могли работать, но тральщик не мог дать ход: его корма была сильно деформирована, заклинило и гребные валы... В базу тральщик «435» доставили на буксире.

Таким был ответ Виктора Бабасова на вопрос анкеты заводских комсомольцев.

3

Сошел на берег парень в матросском бушлате. Не в увольнение, не в отпуск... Это — расставание с морем насовсем. И уйти от моря было так же непросто, как от чего-то очень дорогого и близкого: не хочется расставаться, а пришло время. Шутка ли сказать, от звонка до звонка — восемь лет. По нынешним временам — четыре солдатских срока службы.

Но море не понимало этого, дышало спокойно и ровно. Будто и не качало матроса на своих волнах, не испытывало его мужества, не учило стойкости.

— Как сказал поэт: «Прощай, свободная стихия»...— невесело пошутил боцман Балыков.— У моря свои дела, у нас — свои.

Виктор Бабасов уезжал из Днепропетровска мальчишкой, а вернулся бывалым моряком.

Перед ним не стоял вопрос о выборе: куда идти работать? На Урале он приобрел специальность электрослесаря, был некоторое время помощником мастера. На тральщике закончил службу командиром отделения электриков. А как известно, парней с флота берут без всяких проволочек.

Виктор стал работать в бригаде Павла Васильевича Прядко. Моряк, оказалось, не только сноровист, но и башковит. Стоило мастеру раз показать какую-то операцию, Бабасов тут же в точности повторял все движения своего наставника. Разве что немного медленнее. Ритмичность в работе приходит с опытом. Глядя на парня в такие минуты, Павел Васильевич убеждался, что выйдет из моряка толк.

Тепло вспоминает Виктор Ильич о своем первом мастере:

— Учить человека можно по-разному. В труде, как и в спорте. Один тренер головы не повернет от сознания своей значимости. Учеников-то вон сколько, а я, мол, один. А мой первый наставник Прядко имел педагогический такт. Иногда, засучив рукава, вместе с тобой может часами работать рядом. Если видит, что зашился,— подбадривает. «Попробуй-ка сделать еще вот так,— говорит,— может, хорошо получится». Все это он делал по-отечески, просто, деловито.

Минуло много лет с той поры. Теперь Виктор Ильич сам учит молодежь. Ведь в учениках — слава рабочего, продолжение его дела. Свою профессию он считает призванием. И не только считает, а доказал всей своей жизнью: любая работа красит человека, если полюбишь ее, овладеешь ею в совершенстве. Виктор Бабасов — один из тех людей, кто умеет творить чудеса, кто ломает нормы, удваивает их выполнение. Причем успех его не сиюминутный — нет, он работает так из года в год, из пятилетки в пятилетку. Выпускает продукцию только отличного качества и с первого предъявления. Поэтому страна высоко оценила его трудовой подвиг, он был удостоен звания Героя Социалистического Труда. А сколько

у Виктора Ильича общественных нагрузок? Днем — на работе, а вечером?.. Эти часы расписаны по минутам. Он народный заседатель Верховного Суда УССР. Его можно видеть на встречах с красными следопытами, с боевыми флотскими друзьями, с юнгами из КЮМ — клуба юных моряков. Виктор Бабасов — член заводского совета военно-патриотической секции ДОСААФ.

Часто спрашиваю себя: откуда у этих людей, бывших фронтовиков, такая отдача всех сил, стойкость, жизнелюбие? Ищешь ответа, но не всегда сразу его находишь. А он, оказывается, тут — сам собой напрашивается. Он заключен в словах майора Клыкова, начальника штаба стрелкового полка; провожая Виктора Бабасова на Урал, он говорил ему: «Помни, жизнь твоя Родине нужнее, чем смерть. Конечно, жизнь яркая, светлая, чистая».

Такая сложилась она — жизнь у Виктора Бабасова, бывшего юнги, а ныне Героя Социалистического Труда. И мне подумалось о том, как посчастливилось людям, которые работают рядом с ним.

ПРИЧАСТЕН СУДЬБОЮ СВОЕЮ

Штрих к портрету

По Белому морю идет белый-белый теплоход. На палубе многолюдно. Здесь не только туристы с тяжелыми рюкзаками, но и студенты, у которых начался трудовой «третий семестр». Веселые, неунывающие ребята сидят на корме судна. По разговорам можно догадаться, что они — математики и кибернетики из МГУ, горят желанием участвовать в реставрационных работах Соловецкого кремля. Студенты, как всегда, с неразлучной гитарой и, конечно, со своей песней, видимо, только что сочиненной:

Этот кремль, обгоревшие башни,
Мокрой плесенью покрытый собор,
Холод севера и вкус гречневой каши,
В рюкзаке увезу я с собой.

Прислушиваюсь к незатейливой мелодии песни, слушает ее и мой спутник, молчаливый, задумчивый, с проседью на висках, на пиджаке — три ряда орденских планок. Это мой земляк-горьковчанин Михаил Хорошев, редактор городской газеты «Павловский металлист». Он смотрит на мелкую рябь волны, о чем-то думает. Кто был на море, тот знает, что морская волна всегда наводит на размышление. О чем может думать моряк-ветеран, стоя на борту теплохода в погожий июльский день? Разумеется, о многом и разном. Но прежде всего, пожалуй, о далекой

юности своей, совпавшей с первыми днями минувшей войны. Так, во всяком случае, бывало со мной, когда я приезжал на Соловецкие острова...

Но вот кто-то сзади обнимает моего земляка за плечи. Он оборачивается. Встреча. Глаза в глаза. Они пытаются узнать друг друга. И узнают...

— Мишка! Хорошев?!

— Я. А ты — Юрка?

— Он самый — Татарников!

Возгласы, восклицания привлекают внимание пассажиров теплохода «Мудьюг». Вот к нам подходит морской офицер. Представляется:

— Капитан второго ранга-инженер Удодов!

— Борис! — узнает Михаил Хорошев своего однокашника.— Уже трое из нашей смены рулевых. Обещал приехать из Риги Валентин Пикуль. Ты помнишь его?

— Как не помнить,— отвечает моряк,— у меня с собой его книга «Океанский патруль». Автограф мечтаю заполучить. Думаю, не откажет по старой дружбе.

Пришлось сообщить флотским друзьям:

— Не приедет на встречу Валя Пикуль. Занят очень.

Показал телеграмму. Валентин извещал: «Дорогие друзья! Очень жалею, что не могу в этот славный день быть среди вас. Душой с вами. Всех юнг крепко обнимаю. Валентин Пикуль».

В день Военно-Морского Флота в 1972 году мы собрались отметить юбилей — 30-летие со дня основания школы юнг ВМФ. Со всех концов страны съезжались на Соловецкие острова бывшие юнги. Должен был приехать и Валентин Пикуль, но в эти июльские дни к нему в Ригу издательство командировало редактора с версткой новой книги «Моонзунд». Надо было кое над чем поработать, внести авторскую правку. Тем более, что «поджимали» издательские сроки. Валентин Пикуль в одной из весточек описал в двух строчках, как складывалась его работа: «Быть же на Соловках мне никак было нельзя — просто рубаха на мне дымилась летом». Пишущая братия знает, каких тяжких трудов стоит поставить последнюю точку перед тем, как книга увидит свет.

Более двадцати лет служит литературе Валентин Пикуль. Много писал — стихов и прозы, но печататься стал значительно позже. Его первый рассказ «Женьшень» был

опубликован в 1950 году, когда молодому писателю исполнилось двадцать.

Валентин рассказывает:

— После войны, кое-где проработав, не слишком много, стал заниматься литературой и самообразованием. Начиная с 1950 года прозаик-романист все больше и больше вытесняет во мне поэта. Мои любимые занятия — иконография (наука о портрете) и генеалогия (наука о родословии). Учусь и по сию пору — почти ежедневно. По сути дела, биографии у меня нет, если и есть, то она не приведи бог какая...

Валентин Пикуль — удивительный собеседник, в нем одновременно живут писатель-историк, писатель-маринист и моряк с эсминца «Грозный». Он знает море, свежие ветры и матросскую удаль, большие радости и глубокие печали. Биография у него есть, да еще какая! Как писатель своим рождением Валентин Пикуль обязан суровому времени — Великой Отечественной войне. Не удивительно, что героическая тема стала магистральной в его творчестве. Все произведения Валентина Пикуля, посвященные историческим событиям, происходившим на флоте как в период первой империалистической войны и революции («Из тупика», «Моонзунд»), так и в минувшей Отечественной («Океанский патруль», «Караван PQ-17», «Мальчики с бантиками»), проникнуты революционным духом, поэзией преобразований. Целая галерея созданных писателем характеров в его первом романе «Океанский патруль»: лейтенант Артем Пеклеванный и юнга Сережа Рябинин, Вахтанг Беридзе и разведчик Николай Ярцев — олицетворяют неодолимость нашей жизни, благородство души советских моряков. Правда, автор считает, что его роман-первенец «Океанский патруль» — не очень удачный. Быть может, это справедливо. Ведь пытливый глаз художника видит глубже других. Больше того, это только говорит о требовательности писателя к своему творчеству.

Следом за романом «Океанский патруль», изданном в 1953 году, были опубликованы такие произведения, как «Баязет», «Париж на три часа», двухтомный роман «На задворках великой империи», книги «Из тупика», «Караван PQ-17», сборник исторических романов, повестей и рассказов «Пером и шпагой», роман-хроника «Моонзунд», повесть «Мальчики с бантиками», а совсем недавно по-

явилось на прилавках книжных магазинов (появилось и быстро исчезло!) еще одно произведение — роман в двух книгах «Слово и дело».

Валентин Пикуль не стал бы романистом, если бы не почувствовал в себе страстного исследователя, умеющего сопоставить факты старины и делать из них оригинальные выводы, нисколько не противоречащие марксистской исторической науке. Он умеет разгадывать в архивных материалах дух целой эпохи, а в ней историческую личность, быть может, затерявшуюся, несправедливо забытую. Загадывая шифр, писатель не забывает дать объективную оценку событиям и своим героям, нарисовать социальную картину времени. Возьмем, к примеру, роман «Пером и шпагой». С проницательностью дипломата и военного историка Валентин Пикуль вскрывает интриги некоторых европейских государств, направленных против России, рисует образы королей и сановных лиц с таким мастерством, что ему могли бы позавидовать опытные историки, посвятившие всю свою жизнь международным отношениям.

Доктор исторических наук, профессор С. Окунь, анализируя этот роман Валентина Пикуля, писал: «В батальных сценах и, в частности при описании сражений под Кунерсдорфом, блестящий показ действий обеих сторон базируется на детальном изучении военно-исторических материалов, раскрываемых с помощью художественных приемов. Эти батальные сцены написаны в лучших традициях русской исторической романистики, где решительные битвы часто бывали объектом художественного восприятия».

Поражаешься богатству ассоциаций в исторических романах Валентина Пикуля, разумное сопоставление событий, взглядов, описание немаловажных подробностей, деталей и быта далекой старины, которые помогают писателю широко и смело рисовать картины европейской и русской жизни.

Этот очерк представляет собой не литературоведческий анализ творчества писателя, а только штрихи к портрету. Я ничего не сказал, например, о том, что Валентин Пикуль пишет и рассказы. Его перу принадлежит несколько замечательных исторических миниатюр: «Жизнь генерала-рыцаря», «Воин, метеору подобный», «Шарман, шарман, шарман!», «Пасхальный барон» и другие.

Несомненная трудность для Валентина Пикуля, как и для любого другого настоящего художника — в каждом произведении показать жизненно достоверными множество людей, дать каждому свою судьбу, факт жизни сделать фактом искусства. Пожалуй, эту сторону мастерства больше всего чувствуешь в романе-хронике «Моонзунд». Надолго запомнятся образы героев этого произведения — офицера русского флота Сергея Артеньева с эсминца «Новик» и матроса 1 статьи Трофима Семенчука. Можно с уверенностью сказать, что у этих моряков были свои прототипы. Это — капитан 1 ранга Н. Ю. Авраамов, бывший командир эскадренного миноносца «Лейтенант Ильин», а впоследствии военмор Балтфлота, награжденный в гражданскую войну орденом Красного Знамени. Трофим Семенчук — это Федор Самончук, минный машинист с миноносца «Гром», прославившийся в знаменитом Моонзундском сражении.

В другом произведении, «Караван PQ-17», Валентин Пикуль воскрешает одну из трагических страниц минувшей войны: гибель каравана союзников, отправившегося к нашим берегам летом 1942 года. Все та же тема: война, человек на войне, героизм и самопожертвование, верность долгу, воинской присяге... В этой исторической летописи Валентин Пикуль выступает как страстный художник и как моряк. Ведь многое из пережитого и перечувствованного им самим легло в основу этой документальной хроники. Будучи рулевым, а затем аншютистом на эсминце «Грозном» юнга Пикуль часто выходил в море, к острову Медвежьему, встречать суда союзников, идущие из Гулля, от полуострова Флорида до Лох-Ю (Шотландия) и дальше — до берегов Мурмана. На переходе морем «Грозному» приходилось отражать атаки немецких подводных лодок, сбрасывать на них смертоносный груз — глубинные бомбы. Нелегкая была вахта у юнги-рулевого. В конвое не бывает прямого курса. Надо было идти зигзагом, ломать курс, сбить с прицела фашистских подводников. И совсем дело дрянь, когда над морем несутся тяжелые свинцовые тучи. Ветер, срывая пену с гребней волны, бросает брызги на мостик. Трудно удержать эсминец по курсу в штормовую погоду.

— Я держу в руках манипулятор рулей,— вспоминает Валентин Пикуль,— передо мною в матовом голубом сиянии мягко вибрируют стрелки тахометров. Словно

человеческое лицо, в потемках рубки желтеет круглое табло репитера. А передо мною откинут черный квадрат ходового окошка, и там — только ночь, только мрак, только свист ветра, только летят оттуда потоки ледяной воды...

Но юнга Пикуль нес вахту исправно, перед трудностями не пасовал. Он настоящий моряк.

Наиболее автобиографична новая работа Валентина Пикуля «Мальчики с бантиками». События, описываемые в ней, происходили в 1942—1943 годах на Соловецких островах в школе юнг и на эсминцах Северного флота. У героев повести есть реальные прототипы. Это те моряки-ветераны, с которых мы начинали свой рассказ о творческом пути Валентина Пикуля.

Роман-хроника «Слово и дело» — масштабное произведение, заключающее в себе десять сложных и трудных лет русской истории. Это — так называемая «бироновщина» во времена царствования Анны Иоановны. В этом романе автор переносит нас из апартаментов Зимнего дворца то в причерноморские степи, то в снежные тундры Березова, то ведет читателя за армией Миниха—к Гданьску или на Бахчисарай. В романе представлены все слои населения тогдашней России. Но главными героями романа являются русские патриоты во главе с Арсением Волынским, возглавившим борьбу против немецкого засилия при дворе, армии и на флоте. Рядом с ним — сибиряк Никита Выходцев, без книг и учителей, самоучкой освоивший геодезию; матрос Куров, ставший талантливым штурманом-навигатором, и многие другие.

«А народ — его не избыть!» — утверждает Валентин Пикуль своим новым историческим произведением. Черты народного характера находят свое выражение и в богатом, ярком языке романа. Речи героев «Слово и дело» присущи подлинно народная образность, меткость, острота. В ней звучит и мягкий, чисто русский, насмешливо-добродушный юмор и уничтожающая, злая ирония, разящая царских сановников. Книга «Слово и дело» прочно связана с традициями русского исторического романа. Эта связь ощущается в том, что писатель изображает жизнь России XVIII века в движении, в развитии, умеет писать о прошлом с позиций современности.

Разносторонность интересов — одна из особенностей творчества Валентина Пикуля. Последнее десятилетие оказалось особенно плодотворным для романиста. О чем

бы он ни писал, его книги — результат глубокого и пытливого изучения архивных материалов, самой жизни.

Сегодня у писателя на столе лежит стопка чистых листов бумаги. Валентин Пикуль возвращается к роману-эпопее «На задворках великой империи». Третья часть трилогии будет о Григории Распутине. Роман называется «Нечистая сила». Впереди еще одна новая работа — историческое повествование о великой русской балерине Анне Павловой.

Перебираю фотографии военных лет. Вот эсминец «Грозный», групповой снимок юнг во флотском экипаже в Ваенге (ныне Североморск), а вот еще, присланное Валентином Пикулем, и вспоминаются строки из его письма: «Недавно свалил с себя очередную работу и воспрянул малость. Позволю себе короткий отдых (обязательно что-нибудь ДЕЛАЯ, но только не писать)... В нашем возрасте надо бояться того состояния, когда нечего делать...»

Хотя и чувствуется в последней фразе грустинка, но это писатель сказал не о себе, я не склонен думать, что писательская судьба Валентина Пикуля не состоялась. Сейчас он в расцвете творческих сил. Быть может, именно сейчас наступило время вспомнить о легкокрылых кораблях своей юности. Стоит только на миг закрыть глаза, и можно увидеть их как наяву...

Бороздят воды Баренцева моря и Атлантики «Гремящий», «Громкий» и «Грозный». Правда, эскадренный миноносец «Грозный» сегодня не тот, теперь его именем назван Краснознаменный ракетный крейсер. Здесь уместно повторить слова Валентина Пикуля, сказанные в одной из книг:

«Как мальчишка, я снова хочу кричать от восторга:

— Это они... это они!

Я люблю их, эти корабли. Любовь моя к ним неизбывна, как и все, что любишь по-человечески — чистым сердцем».

Вот в этом — и характер, и вся жизнь писателя Валентина Пикуля. Он благодарен родному флоту, который воспитал его. Он благодарен эскадренным миноносцам, с высоких мостиков которых дальше видится. Он поет хвалу кораблям своей флотской юности, без которых его жизнь была бы совсем не та... Ведь он, как никто другой, к морю причастен судьбою своею.

СОДЕРЖАНИЕ

Виталий Григорьевич ГУЗАНОВ

ЮНГИ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

Документальная повесть и очерки

Заведующий редакцией **Г. М. Некрасов**
Редактор **В. Н. Курбатов**
Художник **Л. П. Анисимов**
Художественный редактор **Г. Л. Ушаков**
Технический редактор **В. Н. Кошелева**
Корректоры **Р. М. Рыкунина, И. С. Судзиловская**

ИБ № 213

Г-98260. Сдано в набор 30/IX-76 г. Подписано в печать 23/V-77 г. Изд. № 3/984. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Тираж 100 000. Цена 49 коп. Физ. п. л. 4,5. Усл. п. л. 7,56. Уч.-изд. л. 7,53. Зак. 6-415.

Ордена «Знак Почета». Издательство ДОСААФ СССР. 107066, Москва, Б-66, Новорязанская ул., д. 26.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

7 г.
1.
зд.

066,

од-
За-

49 коп.